

ПРАСЛАВЯНСКАТА ОСНОВА НА ДУАЛИЗМА НА БАЛКАНСКИТЕ СЛАВЯНСКИ ЕЗИЦИ

Иван Леков

Етногенезата на балканските народи е привличала вниманието на изследвачите още в миналия век, но напоследък този въпрос получи отново актуалност преди всичко във връзка с утвърдилата се идея за балканския езиковен съюз. Така по повод на съответни конгреси бяха подновени, а същевременно и противопоставени съществуващи вече тези около създаването и същността на балканското взаимно езиково проникване, смесване и съгласуване¹. Така генезата на общите черти на балканските езици, които някои разделят на централни (албански, румънски, български и днешния македонски) и периферични (гръцки, сърбохърватски и турски), заема първо място в тази отдавна прогласена, но все още неизяснена комплексна проблематика. Досегашната литература създаде повече различия, отколкото съгласие, и само в някои най-нови опити прозира стремежът да се тръгне в по-сигурна посока на търсене на истината. Езиковата типология насочи към сравнение с подобни процеси в други европейски територии (за членната форма в Скандинавския п-в, за изчезване на инфинитива в южноиталиански области и др.), като внуши идеята, че е честа възможността за конвергентно, особено синтактично развитие на езици в контактни географски условия. Освен това към тази основна характеристична черта на балканския езиков съюз с основание се добавят и други, които изразяват активната роля на отделни езици и особено на българския в сложния ход на интерференцията, която е започнала и в значителна степен се е запазила предимно като семантична, вътрешна, функционална, а не структурна.

За славистиката обаче важна и в случая е предбалканската история на по-късните славянски езици на Балкана. Това са днешните южносла-

¹ Срв. Взаимодействие на славянски и неславянски езици и въпроси на езиковите съюзи, Слав. филология, т. I. Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание, София, 1963, стр. 299—309, 316—327; Славянска филология, т. VII. Езикознание, стр. 295—303, 265—270, 279—283; 1er Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes, Sofia 26. VIII — 1. IX. 1966, Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique, Sofia, 1966 (Rapport pour la séance plénière) и Résumés des Communications (Linguistique), Sofia, 1966; B. Havránek, Problematika miješanja jezika, Zadarska revija, 12, 1964, стр. 177—185, и Zur Problematik der Sprachmischung. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue, Travaux linguistiques de Prague, 2, Prague, 1966, стр. 81—95 (с най-новa литература). Вж. и Т. В. Шивьян, Исследования З. Голумба по балканистике (обзор), Структурная типология языков, Москва, 1966, стр. 255—262.

вянски езици без македонския, чието възникване е съвсем ново, и без словенския, който не се смята за балкански. Напоследък отново някои автори отправят поглед към предбалканското минало на двата южнославянски езика — българския и сърбохърватския, като изтъкват черти на близост между тях и западнославянските езици, навярно с цел да оборят все още господстващото в много езиковедски кръгове старо убеждение, че южнославянските езици водят началото си от езици на племена, които са били клони от източното славянство¹.

Интерес би представлявала всяка нова лингвистична анализа на отношенията между южнославянските езици, от една страна, и останалите славянски езици, от друга — независимо от етнологическите теории за преселението на балканските славяни от прикарпатските области, изтъкнати в своята цялост още от Л. Нидерле². Очевидно такъв опит не бива да бъде нито повторение, нито извлечение на познатия от разни трудове досега материал, при все че той все пак ще съдържа част от него³. За целта е необходимо да се направи подбор на най-типични и с компаративна и функционална стойност белези от почти всички равнина (платостове) на съпоставените езици, като се изолират подобия и сходства, които имат следпраславянска хронология, и като се насочи вниманието към предполагаемия минал, къснопраславянски стадий на наблюдаваните днес явления.

Именно в такъв динамичен или по-точно диахроничен квантитативен смисъл моделирането на сходствата само между сърбохърватския език и западнославянските езици е достатъчно, за да се види, че българският език не споделя тези свойства и клони в това отношение към източнославянските езици. При това на основателния въпрос има ли в останалата част на структурата връзки на български със западнославянски и на сърбохърватски с източнославянски, досегашните изследвания, ако не да отговарят утвърдително, сочат, че техният брой и функционален обхват е много по-малък.

Известно е, че праславянските ерове в територията на западните славяни (за отделни словашки и лужишки отклонения не става въпрос) около X в. са били засегнати от тенденцията за унищожение на опозицията помежду им, което е довело до сближаване и сливането им в един вокал *e*. Същата основна скрита тенденция е причинила и появата на единствения рефлекс на двата ера, а именно вокала *a* в сърбохърватския език. Тя обаче не е засегнала източнославянския и българския език, в които отраженията на еровете се различават. Този пример най-вече

¹ Срв. умереното гледище на Z. d. Stieber, W sprawie pierwotnego podziału dialektalnego języka prasłowiańskiego, Symbolae Linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz, W.-W. Kraków, 1965, стр. 304—308, че южните славяни са от смесен северославянски произход. За праславянска близост на български и лехитски отново се застъпва С. Б. Бернштейн в К изучению польско-южнославянских языковых связей, Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 5, Warszawa, 1965, стр. 33—36, а крайна позиция заема J. Nalépa в Słowiańszczyzna północno-zachodnia, т. I (под печат), като смята, че южните славяни са клон само от западните.

² Вж. у автора в статията „Характер на дискуссионните въпроси в сравнителната граматика на славянските езици“, Слав. филология, т. III, София, 1963, стр. 41 и сл.

³ Такъв материал в достатъчна пълнота е събран в моята статия-доклад на IV Международен славистичен конгрес в Москва под заглавие: Значение на граматичните словообразователни и лексикални данни за класификацията на славянските езици от съвременяо гледище, Славянска филология, т. II, Москва, 1958, стр. 64—78.

подхожда да изрази ролята на вътрешните зародишни сили, тенденциите в историята на развоя и да я противопостави на днешните резултати на наблюдаваното крайно състояние¹.

По същия начин в моделирането на балканския езиковен съюз би трябвало да се изтъкне като една от най-характерните черти наличието на функционално-семантичната опозиция *определеност ~ неопределеност*, изразена структурно (що се отнася например до членната форма) разнородно в отделните балкански езици. Същата опозиция с унищожена в един случай в полза на позитивния ѝ член при изчезването на инфинитива, а в друг случай е хипертрофирана или по-добре интензифицирана с появата на удвояването на обекта (срв. в бълг. „и него го взеха“). По-нататък, що се отнася до загубата на склонението, до смесването на отделни падежи (род., дат. ед. ч.)², очевидна е ролята на усиляването на синтагматичната ос и на атрофията на парадигматичната в областта на имената, успоредно със засилената релевантност на предложката система. Най-сетне важен вътрешен фактор е усиляването на ролята на модалността в глаголната система, в резултат на която се укрепва бъдеще време с помощния глагол *хощя* и се дава потик за появата на тънко нюансирани глаголни формации в език като българския.

И тъй между чертите, които навеждат на мисълта за някогашен по-траен допир на сърбохървати със западни славяни, трябва да се изтъкнат преди всичко тези:

1) Отстраняване на опозицията между еровите застъпници, срв. сръбхърв. *сѣн ~ дѣн*, чеш. *sen ~ den*, пол. *sen ~ dzień* и пр.

2) Сбилантният характер на отраженията на праслав. *tj, dj*, срв. сръбхърв. *ћ, ђ* — *свѣћа, мѣћа*, чеш. *svíce, meze*, пол. *świeca, miedza* и т. н.

3) Склонност към контракция, срв. сръбхърв. *успѣм*, 1 л. ед. ч., *зидѣте*, 2 л. мн. ч., *игра се*, 1 л. ед. ч. и под. Чешката контракция има многообразни форми *smáti se, stavěni, děláš* и мн. др.

4) Фонологична релевантност на квантитета, срв. сръбхърв. род. ед. *кѣри* ~ род. мн. ч. *кѣри*, род. ед. *пѣбра* срещу мн. *пѣбрѣ*, чеш. *žila* (същ.) ~ *žilá* (глагол) и т. н.

5) Отстранение на фонема *l* твърдо по различни начини в някои от сравняваните езици, срв. сръбхърв. *читао < читал, слушаоци < слушалци* и пр., чеш. *psal* и пр., но в пол. *czytał* и пр. с тенденция към *ц*.

6) Запазване на сонантно *r* (*ř*), срв. сръбхърв. *зрѣно*, чеш. *zrno*, но пол. *ziarno* и пр.

7) Запазване на вокализма от редуция.

8) Готовност за отстраняване на консонантната геминияция, сръбхърв. *бѣсан* (рус. *бессонный*), чеш. *haný* и др.

9) Подготовка за нова следпраславянска палатализация на консонанти, срв. сръбхърв. *цвѣће, нѣсрећа, лѣћа*, пол. *cięde < kiedy* в кашубски диалекти.

10) Наличие на вътрешна флексия, срв. сръбхърв. *мислимац ~ мислиоца, миѣао* ~ тв. пад. ед. ч. *мишљу* и пр., пол. *miasto* ~ м. пад. *mięście* и под.

11) Наченки на падежен синкретизъм, сръбхърв. дат., тв. и местен падеж на мн. ч. с окончание *-ма*, срв. *јунацима*, чеш. всички падежи в ед. ч. при *jo*-основи с изключение на тв. с оконч. *i*, срв. *знатени* и под.

12) Флективни родови разлики в мн. ч. на перфекта, срв. сръбхърв. *ѡни су читали* м. р. ~ *ѡне су читале* ж. р. ~ *ѡна су читала* ср. р. и подобни разлики в чешки.

¹ Не по-малко характерен е и примерът с промяната на оконч. за 1 л. мн. ч. сег. вр. в сърбохърватски, чешки и словашки, гдего първоначално **-тъ* се заменя с *-то* или *-те* поради настаиването на оконч. *-т* в 1 л. ед. ч.: сръбхърв. *мислимо*, чеш. *myslíme*.

² Свойствено и на други — небалкански езици.

ЗАМЕТКИ К „СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Н. М. Дылевский

Высказываемые в последнее время всё с большей настойчивостью сомнения в адрес „Слова о полку Игореве“ (в созвучии с неоправданным скепсисом проф. А. Мазона) обязывают искать признаков подтверждения его подлинности во всех его элементах. Под знаком этого новейшего скептицизма анализ „Слова“ неизбежно должен получить совершенно определенную доказательную направленность и полемичность, выйти за рамки самодовлеющего в известной мере текстологического изучения памятника. В процессе отыскания всё новых и новых свидетельств исторической достоверности „Слова“ пересмотру и переоценке должны подвергнуться даже самые незначительные, казалось бы, детали, так как в конечном счете доказательства могут обнаружиться там, где мы их меньше всего или совсем не ожидали. Наша заметка написана именно с таких позиций и имеет своим объектом критический разбор одного из словосочетаний текста „Слова“, почти обойденного вниманием комментаторов вследствие своей внешней незначительности. Это словосочетание „врѣху древа“ в известном выражении „Слова“ — „Дивъ кличетъ врѣху древа“ (9), не подвергавшееся специальному исследованию вообще¹.

*

Не будучи вовлеченным в общий процесс анализа лексики и фразеологии „Слова о полку Игореве“ с начала его опубликования в 1800 г., словосочетание „врѣху древа“ напало себе следующие формы передачи в русских и украинских переводах прошлого и нынешнего века:

1. „на вершина дерева (древа)“ 2. „на верѣху древа“ : 3. „в верѣху древа“ :

Изд.; перевод в бумагах А. Ф. Малиновского; неизд. перев. В. В. Капниста (1805); С. К.

В. А. Жуковский (1817—1819, 1882).

Перевод в бумагах Екатерины II.

¹ Более специальное отражение слово *врѣху* нашло на страницах словарей: Е. Барсова, „Лексикология „Слова““, А—М., т. III, М., 1889, стр. 108, и „Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“, Вып. 1, М.—Л., 1965, стр. 104—106.

Шамбинаго (1912); В. А. Келтуяла (1928); С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржига (1934); Н. К. Гудзий (1938); А. С. Орлов (1946); Д. С. Лахачев (1950); И. П. Ермин (1957); С. В. Ботвинник (1957); и „на вершинах“ — 1961).

„на верху дерева“: Л. Е. Махновец (1951); М. Рильский (1939—50).

„верху дерева“: Н. М. Лавлов-Бицын (1874); С. В. Шервинский (1934); Ф. М. Головенченко (1963).

4. „поверх дерева“:

список из архива кн. Белосельских (XVIII в.)

5. „с вершины дерева (дерева)“:

Л. А. Мей (1850); Г. П. Шторм (1934—37); С. Басов-Верхоянцев (1937—38); В. И. Стеллецкий (1944—65); Н. Заболоцкий (1946); С. Н. Плаутин (1958).

6. „с вершин деревьев“:

А. К. Югов (1945); Р. О. Якобсон (1958, ТОДРЛ, XIV).

7. „от вершины дубов“:

Л. И. Минаев (1846).

8. „с верху дерева“:

М. Де-ла-рю (1839). „зверху дерева“: С. Гординский (1950).

9. „с дерева“:

Л. И. Тимофеев (1953); Е. Н. Бирукова (1961).

10. „Высоко поднявшись по дереву“ — А. Н. Майков (1870). „Устав Див, гукае Вище древа“ — О. В. Коваленко (1954).

11. „над лесом, выше лесу“ — Е. В. Барсов (1889). „От і Див уже над древом ви і гукае“ — М. О. Максимович (1857—59).

12. „верх дерева Диво голосить“ — Ю. Фелькович (1902).

„і Див озвався верхи дерева над Доном“ — В. Шурат (1907).

13. „див кричит на дереве“ — Д. Лубенский (1848); „На дереве Див кличет“ — С. В. Шервинский (1961).

„і на дереві високім Диво викликає“ — С. Руданський (1860).

В приведенном обзоре перевод словосочетания „врѣху древа“ сводится к тринадцати вариантам (в действительности их больше), совершенно, однако, не мотивированным грамматически. Последнее имеет, по-видимому, причиной то, что в выражении „Дивѣ кличет врѣху древа“ в фокусе комментаторов оказывалось неясное и нелегко поддающееся истолкованию слово „Дивѣ“. Словосочетание „врѣху древа“ заслонялось им и выпадало из поля их зрения. В результате с легкой руки комментаторов I издания в значительной части переводов (старых и новых) утвердилась передача словосочетания „врѣху древа“ — „на вершине дерева“ (11 переводов 1-й группы).

Попытаемся обосновать наше понимание грамматической функции и семантики слова *врѣху* более углубленным анализом.

Первое, с чего нам хотелось бы начать. Совершенно очевидно, что чем бы ни считать слово *врѣху* как грамматическую форму в словосочетании „врѣху древа“, она ни в коем случае не может восприниматься как *genetivus separationis*. В таком значении *врѣху* не встречается ни в одном памятнике древнерусского языка. Нельзя видеть в нем и пред-

ложное слово со значением современных аблативных предлогов *с, от*. Такое понимание слова *врѣху* (ничем, правда, не подтверждаемое и теми, кто его ввел в обращение) незащитимо. А из этого следует, что варианты чтения: „с вершины дерева“ (5), „с вершины деревьев“ (6), „от вершины дубов“ (7), „сверху дерева“ (8) и „с дерева“ (9) должны полностью отпасть. Еще более неоправданной представляется передача существительного *древа* формой множественного числа, совсем не имеющая под собой почвы. *Древо* — исконное существительное среднего рода консонантного склонения, перешедшее позднее к бывшим *ѵ*-основам. Единственный выход — форма *древа* — родительный падеж единственного числа и ничем другим быть не могла.

Абсолютно произвольными надо окачествовать варианты: „поднявшись по дереву“ (10), „над лесом, выше лесу“ (11) и „верх дерева“ (12).

Получившим наиболее широкое распространение еще со времени I издания 1800 г. оказался в переводах „Слова“ первый вариант — „на вершине дерева (древа)“. В этом чтении отразилось восприятие слова *врѣху* как беспредложного локатива ед. ч. старых *й*-основ¹. К первому варианту примыкают второй и третий: „наверху дерева“ и „вверху дерева“ и отчасти четвертый вариант — „поверх дерева“. Остается еще один — тринадцатый вариант — „на дереве“, которого мы коснемся ниже.

Остановимся сначала на разборе первого варианта перевода словосочетания „врѣху древа“ — „на вершине дерева“, нашедшего место во многих изданиях „Слова“, в том числе и в новейших.

Исследователями беспредложного локатива установлен факт его функционирования в древнерусском языке, однако сфера его употребления была ограничена рядом условий². По-видимому, уже ко времени возникновения первых памятников беспредложный локатив от нарицательных существительных почти полностью деградировал³. В основном употребление его определялось: 1) кругом имен, встречавшихся в этой форме и 2) кругом глаголов, требовавших употребления именно беспредложного локатива, а не какой-либо иной формы⁴.

Очерчивая круг имен, принимавших форму беспредложного локатива, следует отметить, что это прежде всего: 1) названия городов (в особенности старых и хорошо известных), 2) имена, обозначающие отрезок времени, 3) наречия, указывавшие место, время, направление, а иногда и более отвлеченные понятия, употреблявшиеся и в качестве предлога⁵. Круг глаголов, требовавших беспредложного локатива, включал: 1) глаголы, выражавшие направление, определенное стремление к предмету, сближение с ним или вхождение в соприкосновение, и 2) глаголы, обозначающие пребывание лица или предмета в определенном состоянии или положении (также, как *быти, пребывати, пояти, яти, имѣти*) в немно-

¹ Перевод этот нашел место и в недавно вышедшем I-м выпуске „Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“, М.—Л., 1965, стр. 104, в котором *врѣху* объясняется как беспредложный местный падеж сущ. *врѣхъ* (*аврѣхъ* > *врѣхъ*).

² В. Н. Топоров, Локатив в славянских языках, АН СССР, М., 1961, стр. 10—36; А. Д. Григорьева, К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке. Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, Вып. I, М.—Л., 1948, стр. 127—156.

³ В. Н. Топоров, цит. соч., стр. 22; А. Д. Григорьева, цит. соч., стр. 133.

⁴ В. Н. Топоров, цит. соч., стр. 19.

⁵ Там же, стр. 20, 22, 34.

гочисленных примерах¹. Говоря о глаголах, сочетавшихся с беспредложным локативом, надо упомянуть и то, что сочетаемость эта в ряде случаев определялась префиксальностью глаголов.

Не нужно особого труда, чтобы убедиться в том, что словосочетание „врѣху древа“ в выражении „Дивъ кличетъ *врѣху древа*“ в „Слове о полку Игореве“ не отвечает первым двум условиям круга имен и условиям сочетаемости с беспредложным локативом глаголов. Считаем, однако, что „врѣху древа“ в „Слове“ без всякой натяжки может быть отнесено к категории наречий места, переходящих в предлог. Прежде чем вынести окончательное суждение о морфолого-синтаксической природе слова *врѣху* в словосочетании „врѣху древа“, посмотрим сначала, как обстоит дело с беспредложным локативом в „Слове о полку Игореве“ вообще. Есть ли в нем эта конструкция и, если есть, то отвечает ли она закономерностям ее функционирования в языке XII—XIII вв.?

По наблюдениям В. Н. Топорова, в „Слове“ „кроме полунаречных б/пр. лок. времени и одного б/пр. лок. при глаголе (*объисися синь мьгль*)², б/пр. лок. в „Слове“ больше не встречается, что находится в полном согласии и с данными других текстов того же времени“³. Сочетание беспредложного локатива с гл. *объисися* в выражении „*объисися синь мьгль*“ (35) без малейшей натяжки подводится под категорию сочетаемости б/пр. лок. с приставочными глаголами (с *при-*), выражающими сближение с предметом, вхождение в соприкосновение с ним (здесь в конкретном значении)⁴. Следовательно, присутствие его в тексте „Слова“ совершенно оправдано и не может вызывать возражений. Закономерность его подтверждается и хронологическим критерием, ограничивающим функционирование б/пр. лок. серединой XIII в.⁴ По-прежнему, однако, обстоит дело с сочетанием *врѣху древа*, не причисляемым В. Н. Топоровым к беспредложному локативу⁵. Эта трактовка сочетания *врѣху древа* целиком оправдывается невозможностью подведения его ни под одну из перечисленных выше групп б/пр. локатива в древнерусском языке. Наблюдения В. Н. Топорова и отчасти А. Д. Григорьевой относительно беспредложного локатива в древнерусском языке и оценка *врѣху (древа)* в „Слове о полку Игореве“ как не б/пр. локатива нам хотелось

¹ Там же, стр. 24—27.

² Мы полностью присоединяемся к В. Н. Топорову, не видящему (в противоположность А. Д. Григорьевой) беспредложного локатива во фразах как: „Ярославна рано плачетъ *Путьялю городу на забороль*“, *Немизь крозати брезь* не бологомъ бяхуть постьяни“, „уошу князю Ростиславу затвори Днѣпръ *темнъ брезь*“, а также в слове *ужинь* и т. д., цит. соч., стр. 12—13; Срв. у А. Д. Григорьевой, цит. ст., стр. 133, 153.

³ В. Н. Топоров, цит. соч., стр. 25. Гл. *объиситися*, не указывая источника заимствования, приводит в списке глаголов при беспредложном локативе прямого объекта и А. Д. Григорьева, стр. 150. Если этот глагол взят А. Д. Григорьевой из какого-либо другого памятника (что мало вероятно), то он еще раз подтверждает оправданность словосочетания „*объисися синь мьгль*“ с б/пр. лок. в „Слове“.

⁴ В. Н. Топоров, цит. соч., стр. 15.

⁵ Беспредложным локативом не считают его С. П. Обнорский и А. Д. Григорьева. Вслед за Т. П. Ломтевым — Очерки по истор. синтаксису русск. яз., М., 1956, § 112, стр. 237 — беспредложным локативом в „Слове“ считают *врѣху (древа)* О. П. Безпалько — Нарисн з историчного синтаксису украинської мови, Київ, 1960, стр. 112, § 19, и Я. А. Спринчак — Очерк русского исторического синтаксиса. (Простое предложение), Киев, 1960, § 40, стр. 148—149; Т. П. Ломтев в качестве б/пр. лок. приводит и пример „Князь же с Новгородци быша *верху Волгы*“ из Суздл. лет. по Акад. сп. 492.

бы расширить и подкрепить и некоторыми своими соображениями. Соображения эти движутся в двух планах: морфолого-фонетическом и лексико-семантическом.

Начнем с соображений и указаний первого порядка.

К собранным уже наблюдениям более широкого плана в работах В. Н. Топорова и А. Д. Григорьевой мы бы могли прибавить вот какое соображение не в пользу понимания *врѣху* (*древа*) в тексте „Слова“ как беспредложного локатива.

Если, вопреки всему, принять *врѣху* (*древа*) за беспредложный локатив, каким *врѣху* могло быть потенциально как старая *-ѣ* основа, то присутствие его именно в тексте „Слова“ наталкивается на некоторое противоречие. Противоречие это сводится к необычному именно для языка „Слова о полку Игореве“ фонетическому оформлению *врѣху* как морфологической формы, как формы предполагаемого местного падежа без предлога. Суть дела, в том, что все другие существительные с основой на заднеязычный согласный представлены в „Слове“ в палатализованной форме, с *з, ц, с* в исходе основы. Среди них — семь форм односложных существительных мужского рода (совершенно аналогичных по структуре с сущ. *врѣхъ*) со свистящими *з, ц* в местном падеже ед. ч.: (на) *брезъ* (18, 25), (при) *олазъ* (16), (въ) *пламянь* *розъ* (20), (въ) *харалузъ* (26); (на седьмомъ) *въць* (35), (на) *тоць* (36). Эту выдержанную особенность памятника С. П. Обнорский склонен отнести к оригиналу¹. При таком положении, казалось бы, надо ожидать *-с-* и в исходе сущ. *врѣхъ* в форме местного без предлога: *врѣсть* вместо *врѣху*. Тут, разумеется, сразу возникает возражение, что сущ. *врѣхъ* (*врѣху*) старая *-ѣ* основа и что благодаря этому она могла вести себя по-иному в отличие от исконных *-ѣ* основ (все перечисленные шесть существительных в „Слове“ *-ѣ* основы). Не отрицая логичности такого довода, мы, однако, сейчас же можем ответить на него соображением, что палатализованная форма *врѣсть* (*врѣсть*) отнюдь не была чужда некоторым древнерусским текстам. Срв., например, форму *врѣсть* во фразе „... и тѣдящи на единомъ *врѣсть* горы ... вся мимоходящаа путники и кунци убиваше ...“ в русском переводе „Хроники“ Иоанна Малалы (II, 48), ровеснике „Слова о полку Игореве“ (XII—XIII в.)². Круг подобных примеров может быть расширен ссылками и на другие русские тексты древней эпохи³. Вот почему, имея в виду последовательную и строгую выдержанность форм локатива существительных муж. р. с *з, ц* в исходе в „Слове“, следует предположить, что участи остальных односложных слов аналогичного

¹ Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.-Л., 1946, стр. 151. Единственное образование без смягченного заднеязычного *полотскъ* (36), с восстановлением заднеязычного на месте смягченного согласного, особенно в именах существит. на *-ск-*, принадлежало уже старейшей системе русского литературного языка (там же, стр. 152).

² Цитирую по „Словарю-справочнику „Слова о полку Игореве“. Вып. 1, М.-Л., 1965, стр. 105, 1.

³ Срв. форму локатива „на верст“ — „на верху“, с свистящим *с* из *х* перед *ь* по традиции, согласно старым нормам второй палатализации, правда, более позднего времени (в грамоте вел. кн. Василия Дмитриевича 1399 г.). См. П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология, М., 1953, стр. 71. Говоря о традиционности написания со свистящим — *верст* в позднейшее время, П. С. Кузнецов тем самым утверждает его широкую распространенность и обычность в русском языке средних веков.

типа (с первичной основой на *г, к, х*) не должно было избежать и сущ. *врѣхъ*. В обоснованности нашего предположения убеждает наличие формы *врѣсть* в современных „Слову“ памятниках письменности.

Акад. А. С. Орлов склонен допустить, что написание *врѣху*, с *ѣ* после плавного, совпадающее в Мусин-Пушкинском списке и в Екатерининской копии, могло восходить к протографу „Слова“. Написания с *ѣ* после плавного присущи русским рукописям до-монгольской поры под воздействием перяго южнославянского влияния и не составляли исключительного явления. Указывая в качестве примера на случаи написания с *-рѣ-* и очень часто с *-рѣ-* в житиях Бориса и Глеба и Феодосия Печерского в Успенском сборнике XII в., А. С. Орлов, приходит к заключению, что „случаи с помещением глухого после плавного (по крайней мере, *-рѣ-*, *-рѣ-*) входили в орфографическую систему русской книжности, современную „Слову о полку Игореве“¹. Эта констатация А. С. Орлова помимо познавательного значения получает и цену доказательства подлинности происхождения „Слова“. Если на минуту согласиться, что эта форма с *ѣ* в постпозиции (*-рѣ-*) была введена в текст вымышленным фальсификатором, то придется признать, что он с поразительной меткостью, немислимой для человека конца XVIII века, попал прямо в цель. Как могло получиться так, что введенная им форма с метатезой *ѣ* оказалась подтвержденной наблюдениями историков русского языка полтора века спустя? Предоставляем ответить на эту загадку новейшим скептикам.

Так обрисовывается форма *врѣху* в словосочетании „врѣху древа“ в фонетико-морфологическом плане истории русского языка. Посмотрим теперь, что нам могут дать в отношении семантики слова *врѣху* образцы древнерусской и старославянской — древнеболгарской лексики?

Свой конкретный обзор лексического материала нам хотелось бы начать с вопроса методологического характера, а именно: показания каких памятников — древнерусских или старославянских — должны иметь предпочтение? Казалось бы, прежде всего древнерусских, поскольку нами исследуется явление в древнерусском языке. Суть дела, однако, в том, что по нашим впечатлениям форма *врѣху* (*врѣху*, *верху*) + генетив в рассматриваемой конструкции утвердилась в древнерусской языковой практике под очевидным влиянием идентичной старославянской модели, в которой *врѣху* уже не воспринималось как реально осязаемый беспредложный локатив сущ. *врѣхъ*. По всей видимости, в словосочетании *врѣху* + генетив *врѣху*, будучи по началу бесспорным локативом ед. ч. первичных *-й* основ, рано стало ощущаться как неизменяемая (а не как падежная) форма, превратившаяся в обстоятельствоное, адвербиальное слово и в предлог. С таким вторичным значением *врѣху* + генетив имени сделалось морфолого-синтаксический моделью и в языке древнерусских текстов. Своим образованием в кирилло-мефодиевском языке конструкция *врѣху* + генетив имени, по-видному, обязана переводу византийско-греческой модели *ἐπάνω* + genetivus. С тождественным значением она вошла и язык найденных в памятниках древней русской письменности примеров. К сожалению, перечень их далеко не исчерпывающий, но и обнаруженных достаточно для установления их грамматической функции и семантики. Показателен и круг русских памят-

¹ Цит. соч., стр. 55—56.

ников старшей поры с открытыми в них конструкциями *врѣху* + генетив. Это в большинстве библейские и евангельские тексты, культовые и житийные произведения, перешедшие на Русь с балканского Юга, из Болгарии, или созданные на русской почве под непосредственным воздействием древнеболгарских образцов. Последним в подавляющей мере обуславливаются структурные черты их языка — грамматического строя, лексики и фразеологии. Из светских, возникших самостоятельно, грузом древнерусских книжников пока мы в состоянии указать, пожалуй, только „Полонение Иерусалима“ Иосифа Флавия в переводе начала XII в., а из ранних русских — проповеди Кирилла Туровского и тексты Успенского сборника XII в. Ограниченнее старославянских памятников от древнерусских, ввиду смежности и часто идентичности их языка, использовавшего в основном одинаковые выразительные средства, приходится признать довольно условным. Ориентируясь в отношении грамматической функции и семантики слова *врѣху* + генетив в древнерусском языке в конечном итоге на русские памятники, мы неминуемо вынуждены исходить из специфики этой модели в старославянских текстах, как ее первоисточника. Из старославянских памятников мы постарались подобрать такие, которые оказали или могли оказать воздействие на утверждение модели *врѣху* + генетив в древнерусском языке, из которых они могли быть перенесены в него, что тоже, конечно, довольно предположительно. В нашем перечне мы попытались дать большинство из известных сегодня примеров (к сожалению, далеко не все из них выявлены). Впрочем, это вряд ли существенно, так как все они сводятся к одной общей модели, и собранного материала вполне достаточно для раскрытия ее семантики и грамматической структуры. Для большей наглядности образчики обоих видов текстов — древнерусских и древнеболгарских — расположены не в строгом хронологическом порядке, а, по возможности, в соответствии с наличием в них одинаковых или семантически близких словосочетаний с *врѣху*. Естественно, что не может быть пренебрегаем и хронологический момент и что памятникам — современникам „Слова“ должно отдаваться предпочтение. Увидим, что говорят нам памятники?

1. Древнерусские

1. Не может градъ оукрытиса врѣхоу горы стои. Сказ. Бор. и Глеба. Успен. сбор. XII в., л. 16, столб. с. 20, стр. 25.
2. И бысть верху горы все камяно и высоко вѣли. Флав. Полон. Иерус., 324 (нач. XII в.).
3. Пѣтица же многообразныи съдаху вьрху ихъ (ветвей), пѣсь поюшѣ слаьку. Изб. Св. 1076 г., л. 270, 7, стр. 689.
4. Апостоли на жребя ризы своа възложиша и Христось верху ихъ вѣдь. Кир. Туров., 4 (XII в., 2-я пол.).
5. И стояше же посредниѣ его (моря) стѣль великъ и вьрѣхоу его не башенно-

2. Старославянские

(*ἐπίκο βροῦς*). Остр. еванг., Мтф. 5, 14, 212 (1056—1057 гг.). (Срв. также: Ассем. Зогр.)¹.

М(а)тн его поврѣже и врѣхоу нхъ (*ἐπίκο δεικῶν*). Супрл. рук., XI в., 80, 22.

¹ Остромирово евангелие условно отнесено к старославянским памятникам по признаку употребления в нем конструкции *врѣху* + генетив как первичной, послужившей моделью, возникшей в старославянском языке.

- го же. Жит. Нифонта, 267 (по сп. 1219 г.).
6. Крестъ верху чела (*ἐπὶ τῆς κορυφῆς*). Жит. Андр. Юрал., 94 (XII в.).
7. а) Сего ради же оубо внезапно явися
 върхоу стаго голгофы... прѣ-
 великъ крестъ. Успен, сбор. XII в., л. 87,
 стлб. в, 5, стр. 125.
 б) явися... прѣвелицкии крестъ...
 върхоу стго голгофы. Там же,
 л. 87, стл. с, 28, стр. 125¹.
8. Иде же бѣ спяль зндѣникъ върхоу
 фаоустияна. Успен, сбор. XII в., л. 17,
 стлб. б, 22, из невед. части рукописи.
9. Върху гроба. Никои. Панд., сл. 45
 XIII в., 1296 г.).
10. Върхоу рогозиа, там же, сл. 18.
11. Положити върхоу себе похулене,
 там же, сл. 18.
 Поздние: „и снятъ бивъ (Фемистоклей)
 и влечетъ бистъ върху трьрогъ
 желъзныхъ“. Прол. БАН — 11, 182
 (XV в.). „И связа Исака сына своего и
 възложи на требникъ верху дровъ.
 Библ. Генн., Быт. XXII, 9 (1499 г.).
- а) Положиша върхоу главы его книж
 написанъ (*ἐπάνω τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ*), Остр.
 ев., Мтф., 27, 37, л. (1056—57 гг.).
- б) Ношахса конегъ върхоу воды (*ἐπά-
 νο τῶν ὕδατος*). Бытия, 7, 18. Григор. Па-
 рем. (XIII в., 1271 г.).
- в) Там върхоу глауенны. Шест. Ио.
 Екз., 16 (1263 г.).

Просматривая древнерусские и старославянские примеры с *върхоу* (*върхоу, върху* и т. д.) и генетивом, мы легко убеждаемся в том, что древнерусские выражения в сущности воспроизводят старославянскую конструкцию. В некоторых из них она полностью совпадает: срв. *върхоу горы* (*верху горы*) в 1-м и 2-м древнерусских и 1-м старославянском примерах; *върху ихъ, верху ихъ* — в 3-м и 4-м древнерусских и *върхоу нхъ* — в 3-м старославянском примерах. В других в ней семантически покрывается второй компонент — существительное: *верху чела* — в 6-м древнерусском и *върхоу главы* — в 6-м старославянском примерах; также в 7-м древнерусском и двух старославянских: *върхоу голгофы* и *върхоу воды, върхоу глауенны* и т. д. Этот факт возвращает нас назад, к уже высказанному мнению о вторичности оборота *върхоу* + генетив в языке древнерусских памятников, в который он, по все видимости, перешел из старославянских (древнеболгарских) текстов. А поскольку у нас есть основание видеть в сочетании *върху* + генетив старославянскую по происхождению модель, получившую вид своеобразного клише в книжном языке древнерусских памятников, мы должны до конца раскрыть его специфику в языке-прототипе.

В. Н. Топоров, посвятивший специальное исследование локативу в славянских языках, говорит прямо, что „Случай б/пр. лок. в значении места в старославянском языке чрезвычайно редки, так что с уверенностью определить условия его употребления трудно“². Это впечатление В. Н. Топорова целиком распространяется на форму *върху*, вышедшую из локатива общеславянских *-й* основ (как раз в локальном значении).

¹ 7-я и 8-я примеры были любезно указаны мне В. Г. Демьяновым.

² Цит. соч., стр. 183.

В приводимых им примерах б/пр. лок. места в разделе — IX. Локатив в старославянском языке¹ — *врѣхоу* в этой функции в старославянском языке отсутствует совершенно. Взамен этого *врѣхоу* безоговорочно причисляется им к окончательно энаречившимся беспредложным локативам места². Такая категоризация выводит бесповоротно форму *врѣхоу* из круга б/пр. лок. места в старославянских памятниках, разумеется, в функциональном, а не генетическом отношении. А тем самым уничтожается и возможность приписывания предполагаемой функции б/пр. лок. места слову *врѣхоу* в древнерусских памятниках, позднейших по сравнению со старославянскими (ergo и в „Слове о полку Игореве“).

Характеристику слова *врѣхоу* в старославянском и древнерусском языках остается закруглить и подытожить наблюдениями семантического порядка, еще более выпукло очерчивающими его роль в лексико-грамматической системе древнерусского языка.

Начнем со старославянских примеров, как исходных и генетически первичных.

Вряд ли можно оспаривать, что в старославянских примерах №№ 3-й и 6-й (а, б, в) семантика слова *врѣхоу* дает возможность понимать его как б/пр. лок. места. На помощь нам приходит и весь контекст. В 3-м примере *врѣхоу нхъ* (Супрл. рук.) имело значение 'на них' (сверху), что находит подтверждение и в греч. *ἐπάνω αὐτῶν*; в 6-м^а примере — *врѣхоу главы* (Остр. ев.) имело значение 'над головой'; в 6-м^б — *врѣху воды* и³ — *врѣху глубины* (Шест. Ио. Екз.) — 'над, над поверхностью воды', 'над глубиной, поверх глубины', срв. греч. *ἐπάνω τοῦ ὕδατος*.

Не создает особой трудности и раскрытие смыслового содержания слова *врѣхоу* (*верхоу*) в древнерусских примерах №№ 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11. Их контекстовое значение ощутимо подсказывает отсутствие в них функции б/пр. лок. Сочетания *врѣху ихъ* (= ветвей) 3-го примера (Изб. Св. 1076 г.) и *верху ихъ* (= одежд, риз) 4-го (Кир. Тур.) полностью покрываются с 3-м старославянским примером. К сказанному хотелось бы добавить и еще одно примечание. Если согласиться, что *врѣхоу* (*ихъ* = ветвей) 3-го примера, вопреки показанию контекста, действительно воспринималось сознанием тогдашнего книжника как б/пр. лок., то оно должно было бы согласовываться с местоимен. *ихъ* в числе, то есть стоять в форме мн. о. ж. числа. При таком допущении вместо *врѣхоу* мы ожидали бы *врѣстьхъ*: „... сѣдяху *врѣстьхъ* *ихъ*“, то есть 'на вершинах их' (= ветвей), а не 'вершине их', как получается в тексте сейчас, с недостойным согласованием. Подобная форма с палатализацией *x > c* в исходе (из более архаичного *врѣхъхъ* по -й основам), присущей фонетике „Слова“, была совершенно возможна³. 6-й древнерусск. пример *верху чела* тождествен старослав. *врѣхоу главы* с почти покрывающейся семантикой управляемого слова в род. пад. (*чела* ~ *главы*). 7-й древнерусск. пример может быть сближен с 7^б старославянским: *врѣхоу... голговы* — *врѣху воды* (и 7^в — *врѣху глубины*), со словами, связывавшимися с пред-

¹ Там же, стр. 184 и след.

² стр. 187.

³ Срв. церковнослав. „я на всѣхъ *верстьхъ* горнихъ“ (Иез., 17,6); „на *верстьхъ* горъ надяху“ (Осия, 4,13) и др. с предлоги. локативом места и т. п., а также сказанное о палатализованных заднеязычных в „Слове“ на стр. 273.

ставлением поверхности. Срв. *голгоаы* (горы) и *воды и глубины*. В том, что древнерусский книжник понимал *върхоу* (голгоаы) именно так (как *над*), нас убеждает заголовок этого Слова в Успенском сборнике, перефразирующий сочетание *върхоу голгоаы* — „*надъ... голгоаою*“¹. Совпадает смысловое значение форм *върхоу*, *верху* и *врѣхоу* — 'на, сверху на' в 8-м, 9-м, 10-м и 11-м примерах (в 11-м примере в переносном значении).

В более специальном истолковании на первый взгляд как будто нуждаются только 1-й и 2-й и примыкающий к ним 5-й примеры. Но на деле оказывается, что и они достаточно прозрачны по смыслу и грамматической функции. Действительно, есть ли основания согласиться с пониманием сочетания *врѣху горы* как 'на верху, на вершине горы' — в выражении „Не можетъ градъ укрытися *верху горы* стоя“ (в переводе соотв. евангельского текста). В опровержение такого истолкования разбираемого сочетания помимо уже известных очевидных грамматических доказательств, отводящих *врѣхоу* место наречившегося б/пр. лок., мы в состоянии привлечь еще две-три лексических иллюстрации. Согласно им нахождение 'на верху', 'на самом верху' выражалось в старославянском такими моделями с предл. лок., как: *На самомъ врѣхоу горы* (Болон. псалт. XII в.); *На стѣмъ врѣхоу горы Синанска* (Ник. Панд., гл. 29, XIII в.). Эти два сравнительно ранние примера можно увеличить за счет церковнославянского языка: „И останется въ ней стеблѣе... двѣ или три на верстъ *высоцъ*“ (Ис. 17,6); „на верстъ *горы*“ (Исх. 24,17) и др. Попадают случаи и без палатализации: „... на *верху* горы“ (Суд. 6,26); „и се азъ стану на *верху* горы“ (Исх. 17,9) и др. Следовательно, церковнослав. „*верху горы* (стоя)“ (Мт., 5,14), соответ. греч. *ἐπάνω βουε*, следовало бы переводить не 'на верху горы', а скорее 'наверху горы' (в значении наречного предлога). В намеченном выше смысле должно истолковываться и словосочетание „върхоу его“ (= столпа) из жития Нифонта (по сп. 1219 г.)².

И, наконец, еще одно соображение, которое никак не может быть обойдено. Ведь *врѣхоу* (*врѣхоу*, *верху*) по всех перечисленных старославянских примерах восходит к греч. *ἐπάνω*, наречию, превратившемуся в предлог по нормам греческой грамматики. Именно как праер. с. *gen.*, а не как б/пр. лок. места *врѣхоу* дается и в *Slovník jazyka staroslověnského* (Praha, 1962, 5, стр. 225—226). Заслуживает быть отмеченным, что наречный предлог совр. болгарского языка *върху* (из старого б/пр. лок.) = 'сверху на чем-либо, на что-либо' сохранил былую сочетаемость с род. пад., пережиточно сохранившимся в нем в формах местоимений. Срв. *върху мене, върху тебе, върху него, върху нея, върху им, върху тях* и т. д.

¹ Цит. изд., стр. 124.

² Объяснять появление *врѣхоу* в „Слове“ непосредственным воздействием „Повести“ Флавиана, в которой *врѣхоу* + генетив встречается в выражении „и бысть *врѣху горы* все камино велики“ и влияние языка которой на язык „Слова“ устанавливают некоторые исследователи (напр. В. Н. Петец), было бы, конечно, искусственным. *Врѣхоу* + генетив стало к тому времени моделью, достаточно широко бытовавшей в древнерусском языке вообще. Вот и все.

В конечном итоге в виде заключения к нашей заметке напрашиваются следующие выводы, вытекающие из всего сказанного выше:

1. Познавательный. *Врѣхоу* в „Слове о полку Игореве“ нет ни малейшего основания считать беспредложным локативом места ни по грамматическим, ни по лексико-семантическим соображениям. *Врѣхоу* — наречный предлог со значением 'наверху', 'сверху на' или просто 'на'. 'Наверху' — в слитном, а не в раздельном написании (с предложно-наречным значением). Следовательно, истина, по преимуществу, на стороне переводчиков, передающих „врѣхоу древа“ „Слова“ современным 'на дереве' (Д. Дубенский, С. Шервинский, С. Руданский и др.) или близкими 'вверху дерева' и т. п.

2. Доказательный. Сделанный анализ слова *врѣху* в „Слове“ лишний раз убеждает в том, что все элементы его языка, даже самые на первый взгляд, казалось бы, незначительные, полностью соответствуют закономерностям русского языка эпохи средневековья. Так тонко подделывать мельчайшие детали языка „Слова“ даже самому изощренному фальсификатору — человеку XVIII столетия было абсолютно невозможно. *Dixi!* — Я высказался!

К ПРОБЛЕМЕ УСТАНОВЛЕНИЯ В ЯЗЫКЕ СИСТЕМ ВАРИАНТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СИНТАКСИСА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Дина Станишева

При изучении исторического синтаксиса языков исследователь неизбежно сталкивается с проблемой исторической преемственности (исторического дублирования) синтаксических моделей. При всем многообразии опытов ее разрешения следует признать единственно правильным путем изучение изменений, касающихся состава лексических единиц, которые являются словесной базой каждой из синтаксических моделей, находящихся в отношении исторической преемственности. Практически историю каждой синтаксической модели создают те незначительные на первый взгляд изменения, которые касаются области лексико-семантических ограничений ее существования.

Интересные наблюдения по вопросу лексических ограничений как одной из важнейших проблем исторического синтаксиса сделаны в одной из работ Н. Ю. Шведовой¹. В ней содержится материал, подтверждающий целый ряд ценных выводов работы: „Системы соотношений гораздо более подвижны и изменчивы, чем самые модели, формы конструкций. Эти системы, по существу и должны представлять собой объект исторического исследования: именно они являются той исторической „синтаксической реальностью“, которая находится в постоянном движении и развитии“². „Историк синтаксического строя должен знать во всех деталях те меняющиеся конкретно языковые условия бытования конструкции, которые на определенном этапе развития не только ограничивают возможности ее функционирования, но в конечном счете оказывают определяющее воздействие на судьбу самой модели и ее отношений с другими конструкциями“³. „Развитие лексико-семантических ограничений, как правило, приводит к такому сужению возможностей словесного наполнения модели, которое по существу уничтожает ее живую и продуктивную схему синтаксического построения. Такая схема перестает быть грамматическим каркасом для самых разнообразных по содержанию, т. е. словесно бесконечно варьирующихся, сообщений или компонентов сообщения. Модель в строгом смысле этого слова перестает существовать“⁴.

¹ Н. Ю. Шведова, Проблема лексических ограничений как одна из проблем изучения истории синтаксиса русского литературного языка XVIII—XIX вв., Вопросы языковедения, № 6, 1960, стр. 17—23.

² Цит. соч., стр. 17.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 22.

Наблюдения над случаями исторической преемственности синтаксических моделей в том же плане приводят к мысли о существенных последствиях процесса исторической дублетности синтаксических единиц, касающихся их структурных связей. Именно описанный механизм исторического взаимодействия синтаксических моделей (зависимость судьбы синтаксической модели от развития лексико-семантических ограничений) нередко приводит к установлению частных систем синтаксической структуры, а именно систем вариантов, каждый из которых употребляется в зависимости от лексико-семантических свойств лексических единиц, составляющих реальное наполнение каждой из синтаксических моделей.

В истории славянских языков известен исторический процесс существенного сокращения синтаксической модели *по* + ВП¹. Определителем объекта наблюдения материал русского, чешского и польского языка, можно установить факт взаимодействия указанной синтаксической модели в первую очередь с синтаксическими дублетами² *за* + ТП в русском языке и *pro* + ВП в чешском, находящимися в функциональной связи с *по* + ВП. Взаимные функциональные связи этих синтаксических моделей установились в той сфере отношений, которую можно определить следующими признаками: признак финальный и признак объектный. Синтаксическим моделям (предлог + падеж) в этом случае свойственно употребление с глаголами, выражающими передвижение в пространстве, в русском: *идти, ходить, ехать, лететь, бежать* и под. и с глаголом *послать*; соответственно в чешском: *jíti, běžeti, jeti, poslati* и под.; в польском: *iść, jechać, biegać, lecieć, posłać*. Совершенно очевидно, что процессу исторической преемственности предшествовал период функционального сближения вступающих в исторический контакт синтаксических моделей. Период заметного ограничения употребления конструкции *по* + ВП для выражения объектно-финальных отношений определяется для русского языка XVII веком. До этого периода зафиксированы лишь редкие, единичные примеры употребления конструкции *за* + ТП, напр.: *миль пристава послати по него, а тобъ послати за своимъ своего богарина*. Дух. гр. 32. Ср. обычное употребление *по* + ВП: *пришлетъ по муку*. К-П. Пат. 214; *не хожаше женихъ по невесту*. Ип. 10; *самъ иде по помочь в Галичь*. Сузд. 365; *едеши по корову*. Новг. гр. I 39; в Нижний Новгород по розьъ приедет. Ах. Мор. 153 и др. В древнечешском языке функционирование конструкции ВП с пр. *pro* чувствительно увеличивается уже с XVI в., хотя и ранее отмечены случаи ее использования. Например, в Чешской летописи³: *pražané... pro biskupa Augustina poslali*. 238; *poslali pro ty wssecky*. 241; срв. в том же памятнике: *poslali po ty*. 30; *poň... poslali*. 34; *po tata poslati*. 56; *geli sú po ni k králi Franskémi, po geho dceru, aby byla českú králownú*. 166; *poslaw po rapa Zdenka*. 181; см. также стр. 190, 207, 210 и др. Более поздние примеры из языка древнечешских драм⁴: *jdi pro ty muže*. 57; *Pro kněze... jde*. 64; *pro něj poslal*. 92; *posílají pro baby*. 103; *poslati pro milého*. 164

¹ Здесь и далее используем сокращения: ВП — винительный падеж; ТП — творительный падеж; ПП — предложный падеж; РП — родительный падеж.

² Об определении синтаксических дублетов см. подробнее: Д. С. Станишева, Винительный падеж в восточнославянских языках, София, 1966, стр. 26—27.

³ *Stafi letopisové čeští od roku 1378—1527*. Vyd. Fr. Palacký, Praha, 1829.

⁴ J. Jireček, *Staročeské divadelní hry, Památky SLC*, č. 3, sv. 1, 1878.

и др. К концу XVII в. в чешском языке, судя по данным памятников письменности, конструкция *pro* + ВП становится основным средством выражения объектно-финальных отношений. Польскому языку не было свойственно активное ограничение конструкции *pro* + ВП, выражающей объектно-финальные отношения. Поэтому в памятниках древнепольского языка и в современном польском одинаково распространены примеры типа *potem zjutra tycierze i rapanosze pón przyjełi*. Жит. Влас. 7; *gegoszto czasu myali zoni po wodø ehodzycz*. BZ 27; *comendor neposłal swego luda po Janowo drzewo*. Hube Zb. 37; *przyjedzie li zakonnik po jałmużnę*. Opal. Sat. 117¹.

Следовательно, в русском и чешском языке, в отличие от польского, очевидным фактом является исторический процесс сокращения синтаксической модели *pro* + ВП за счет новых синтаксических конструкций. Притягивая во внимание лишь данные современного чешского и русского литературного языка, можно считать этот процесс завершенным: старая синтаксическая модель, передав свои функции иным синтаксическим конструкциям, сохранилась в них лишь в чрезвычайно ограниченных лексических условиях типа русского *пойти по грибы*. (Н. Ю. Шведова называет подобные случаи употребления „лексическими исключениями“²). Однако, чтобы получить реальное представление о результатах описанных процессов, обратимся к данным русских, чешских (и польских) диалектов, выделив таким образом в качестве синхронного среза современное состояние каждого из рассматриваемых языков.

В современном русском языке конструкция *по* + ВП широко известна народным говорам. По степени ее употребительности в русской языковой области выделяются 3 группы диалектов: Первая из них характерна тем, что конструкция ВП с *пр. по* употребляется для выражения объектно-финальных отношений без лексических ограничений. Такое положение отмечается в отдельных диалектах, относящихся к северновеликорусской группе, в частности — в вятских³, отмечено в некоторых говорах новгородской и архангельской диалектной области, в говорах Сибири, типа: *ездил по камень, ходили в лес по кислицу; по лошадей ходил*. У. -Ив. гов. 107; *по кони в'алит' итит'*. Селищ. Заб. 63 и под. Столь же широкое употребление конструкции *по* + ВП фиксируется в отдельных районах юго-западных областей, напр. севернее Брянска, где ей свойственно свободное употребление⁴: *идти по воду, по мясо, по хлеб, по деньги* и под. Для второй группы диалектов свойственно употребление *по* + ВП в достаточно широких лексических условиях, определяемых лексико-семантическими свойствами имен существительных. Напр. в ряде говоров юго-западных и центральных областей к западу от Москвы наблюдается употребление *пр. по* „только с существительными, обозначающими совокупность собираемых, заготавливаемых предметов...: *по*

¹ Ср. отмеченный в архиве Słownika języka staropolskiego (Краков) пример употребления *za* + ТП: *Jaco ya negesdził na xądza za pbozczem anu gemi pomoczy daval*. (Księga ziemi czerskiej. 1404—1425, Warszawa, 1879), в котором с основанием можно видеть объектно-финальную функцию.

² Н. Ю. Шведова, цит. соч., стр. 22.

³ Р. С. Овчинникова, Особенности говора дер. Б. Кутунур, УЗ Томского гос. университета, т. XIX, 1954, стр. 35 и сл.

⁴ И. Кузьмина и Е. Немченко, О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, № 10, 1956, стр. 128.

ягоды, по дрова, по веники, по орехи, по ветки, по мох, по лыки, по хворост...¹ В некоторых говорах Сибири, в частности томском, конструкция *по* + ВП сохраняется при условии, когда имена существительные обозначают неодушевленные предметы или животных и птиц, напр.: *пошла по веники, по грибы ходила, пойдю по хлеб, по молоко; по коров сегодня в восемь идти, сходи по коня, по бычишку пошел* и т. д.² Подобные же (иногда более тесные) лексические ограничения употребления конструкции *по* + ВП свойственны некоторым говорам Верхнеленского и Колымского края, в северно-восточных диалектах северновеликорусской группы, напр., в тотемском говоре: *пошел по Ивана, по лошадей, но: за кобылами*. Матер. в-рус. IX 65; в пермском: *ходил по дрова*. Зел. Пермск. 247; *пошла... по воду*. Там же 257; но: *мужик побегал за бабой*. Там же 341; *посылает мене за водкой*. Там же 300. В третьей группе русских диалектов (их большинство) употребление синтаксической модели *по* + ВП ограничено рядом синтаксических фразеологизмов, среди которых особенно широко известными являются *ходить по грибы, по ягоды, ездить по дрова*. К явлениям регионального характера относится употребление *для* выражения объектно-финальных отношений конструкций *в* + ВП и *для* + РП. Первая из них известна главным образом в пограничных с белорусской языковой средой русских диалектах³: *у м'од п'звали; пайду ў ваду схажу* и под. (Известно широкое распространение этой конструкции в белорусских диалектах). Другая встречается в русских говорах спорадично: *он поехал для овса, для хлеба*. Матер. в-рус. IX 177; *поехал для дров, для сен*. Гранд. Лом. 72.

В современном чешском литературном языке для выражения объектно-финальных отношений употребима конструкция *pro* + ВП: *jíti pro vodu, skočíti pro mouku, poslati pro lékaře, pro kňeze, jeti pro písek* и под. В ограниченных лексических условиях чешскому языку свойственно употребление *na* + ВП: *jíti na travu, na houby, na rybu, na jahody, šel na třešně, chodit na kvítečku, na jablčka, šli na malinu, na drva* и под. Как факультативную возможность следует отметить в современном чешском литературном языке для выражения тех же отношений конструкцию ПП с пр. *po*: *chodil v neděli po houboch. Jir. Jdou... po své práci; chodil po žebrotě* и др.⁴ В современных чешских диалектах наибольшее распространение также получила синтаксическая модель *pro* + ВП типа *chodila pro tabák*, которая особенно последовательно зафиксирована в диалектах: средне-чешском, ганацком и в большинстве диалектов моравской группы. (Характерны в этом отношении результаты анкеты, приведенные в работе Б. Гавранка⁵). В некоторых моравских наречиях, граничащих со словацкой и польской областями, известно употребление конструкции ВП с пр. *po* типа *jdu po motyku, šla po vodu*. Представляет интерес широкое распространение в диалектах чешского языка синтаксической модели *na* + ВП, которая обычно отмечается наряду с конструкцией с пр. *pro*. Здесь нередко имеет место распределение конструкций с пр. *na* и *pro* в зави-

¹ Там же, стр. 128.

² В. В. Палагина, Синтаксические особенности говора западной части Томского района, УЗ Томского гос. университета, т. XIX, 1954, стр. 12.

³ И. Кузьмина, Е. Немченко, О типах синтаксических различий русских говоров, ИОЛЯ, XX, вып. 4, 1961, стр. 312.

⁴ Příruční slovník jazyka českého, d. IV, Praha, 1935—1957, стр. 355.

⁵ В. Наврапек, Nářečí česká, Československá vlastivěda, III, 1934, стр. 84.

симости от лексико-семантических свойств имен существительных. Ср. в ганацких говорах: *di na jarka, na trávo, na malene, na jahode, na hřípke, ... přišel sem na to krávo.* Sv. Bosk. 95; Mal. 44; *no: pojedeme pro to žito, chodí... pro mlíko.* Sv. Bosk. 82, 91; *di pro tatička, di pro policajta.* Mal. 45. В дольских говорах: *šla na proutí, na trávu, no: musel chodit pro gořalku, poslali pro dychtora.* Běl. Dol. 230, 235, 238, 252. В моравско-словацкой группе: *šel na prúti, no: šel pro he, poslal pro rapáčka, pro dychtora, pro vojsko.* Kaš. Več. 118, 103, 113, 110, 117. В ляхских говорах: *di na pepř, přyšel na hřurku no: šel pro kravu.* Kel. Štr. 93. В диалектах Подкарпатношья безусловное преобладание конструкции с пр. *pro* совмещается с нечастым употреблением аккузативной формы с пр. *na*, напр.: *přišel pro něj.* Kub. P-Kr. 15; *aby si šel pro srnce, že tam leží.* 28; *von se pro knihu vrátil.* 29; *šli na jarmark pro dobytek.* 33, *no: dyž ho poslal na maso.* 56; *a ted bylo na komínika poslaný, že to von musí dokázat.* 35 и др. Диалектные данные чешского языка позволяют сделать вывод, что наиболее последовательно конструкция с пр. *na* употребляется в тех случаях, когда имя существительное являлось носителем определенных лексико-семантических свойств: когда оно обозначало предметы, которые надлежит собрать, добыть, найти и т. д. Употребление в чешских говорах для выражения объектно-финальных отношений конструкции *pro* + ПП типа *pude v lese po hubách.* (Havr. N. 130) представляет сравнительно редкое явление.

Данные польского языка позволяют судить, что хотя модель *po* + ВП сохраняется в нем как продуктивная, но и здесь она испытала (и испытывает) известные ограничения. Прежде всего в польском литературном языке для выражения объектно-финальных отношений используется конструкция *na* + ВП, которая обычна в том случае, если объект действия выражен именами существительными, обозначающими предметы собирания, добывания типа *iść na guby, na ptaki, na grzyby, na jagody, na huby* и под. Кроме того, очевидно, в последнее время заметно активизировалась синтаксическая модель *za* + ТП, особенно в разговорном стиле речи (ср. материал русского языка), для обозначения объекта, который предстоит найти, разыскать, добыть типа: *biegała cały dzień za pomidarami i nie mogła ich nigdzie dostać.* Но ср. *biegała po wodę do rzeki*¹. Однако основной синтаксической моделью остается в польском языке *po* + ВП: *idę po cukier* (не: *za cukrem*), *poszedł po doktora* (не: *za doktorem*)². В польских диалектах основным средством выражения объектно-финальных отношений также является конструкция ВП с пр. *po* напр.: *mać... leceć do studziny po wodą.* Gw. Sulk. 49; *iść do domu sobie po łopate.* Mal. Śl. 96; *typ zaś prześeł poce ruiąz.* Zach. 83. Синтаксической конструкцией *na* + ВП по диалектам нередко употребляется в более широких лексических условиях, чем в литературном польском языке: *robić dziesz na chleb, na mięso.* Mal. Śl. 93; *iść na hamlary, na jarka, na wodę.* Stud. las. 293, 294, 295 и др. *Posed chłop do boru cielakom na siano.* AWM 36. Известно польским диалектам и употребление конструкции *za* + ТП, которая, по данным Диалектологического сектора польской Академии наук (в Кракове), зафиксирована в кашубских говорах (*iść za wodą*), в говорах Силезии (*idę za wodą*); в малопольском говоре Подхале

¹ St. Szober, Słownik poprawnej polszczyzny, wyd. 3, Warszawa, 1958, стр. 80.

² Там же, стр. 195.

(на чешско-польской границе) (pošli střeľcy za vilkami); в говорах Мазовии (poścō za drozdzami). Однако, во всех случаях, эта конструкция употребляется факультативно с основной. Наконец, в польско-чешских пограничных говорах зафиксирована конструкция *pro* + ВП: *šla pro sveho syna*. Stud. las. 282; из материалов Диалектологической секции ИАН: *šel pro tych druhych bratov; zi na rovov pro to — idz po to na strych* и др. В польских говорах Курпии и Мазовии (пруссских) встречается редкая особенность даже и диалектного синтаксиса: выражение объектно-финальных отношений конструкцией РП с пр. *na* типа *puda na travi, na soli, na хлеба и под*. Впервые эта конструкция отмечена в 1887 г. А. Захжевским у курпиев: *na wodę, na drew = po wodę, po drwa*. К. Нич слышал эту конструкцию под Мышинцем и в Домбровах, а затем обнаружил ее у мазур в сб. „Mazurski śpiewnik regionalny“ (Olsztyn, 1947): *posed chłop do boru konikom na siano*¹ и др. и в языке вармийского поэта А. Шливы². Объясняет он ее контаминацией двух близких по своим функциям конструкций *dla* + РП и *na* + ВП. Ст. Урбанчик в своей заметке по поводу данных К. Нича отмечает, что в великопольских диалектах встречается также синтаксическая конструкция *da*³ (в значении литературного *dla*) + РП³.

Следовательно, наблюдения над материалом нескольких славянских языков позволяют судить об историческом взаимодействии нескольких синтаксических моделей в разных славянских языках, о разных соотношениях между ними, о их различной лексической ограниченности, о разной интенсивности изменений в лексической сфере употребления каждой из синтаксических моделей. Вопреки всем этим „различиям“ закономерности описанных процессов в разных славянских языках остаются едиными по существу. Именно поэтому они приводят к одним и тем же с теоретической точки зрения результатам. Учитывая диалектные данные русского и чешского языка можно сделать вывод, что наиболее последовательно старая (убывающая, точнее, все более ограничивающаяся) конструкция (в русском и чешском языке *na* + ВП) или иная, отличная от развивающейся (в чешском и польском *na* + ВП⁴) закрепляется в условиях, которые определяются лексико-семантическими свойствами имен существительных. Это позволяет рассматривать разные синтаксические модели, употребляемые для выражения эквивалентных отношений, как лексико-комбинаторные варианты синтаксемы (синтаксического инварианта)⁵. В том случае, когда один из синтаксических вариантов свойственен лишь диалектному языку, его следует определить как лексико-комбинаторный

¹ K. Nitsch, Na^o z dopełniaczem w znaczeniu 'po', Język polski, т. XXXII, 1952, стр. 34—35.

² См. подробнее Język polski, XXXV, 1955, стр. 65.

³ Там же, стр. 66.

⁴ Интересным и нерешенным остается вопрос о древности употребления *na* + ВП в славянских языках для выражения объектно-финальных отношений. В польском стоит обратить внимание на древнюю лексическую ограниченность *na* + ВП. Ср. напр. из материалов Секции старопольского словаря, руководимой проф. Ст. Урбанчиком, (о Кракове): *Aczby kto do czygego luasa z myta na pastwą chciał gnasz na bykycw abo na szolądz, ten, czyby gest luas, szolądz z obarol...* В современном польском также: *iść na zoleździe, na bogówku*. По этим данным можно судить об устойчивости синтаксической конструкции при условии, что она связана с определенными лексическими условиями употребления.

⁵ Об определении синтаксемы см. в кн. А. М. Мухина, Функциональный анализ синтаксических элементов, М.-Л., 1964.

диалектный вариант. Но если рассматривать систему синтаксических средств одного из диалектов, тот же вариант может быть главным лексико-комбинаторным вариантом данной синтаксемы (ср. 1-ю группу русских говоров).

Как мы наблюдали, в разных языках состав синтаксических моделей, выражающих тождественные отношения, может существенно различаться. В русском языке систему лексико-комбинаторных вариантов объектно-финальной синтаксемы составляют: *za* + ТП — *na* + ВП (диалектный вариант); факультативные варианты синтаксемы: *v* + ВП, *dla* + РП, которые в системе отдельных диалектов могут являться лексико-комбинаторными вариантами. В чешском языке в систему лексико-комбинаторных вариантов той же синтаксемы входят: *pro* + ВП — *na* + ВП; факультативные варианты: *po* + ВП, *po* + ПП. В польском языке лексико-комбинаторные варианты: *po* + ВП — *na* + ВП (конструкция *za* + ТП в современном польском языке заметно активизируется с тенденцией лексического ограничения сферы ее употребления); факультативные варианты: *za* + ТП, *pro* + ВП, *na* + РП, *dla* + РП.

Итак, в том случае, когда вследствие процесса исторической преемственности двух синтаксических моделей в языке устанавливается система лексико-комбинаторных вариантов, в самом процессе можно различить два этапа. 1-й этап — количественные изменения: постепенное ограничение лексической сферы бытования одной конструкции и постепенное увеличение числа лексических единиц, функционирующих в рамках другой, развивающейся синтаксической модели. 2-й этап — качественные изменения: ограничение каждой из взаимодействующих синтаксических моделей рамками, определяемыми конкретным лексическим составом, способным функционировать в данной (во не иной) синтаксической форме. Таким образом происходит своего рода распределение сфер употребления каждой из синтаксических моделей, являющихся синтаксическими дублетами в истории того или иного языка. Другим результатом исторической преемственности синтаксических моделей может быть их семантическое расхождение. Ср., в чешском языке *jíti na seno* = 'собрать сено'; *jíti pro seno* = 'итти, чтобы принести, взять и т. д. уже собранное сено'¹. Или подобное же разграничение по семантическому признаку *na* + ВП и *po* + ВП, отмеченное в польских диалектах: *jechał do lasa na dźzewo* и *przejechał po te dźzewo*². Но это — специальный вопрос.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AWM — Archiwum Słownika gwar Warmii i Mazur. Warszawa.
Ах. Мор. — Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, под ред. Яковлева, ч. II, М.-Л., 1945.
Bĕl. Dol. — J. Bělič, Dolská nářečí na Moravě, Praha, 1945.
BZ — Biblia Królowej Zofii żony Jagiełły z kodeksu Szarospatackiego. Wyd. A. Małeckie, Lwów, 1871.
Gw. Sulk. — F. Steiner, Dialekt Sulkowski, Kraków, 1934.
Гранд. Лом. — А. Грандильевский, Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор, ОРЯС, № 83, 1907.

¹ Fr. Bartoš, Skladba jazyka českého, Brno, 1899, стр. 58.

² S. Bałk, Teksty gwarów z polskiego Śląska, I, 1939, стр. 16 и 44.

- Havr. N. — В. Наврашек, Nářečí česká, Československá vlastivěda, т. III, 1934.
 Hube Zb. — R. Hube, Zbiór rot i przysięg sądowych roznańskich, kościańskich, ka-
 liskich, sieradzkich i i. z końca w. XIV i pierwszych lat w. XV, War-
 szawa, 1888.
 Дух. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
 Подг. к печати А. В. Черепниным, М.-Л. 1950.
 Жит. Влас. — Житие св. Власия (Блажея). Р. Брандт, Выписки из старопольской сло-
 весности, Москва, 1900.
 Zach. — K. Nitsch, Dialekty polskie Prus Zachodnich, Wybór Pism Polonistycz-
 nych, т. III, Wrocław—Kraków, 1956.
 Зел. Пермск. — Д. К. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губер-
 нию, ОРЯС, т. LXXVI, № 2, 1903.
 Ип. — Ипатьевская летопись. Изд. 3-е. Полное собрание русских летописей, т. II,
 Пг., 1923.
 К-П. Пат. — Киево-Печерский Патерик (Арсеньевская редакция 1406 г.) Под ред. Д. И.
 Абрамовича, Памятники славянорусской письменности, СПб, 1911.
 Каš. Веč. — A. p. Kašik, Popis a rozbor nářečí středoběževského, Rozpravy ČAVU,
 tř. III, č. 26, 1908.
 Kel. Štr. — A. d. Kellner, Štramberské nářečí, Brno, 1939.
 Kub. P-kr. — J. Kubín, Lidové povídky z českého Podkrkonoší, Rozpravy ČAVU,
 tř. III, č. 62, 1926.
 Mal. — J. Malovaný, Skladba nářečí císařovského, Časopis Matice Moravské,
 т. 23, 1899; т. 24, 1900.
 Mal. Śl. — L. Malinowski, Powieści Indu na Śląsku, Kraków, 1954.
 Матер. в-рус. — Материалы для изучения великорусских говоров, вып. IX, ОРЯС,
 т. LXXXVII, № 5.
 Новг. гр. — А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, Новгородские грамоты
 на бересте. (Из раскопок 1951 г.), М., 1953.
 Oral. Sat. — K. Oraliński, Satyrę, Poznań, 1840.
 Селищ. Заб. — А. М. Селищев, Забайкальские старобрялды семейские, Иркутск, 1920.
 Sv. Bosk. — Fr. Svěrák, Boskovické nářečí, Brno, 1941.
 Stud. las. — Teksty gwarowe ze wsi Krzanowice w powiecie Raciborskim, Studia z fi-
 lologii polskiej i słowiańskiej, т. II, 1957.
 Сузд. — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Полное собрание рус-
 ских летописей, т. I, вып. 2, Л., 1927.
 У-Ив. гов. — Д. К. Зеленин, Усень-Ивановский говор, ИОРЯС, т. X, кн. 2, 1905.

НЯКОИ ОСОБЕНОСТИ НА РУСКИТЕ ПРОСТРАНСТВЕНИ ПРЕДЛОЗИ В СРАВНЕНИЕ С БЪЛГАРСКИТЕ

Кирил Бабов

Пространствените отношения, изразявани с предлози, са най-старите отношения, от които по-късно са се развили други, непространствени отношения. В руски език пространствени отношения изразяват най-голям брой предлози. Авторите, които в системни курсове по граматика или в монографични изследвания разглеждат тези предлози, обикновено обръщат повече внимание на неизпроизводните предлози и не дават пълен списък на производните предлози. Така например В. Виноградов илюстрира пространствените отношения с 21 предлога¹. При това трябва да отбележим, че предлозите *с + В* и *о + П*², които той дава без примери, в съвременния руски език не изразяват пространствени отношения. В книгата на В. С. Бондаренко за предлозите в съвременния руски език³ се посочват 31 предлога за изразяване на пространствени отношения. Най-голям брой пространствени предлози намираме в академическата руска граматика — в дъла за глаголните словосъчетания (42 предлога)⁴. А в същност пълният брой на пространствените предлози в руски език възлиза на 78 предлога. По морфологичен състав в синхронен план тези предлози се делят на следните групи:

I. Неизпроизводни предлози (20). 1. Прости предлози: *в, до, за, из, к, между, на, над, о, от, перед, по, под, при, с, сквозь, у, через*. 2. Двойни предлози: *из-за, из-под*.

II. Производни предлози (58). 1. Наречни предлози. а) Наречни предлози, които се употребяват само като предлози: *близ, поверх, сверх, среди*. б) Наречни предлози, които функционират и като наречия, и като предлози: *вблизи, вверху, вглубь, вдоль, вне, внизу, внутри, внутрь, возле, вокруг, вперед, впереди, вслед, изнутри, кругом, мимо, наверху, навстречу, наискось, наперерез, напротив, около, подле, позади, попереёк, посреди, посредине (посередине), против, сбоку, сверху, сзади*.

¹ В. Виноградов, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, М.-Л., 1947, стр. 677.

² В статията се използват следните съкращения и условни знаци: Р, Д, В, Т, П — начални букви на руските падежи; + знак за свързване, напр.: *о + П* = предлог *о* с предложен падеж; // — знак за синонимна конструкция; X — знак за антонимна конструкция.

³ В. С. Бондаренко, *Предлоги в современном русском языке*, Москва, 1961, стр. 11—16.

⁴ Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, часть I, Москва, 1954, стр. 140—213.

снизу, спереди. в) Наречни предлози, които се употребяват и като предлози, и като прилагателни или наречия: *выше, ниже*. 2. Отименни предлози: *в направлении, во главе, в сторону, со стороны*. 3. Сложносъставни предлози: а) Сложносъставни наречни предлози, образувани от наречие + предлог: *близко от, вблизи от, вверх по, вдали от, вдоль по, вслед за, вниз по, наискось от, наравне с, недалеко от, недалеко от, поблизости от, рядом с, следом за*. б) Сложносъставни отименни предлози, образувани от предлог + име + предлог: *по направлению к*.

В списъка на пространствените предлози ние съзнателно сме пропуснали тези, които не са характерни за съвременния руски литературен език. В групата на неизпроизводните предлози са пропуснати двойните предлози, които се употребяват в руските народни говори (*по-за, по-над, по-под, с-под* и др.)¹. Изпуснати са и остарелите простонародни предлози *меж, промеж* (варианти на *между*), *окрест, обадь, поровень* и др.²

Не можем да се съгласим с В. С. Бондаренко, който в справочната част на своята книга допълнително включва като предлози съчетанията *в центре, в сторону от* и *в направлении на*. В предложните съчетания *в центре* и *в сторону от* думите *центр* и *сторона* запазват своето първоначално значение, срв. „*центр* города“ — „*в центре* города“; „*идти в сторону* от парка“ — бълг. „*в страни* от парка“. В отименен предлог се превръща само съчетанието *в сторону*: „*идти в сторону* парка“ — бълг. „*към* парка“. Неубедителен е примерът, с който Бондаренко илюстрира употребата на сложносъставния предлог *в направлении на*: „Пароход взял курс *в направлении на* Архангельск“. В този пример предложното съчетание *в направлении* след думата *курс* (лат. *курсus* = рус. *направление*) е напълно излишно: „Пароход взял курс на Архангельск“. Като произходни синонимни предлози за означаване на обща насоченост на движението към предмета се употребяват *в сторону* + Р, *в направлении* + Р и *по направлению к* + Д, напр.: „Мы шли *в сторону* деревни // *в направлении* деревни // *по направлению к* деревне“. А. П. Бояров смята, че същата функция може да има предложното съчетание *по направлению в*, но примерът му от Л. Н. Толстой не е характерен за съвременния руски език: „Наполеон круто повернул влево и галопом поехал *по направлению в* Ковно“³. Този пример показва пътя на формирането на предлога *по направлению к*, който се утвърждава в руския литературен език в края на миналия век като измества по-стария сложносъставен предлог *в направлении к*⁴. Отименните предлози със същото значение *в направлении* и *в сторону* ограничават пространствената си употреба за сметка на развилите се нови преносни значения, напр.: „работать *в направлении* подъема производительности труда“ (бълг. *за*), „повернуть события *в сторону* укрепления мира“ (бълг. *към*).

¹ Вж. по-подробно: Г. Тагамлицкая, Сложение предлогов как средство пополнения категории предлогов в славянских языках, сб. Славянская филология, III, изд. АН СССР, Москва, 1958, стр. 73 и сл.

² П. И. Букатович, Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний, часть I, Одесса, 1957; В. А. Исеиталиев, Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке, Алма-Ата, 1959.

³ А. П. Бояров, Глагольные словосочетания с пространственным значением в современном русском литературном языке, Ученые записки Рязанского пед. института, т. XIII, 1956, стр. 124.

⁴ Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века, Москва, 1964, стр. 272.

Установяването на първия брой на пространствените предлози в руски език има важно значение за разкриване на някои неизследвани закономерности в семантичната им система; в която ние разграничаваме три основни групи:

I. Предлози с двустранна функция за означаване на посока и място (15). 1. Непроизводни предлози с два падежа. а) С винителен и предложен падеж: *в, на*. б) С винителен и творителен падеж: *за, под*. в) С дателен и винителен падеж: *по*. г) С творителен и родителен падеж: *между*. 2. Предлози с един падеж. а) Непроизводни предлози с творителен падеж: *над, перед*. б) Наречни предлози с родителен падеж: *вдоль, omkring, кругом, поверх, поперек, против, сверх*.

II. Предлози с едностранна функция за означаване на място, където се извършва действието (33). 1. Предлози с родителен падеж. а) Непроизводни предлози: *у*. б) Наречни предлози: *близ, вблизи, вверху, вне, внизу, внутри, возле, впереди, выше, наверху, напротив, ниже, около, подле, позади, между, посредине (посередине), сбоку, сзади, спереди, среди*. в) Отименни предлози: *во главе*. г) Сложносъставни наречни предлози: *близко от, вблизи от, вдали от, наискось от, недалеко от, недалеко от, поблизости от*. 2. Предлози с творителен падеж (сложносъставни наречни): *наравне с, рядом с*. 3. Предлози с предложен падеж: *при*.

III. Предлози с едностранна функция за означаване на движение с определена посока или пространствен предел (30). 1. Предлози с родителен падеж. а) Непроизводни предлози: *до, из, от, с, из-за, из-под*. б) Наречни предлози: *вглубь, внутрь, вперёд, изнутри, мимо, наискось, сверху, снизу*. в) Отименни предлози: *в направлении, в сторону, со стороны*. 2. Предлози с дателен падеж. а) Непроизводни предлози: *к*. б) Наречни предлози: *вслед, навстречу, наперерез*. в) Сложносъставни наречни предлози: *вверх по, вдоль по, вниз по, вслед за, следом за*. г) Сложносъставни отименни предлози: *по направлению к*. 3. Предлози с винителен падеж: *о, сквозь, через*.

Поради ограничения размер на статията ще се спрем по-подробно само върху първата група предлози. Особеностите на тези предлози изпъкват по-ярко, когато се сравняват с български език, където всички пространствени предлози имат двустранна функция. За пръв път двойката функция на българските пространствени предлози за означаване на място (статична употреба) или посока (финална употреба) се изяснява от Л. Андрейчин¹. На по-широка основа с привличане на материал от другите славянски езици тази особеност на пространствените предлози се разглежда от С. Спасова-Михайлова². Авторката забелязва, че в руски език предлозите *в, на, за, под* също се характеризират с двустранност в употребата (място и посока) в зависимост от съчетаването им с винителен и предложен или винителен и творителен падеж. Изключение според С. Спасова-Михайлова правят предлозите *над* и *перед*, които се свързват само със съществителни в творителен падеж за изразяване предимно на статични отношения. Известна уговорка се прави само за пред-

¹ Л. Андрейчин, Из семантичния развой на българските пространствени предлози, Училищен преглед, 1940, кн. 5—6, стр. 679—689.

² С. Спасова-Михайлова, Една особеност на пространствените предлози в български език. (С оглед към функцията им в други славянски езици), Български език, 1964, кн. 4—5, стр. 350—358; кн. 6, стр. 484—495.

лога *над*: „Понякога с предлога *над* и съществително в творителен падеж могат да се изразят и отношения, в които прозира известна финалност, напр.: „Нагнулся *над* колодцем“; „Наклонилъя *над* пропастью“. Обикновено обаче за определяне на финалните пространствени отношения в руски език се използват други начини на изказване“ (стр. 358). С това обаче дадеч не се изчерпва въпросът за двустранната функция на някои пространствени предлози в руски език. Нис вече посочихме, че такава двойка употреба могат да имат 15 руски предлога. Двустранната функция на тези руски пространствени предлози не е достатъчно изследвана и затова заслужава да бъде разгледана по-обстойно.

Преди всичко трябва да отбележим, че двустранната функция на предлозите *в, на, за, под* е напълно очевидна. Употребата на тези предлози с винителен падеж най-добре се вижда в глаголните словосъчетания, където предложната конструкция е мотивирана от глаголи за движение с представките *в-, на-, за-, под-* („входить в комнату“, „набросить шаль на плечи“, „завернуть за угол“, „подложить под голову подушку“)¹. Употребата на същите предлози с винителен падеж се наблюдава и в субстантивни словосъчетания, които могат да бъдат съотносителни или несъотносителни с глаголните: *поехать — поездка в Крым, на юг, за Волгу, под Харьков; экскурсия в деревню, на Кавказ, за Дунай, под Москву*. Особено внимание заслужават субстантивните словосъчетания с предлога *в*, при които характерът на изразяваните отношения може да бъде различен в двата езика. Така например руските словосъчетания *вход в квартиру, дверь в спальню, калитка в сад*, изразяващи пространствени отношения с атрибутивна отсienка, съответствуват на българските *вход на квартира, врата на спалня, вратичка на градина*, където предлогът *на* изразява само посесивни отношения. Тези субстантивни словосъчетания в руски език са възникнали в резултат на преобразуване и съкращаване на съответните глаголни словосъчетания: *дверь, которая ведет в спальню* → *дверь в спальню*. Ако искаме точно да предадем пространствените отношения, които в този случай изразява конструкцията *в + В*, на български би трябвало да употребим предлозите *към* или *за* (*врата към спалнята, вратичка за градината*). Тези български предлози съответствуват на руските *в + В* и *на + В* в такива словосъчетания като: *дорога в город — дорога на завод, путь во Владивосток — путь на Кавказ, лестница на чердак* и др. При съществителни, означаващи 'документ, който дава право да се отиде някъде', словосъчетанията имат пространствено-финално значение и се предават на български с предлога *за*: *билет в театр — билет на концерт, путёвка в санаторий — путёвка на курорт*. Без да изчерпваме всички случаи ще отбележим, че понякога е трудно да се свърже употребата на предлога с представата за насоченост на движението дори при пълно съвпадане на предлозите в двата езика. За пример бихме могли да посочим словосъчетанието *кровоизлияние в мозг*, при което ние по-скоро си представяме мястото, където е станало кръвоизлиянието, отколкото самото действие 'изтичане на кръвта вътре в организма поради разкъсване на кръвоносни съдове'. Такива колебания при определяне характера на

¹ Вж. по-подробно в работата ми: Зависимост между представки и предлози при глаголните словосъчетания в руски и в български език, Годишник на Софийския университет. Филолог. факултет, т. 57, кн. 2, 1963.

пространствените отношения като посока или място възникват и при глаголните словосъчетания, в резултат на което се появяват синонимни конструкции, напр.: „Мальчик спрятался за *дерево* // за *деревом*“. „Солнце скрылось за *горизонт* // за *горизонтом*“. Важно значение има и как говорещият си представя реалните отношения между предметите — като движение с определена посока или движение в границите на някакво пространство (*иду в парк* — *иду в парке*, бълг. *отивам в парка* — *вървя из парка*). Като разглежда този въпрос, Н. Дилевски дава и други примери, които по-рядко се срещат в езиковата практика: *Я сел на диване* (вм. *на диван*). *Я положил книгу на столе* (вм. *на стол*)¹. Тук наред с представата на говорещия действа и граматичната аналогия: *положить книгу на столе* може да се употреби по аналогия с близката конструкция *оставить книгу на столе*. Това явление в съвременния руски език според нас може да се обясни и с предишно влияние на старобългарски език, където също се наблюдават статични конструкции с предлозите *въ, на, за, подъ, надъ, предъ* и местен или творителен падеж при някои глаголи за движение от свършен вид (пасти, положи, поставити, скъсти, съкрыти и др.), означаващи заемане на някакво положение в пространството като резултат от извършеното действие². В руски език има случаи, които не могат да се обяснят нито с представите на говорещия, нито с граматичната аналогия, напр.: *Я пошёл в противоположную сторону*, но: *Я пошёл в противоположном направлении*; *Мы шли на север*, но: *Мы шли в северном направлении*. От тези примери става ясно, че изразът *в (каком-нибудь) направлении* се употребява като адвербиализувано съчетание независимо от глагола за движение. Тук посоката на движението се съдържа в лексикалното значение на думата *направление* и не се изразява граматически чрез предлога *в* и формата на винителния падеж. От адвербиализуваното съчетание *в (каком-нибудь) направлении* възниква отменният предлог *в направлении* + Р, а от него пък се развиват споменатите по-горе сложносъставни предлози *в направлении к* + Д (остарял) и *по направлению к* + Д за уточняване посоката на движението.

Предлозите *над* и *перед* в съвременния руски език се употребяват само с творителен падеж, но до XVIII в. са се употребявали и с винителен падеж, както и в старобългарски език. Следи от тази употреба се намират в произведенията на руските писатели, от XIX в.³ Изчезването на предложните конструкции *над* + В и *перед* + В се обяснява със замянето им с други предложни конструкции (*на* + В, *к* + Д и др.). Към това може да се добави и преобладаващата употреба на предлозите *над* и *перед* за означаване на място или заемане на някакво положение в пространството. Въпреки това обаче в съвременния руски език се наблюдават глаголни словосъчетания, в които предлозите *над* и *перед*

¹ Н. Дилевски, Предаване на падежните отношения в руски език и трудностите при изучаването им (II), Език и литература, 1948/49, кн. 4, стр. 297.

² Ст. Геродес, Старославянские предлоги, сб. Исследования по синтаксису старославянского языка, Прага, 1963, стр. 367.

³ Вж. Т. М. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, изд. МГУ, 1956, стр. 299—302; Г. Тагамлицкая, Из истории предложных конструкций в русском и болгарском языках, Годшиник на Висшия институт за театрално изкуство, т. I, кн. 6, 1957, стр. 216.

означават и посока на движението. Освен примерите, които привежда в статията си С. Спасова-Михайлова, могат да бъдат привлечени и редица други: „Над своим столом он повесил портрет отца“ (срв.: „повесить пальто на вешалку“). „Бревно всплыло над водой“ (срв.: „всплыть на поверхность“). „Над лесом спустился туман“ (срв.: „На лес опустился туман“). „Заяц проскочил перед глазами.“ „Лётчик тяжело упал на колени перед носилками...“ (Б. Полевой). Приведените примери показват, че в съвременния руски език предлозите *над* и *перед* могат да имат двойка функция в рамките на употребата им с творителен падеж. Доминиращо обаче си остава статичното значение на тези предлози, с което се обяснява свързването им само с творителен падеж.

Към предлозите, употребяващи се с два падежа, се отнася и предлогът *между*. Употребата на този предлог с родителен падеж в съвременния руски език е по-рядко явление, характерно само за някои фразеологизми: *между двух огней, сидеть между двух стульев* и др. Значението на предлога *между* в речниците и в граматиките се определя като статично — място в пространството, което разделя предметите. В глаголните словосъчетания обикновено местното значение не се влияе от характера на управляващия глагол, напр.: *стоять между деревьями — идти между деревьями*. Това обаче не ни дава право категорично да отнесем предлога *между* + Т към предлозите с едностранна функция на употреба. Наблюденията на М. Д. Лесник¹ и нашите собствени наблюдения върху глаголните словосъчетания с предлога *между* + Т показват, че при определена група от глаголи с представката *в-* (*вклиниться, воткнуть, врезаться, втиснуться* и др.) предложната конструкция означава насоченост на движението и отговаря на въпроса *куда?* Напр.: „Конница *врезалась между* неприятельскими рядами“. „Я *втиснулся между* двумя толстыми мужчинами“. „Собака *втыкала* свою морду *между* сапогами охотника“. М. Д. Лесник се опитва да обясни тази по-особена употреба на предлога *между* + Т с елипса: *воткнуть в промежуток, в пространство между кем-нибудь*. Ние обаче смятаме, че предлогът *между* + Т като специализиран пространствен предлог с ясно лексикално значение, което го сближава с наречните предлози *среди* + Р, *внутри* + Р, *около* + Р, самостоятелно изразява не само място, но в определени случаи и посока. М. Д. Лесник допуска, че тук вероятно се касае за по-стар вид управление. Това предположение не е лишено от правдоподобност, като се има пред вид, че в старобългарски език, а оттам и в староруски език, предлогът *между* се е употребявал и с винителен падеж. При това старобългарският фонетичен облик на предлога в книжовния руски език напълно е изместил руските съответствия *меж* и *промеж*. Значение за посока прозира и в някои фразеологизми с конструкцията *между* + Р, в които се пазят следи от по-стари употреби, напр.: „*Между рук* прошло много денег“ (бълг. „*През ръцете* ми са минали много пари“).

Значението на предлога *по* + Д в руските граматики се определя обикновено само като статично — „распространение действия (движения) по какому-либо пространству“². При по-внимателно разглеждане на словосъчетанията с този предлог обаче ние се убеждаваме, че той може

¹ М. Д. Лесник, Сильное управление глаголов с приставкой *в-*, Учебные записки Ленинградского государственного университета, № 322, Серия филологических наук, вып. 68, 1963, стр. 59—60.

² Грамматика русского языка, т. I, АН СССР, Москва, 1952, стр. 656.

да означава и посока на движението. Местното значение на предлога *по* + Д най-добре се чувствува при глаголи за състояние или действие (без посока) и съществителни, означаващи предмети, чиято повърхност е обхваната от нещо, напр.: „*По* стенам висят картини“. „Воробьи чиркают *по* заборам“. „*По* обоим берегам реки стояло много людей“. Същото местно значение виждаме и в субстантивните словосъчетания: *холмы по берегу, кустарники по склонам* и др. В това си значение руският предлог *по* + Д напълно съответствува на българския предлог *по*. Малко по-друга е картината при глаголите за движение. Статичното значение на предлога *по* + Д се запазва най-добре при глаголите за неопределено движение в границите на някакво пространство, напр.: „Дети *бегают по* саду // *в* саду“ — бълг. „из градината“. Същото се наблюдава и при глаголи с представката *раз-* за означаване на действие, насочено в различни посоки: „Дети *разбежались по* парку“. „*По* всему университету *разнеслась* весть о приезде космонавтов“. При глаголи за определено (линейно) движение по повърхността на предмета местното значение на предлога *по* + Д се преплита със значението за посока, носител на което е съответният глагол: *бежать по улице, взбираться по лестнице, пройти по коридору* и др. Значението за насоченост се засилва в глаголни словосъчетания, означаващи действие, което се извършва по посока на нещо: *плыть по течению*, срв. *Х плыть против течения, следовать по пятам за отступающим неприятелем, смотреть по сторонам // в разные стороны* и др. За доказателство на това, че предлогът *по* + Д може да означава и движение с посока биха могли да послужат и някои словосъчетания с пространствено-обектно значение, напр.: „стрелять из пушки *по* самолёту“ (бълг. „стрелям *по* самолета, *към* самолета“), „бить *по* воротам“ (бълг. „бия *във* вратата“ — спорт.) и др. По такъв начин ние виждаме, че предлогът *по* може да изразява място и посока в рамките на употребата му само с дателен падеж. Що се отнася до употребата му с винителен падеж, би могло да се очаква, че именно тук ще се прояви по-ярко значението за посока на движението. При предложната конструкция *по* + В това обаче се забелязва в твърде ограничени размери. Ние виждаме тук значение за пространствен предел, което сближава *по* + В с *до* + Р, напр.: „провалиться в снег *по* грудь“, „мокрый *по* пояс // *до* пояса“. Значението за насоченост се проявява само в глаголни словосъчетания, изразяващи движение към обект като цел на действието, които са характерни за простонародния език и в книжовния език се заменят с предложната конструкция *за* + Т. Паралелна употреба на двете синонимни конструкции наблюдаваме в следния пример: „Весной ходят девушки *по* лавдыши, летом — *по* ягоды, осенью — *за* грибами, подосиновиками и подберёзовиками“ (В. Панова). Интересно е да се отбележи и употребата на *по* + В в някои фразеологизми, които имат двустранна функция — за означаване на място и посока: *по одну сторону* (бълг. *от еднама страна*), *по эту сторону* (бълг. *отсам*), *по ту сторону* (бълг. *оттатък, отвъд*), *по правую сторону или руку* (бълг. *отдясно на*), *по левую сторону или руку* (бълг. *отляво на*). Тези предложни съчетания са адвербиализувани и се употребяват еднакво с глаголи за състояние и посока, напр.: *Он живёт по ту сторону реки // за рекой. Мы отправились по ту сторону реки // за реку.*

Двустранна функция, както вече отбелязахме, могат да имат и някои наречни предлози с родителен падеж: *вдоль*, *поперек*, *вокруг*, *кругом*, *поверх*, *сверх* и *против*. В академическата руска граматика (т. I, стр. 655) предлозите *вдоль*, *вокруг* и *против* се определят като наречни предлози с местно значение. Примерът, с който се илюстрира употребата на предлога *вдоль*, обаче противоречи на това определение: „Он лениво поплъска *вдоль* обоза“ (Чехов) — бълг. „Той лениво се затътра (надлъж) *покрай* обоза“. Спецификата на предлога *вдоль* се състои в това, че той се съчетава само със съществителни, означаващи предмет или територия, които имат различна степен дължина в пространството (срв. също употребата на този предлог като наречие: *вдоль* и *поперек* — бълг. *надлъж* и *шир*). Характерът на управлявания глагол определя и значението на предлога. При глаголи за състояние или действие (без посока) предложната конструкция *вдоль* + Р има статично значение, а при глаголи за движение или насоченост на погледа и звука — значение на посока, напр.: „*Вдоль* аллея парка росли молодые берёзки“. „Мы медленно шли *вдоль* реки“. „Я посмотрел *вдоль* улицы“. „Мальчик закричал *вдоль* берега, созывая своих друзей“¹.

Предлогът *поперек* е противоположен на предлога *вдоль* и означава разположение или насоченост на движението по ширината на предмета (бълг. *напреки на*, *напреко на*, *през*), напр.: „Одни охотники гнали зверя *вдоль* флажков, а другие стояли *поперек* дороги“. „Ветер гнал *поперек* мостовой осенние листья“. „Чужой хлеб встал ему *поперек* горла“ (бълг. *на*).

Предлозите *вокруг* и *кругом* (бълг. *около*, *наоколо*) означават кръгово разположение или движение. Разликата между тези два предлога е само стилистична. Доминираща употреба в литературния език има предлогът *вокруг*, а *кругом* има по-ограничена употреба в разговорната и простонародна реч. От своя страна тези два предлога се различават по значение от предлога *около*, който е загубил първоначалното си значение и се е специализирал само за означаване на пространствена близост (бълг. *при*, *край*, *до*). Двустранната функция на предлога *вокруг* може да се види от следните примери: „Ребята сидели *вокруг* костра“. „Земля движется *вокруг* Солнца“. Значението за кръгово движение най-добре проличава в глаголните словосъчетания, където употребата на предлога *вокруг* е мотивирана от глагол за движение с представката *о-*, *об-*, напр.: „Мальчики обежали *вокруг* сада“. „Автобусы объезжают *вокруг* главного здания Московского университета“. „Он оглядывался *вокруг* себя“.

Синонимните предлози *поверх* и *сверх* с глаголи за състояние означават разположение върху повърхността на предмета, а с глаголи за движение или посока на погледа — насоченост на движението към повърхността или над повърхността на предмета (бълг. *върху*, *над*). По-широка употреба има предлогът *поверх*, докато употребата на *сверх* като пространствен предлог в съвременния руски език се ограничава за сметка на развилите се преносни значения: „работать *сверх* сил и возможностей“, „работать *сверх* плана“ (бълг. *извън*, *свърх* — рус.). Ето някои при-

¹ Вж. също: И. Н. Ермоленко, Из наблюдений над наречными предлогами современного русского языка (о некоторых принципах изучения предлогов в нерусской аудитории), сб. Вопросы теории и методики преподавания русского языка иностранцам, МГУ, 1963, стр. 8, 14.

мери, които показват двояката функция на тези предлози: „Грушницкий *сверх* солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов“ (Лермонтов). „*Поверх* вещей сидел он сам, его жена, дочь и ещё какие-то люди“ (Фадеев). „Дед посмотрел на внука *поверх* очков“.

Предлогът *против* (бълг. *срещу*) също така може да има двустранна функция за означаване на място и посока в зависимост от значението на управляващия глагол, напр.: „Мы живём *против* школы“. „Я с трудом шёл *против* ветра“. При означаване на посока предлогът *против* + Р се сближава с предлога *навстречу* + Д, но за разлика от последния съдържа допълнителна отсянка за преодоляване на съпротива. Тази функция на предлога *против* в руски език е показана по-подробно от Г. Тагамлицка¹. За изразяване само на статични отношения сравнително по-рядко се употребява предлогът *напротив*: „*Напротив* школы книжный магазин // *против* школы“.

*

Направените наблюдения показват, че двустранната функция е характерна не само за предлозите, които в руски език се употребяват с два падежа, но и за редица предлози с един падеж, между които особено място заемат някои наречни предлози с родителен падеж.

Известно влияние върху семантичния развой на руските пространствени предлози е оказал и старобългарският език. Това влияние най-силно се проявява при предлога *между*. Освен този предлог, който в руски език има двояка функция, могат да бъдат посочени и предлози с едностранна функция за означаване на статични отношения, където се забелязва влиянието на старобългарски език. Тук се отнасят наречните предлози с непълногласни съчетания *среди* и *посреди* (срв. рус. диал. *середь*), които се сближават със съответните български предлози *сред* и *посред*. Старобългарски произход има и отименият предлог *во главе* + Р: „идти *во главе* отряда // *впереди* отряда“, „стоять *во главе* государства“ (бълг. *начело на*). От този предлог в руски език се развива сложносъставният предлог *во главе с* + Т за изразяване на комитативни отношения, напр.: „*Во главе с* командиром пограничники кинулись преследовать нарушителей“ (бълг. *начело с, во главе с* — остар.).

¹ Г. Тагамлицкая, Некоторые наблюдения в связи с болгарским предлогом „срещу“ и его русскими параллелями, Годишник на Софийския университет. Историко-филолог. факултет, т. 46, кн. 4, 1950, стр. 50—52.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛНИ ОСОБЕНОСТИ НА ЕДНА ЛЕКСИКАЛНО-
СЕМАНТИЧНА КАТЕГОРИЯ В СЪВРЕМЕННИЯ БЪЛГАРСКИ
И РУСКИ ЕЗИК

Елка Станкулова

Предмет на настоящата статия са имена на лица в съвременния български и руски език, които означават: 1. принадлежност към научно, идейно или идейно-политическо и философско течение или учение; 2. принадлежност към направление в литературата и изкуството; 3. принадлежност към някаква обществена, политическа или друга организация или групировка и последователи на общественно-политическо движение; 4. принадлежност към църковно-религиозно учение, секта или движение. Имената, които са представители на всяка от изброените групи, ще бъдат разгледани сравнително в словообразователно отношение (в български и руски език), като суфиксите, с помощта на които те са образувани, ще бъдат класифицирани в зависимост както от произхода им, така и от степента на тяхната продуктивност. Ще се обърне специално внимание и на характера на словообразователната основа, която в повечето случаи е обща както за български, така и за руски език и е от чужд произход.

С изключение на имената на *-ист* в български език, част от които спадат и към други лексикални категории, имената от изследваната категория не са били досега предмет на специално проучване¹.

В руски език имената от дадената категория са предмет на доста подробно изследване в статията на В. С. Гимпелевич².

¹ Известни неща, и по-специално за имената на *-ист*, които означават 'последователи, привърженици на нещо' или 'лица по тяхната принадлежност към организация или партия' и имена от същите групи на *-ец* ни дава монографията на Е. А. Захаревич Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке, сб. Вопросы грамматики болгарского литературного языка, Москва, 1959, АН СССР, стр. 132 и 142. Повече подробности в сравнение с цитираното изследване намираме в Основна българска граматика на Л. Андрейчин, в която на стр. 92 и 93 е направен преглед на по-важните суфикси, които се срещат при имена на лица от чужд произход. Посочват се и съществителни, образувани на българска почва от собствени имена за означаване на последователи на разни учения и обществени движения. За част от интересующите ни суфикси в славянските езици, с помощта на които се образуват някои от имената, които влизат в изследваната категория, намираме данни в книгата на Ив. Лекков Словообразователни склонности на славянските езици, София, БАН, 1958, стр. 46—47.

² Вж. В. С. Гимпелевич, Суффиксальные существительные со значением лица, сб. Развитие словообразования современного русского языка, Москва, 1966, стр. 142—152.

Преди да пристъпим към разглеждането на отделните групи, необходимо е да отбележим, че по-голямата част от имената и в двата езика са от чужд произход. Наличието им е обусловено от културно-историческите условия, от развитието на науката, изкуството, литературата изобщо. Известна малка част от тях обаче са се появили в резултат на някои обществено-политически промени, настъпили у нас и в Русия и Съветския съюз през последните десетилетия. Но, както ще видим по-нататък, именно затова те имат исторически преходен характер, съществуват сравнително ведълго в езика и преминават бързо в групата на историцизмите (напр. *радославист, стамболовист, цанковист, ремсист, бонссист* и др., *бакунист, декабрист* — всички образувани от български и руски фамилни имена и съкращения).

Към първата група и в двата езика спадат имена предимно със суфикс *-ист*, а по-малко на *-ец*, *-анец* (*-ианец, -янец*), *-ик*, *-(а)тор, -тел(ъ)* (много слабо представен). Както виждаме, с изключение на *-ец*, *-анец* (*-ианец, -янец*) и *-тел(ъ)*, всички останали суфикси са от чужд произход, което е и обяснимо. Най-големият брой имена от тази група (имената на *-ист*) са образувани от чужда производна основа, която е или от нарицателни имена на *-изъм*, или от собствено име: бълг. *абсолютист, атеист, вакуист, виталист, детерминист, дуалист, емпирист* (почесто *емпирик*), *идеалист, икономист* (във 2. знач. 'привърженик на икономизма'), *инструменталист* (във 2. знач. 'привърженик на инструментализма'), *капиталист, механист* (в 5. знач. 'привърженик на механизма'), *номиналист, оказионалист, социалист-утопист, социал-шовинист, фидеист* и др.; рус. *абсолютист, атеист, материалист, националист, nihilист, ревизионист, социалист, субъективист, фидеист, шовинист, юрист* и др. — всички образувани от нарицателни имена на *-изъм*, и бълг. *бланкист, вайсманист, дарвинист, макиавелист, марист, махист, мондист, морганист, толстоист* и др.; рус. *вольтерист, гегелист, дарвинист, жан-жакист, калвинист, ламаркиет, макиавелист, марриет, сен-симонист, фурьерист* и др. — всички образувани от собствени имена. Една част от посочените, имена в руски език са се появили като заемки още през XVIII в. (напр. *галенист, калвинист, жан-жакист* — всички по-често в мн. ч., и др.), други — през XIX в. (*сен-симонист, дарвинист, прудоист* и др.), — а трети — през XX в. (*империалист, капиталист* и др.). Изходната основа на по-голяма част от имената, проникнали в български и руски език с посредничеството на друг културен език, е от гръцки и латински произход: *атеист, монархист, империалист, опортюнист, реформист, утопист* и др. В български език има имена на *-ист*, които водят началото си от руски и са възприети направо (*толстоист, реваншист*), докато други са от неруски произход (френски, италиански, немски, английски и др.) и са преминали у нас най-често с посредничеството на руски (*шовинист, фидеист, лени-*

Известни неща по интересувания ни въпрос намираме в изследването на Б. Н. Хохлачев, *Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в.*, сб. *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, т. V, Москва, АН СССР, 1962, а също така и в *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.*, Москва, 1964, и статията на В. П. Даниленко, *Имена собственные как производящие основы современного словообразования*, сб. *Развитие грамматики и лексики современного русского языка*, Москва, 1964, стр. 77—92.

нист, предентист, марксист, дарвинист и др.). По-голяма част от имената на *-ист* и в двата езика са прости по строеж. Сложни са напр. *социалист-утопист* (образувано от сложното название *утопически социализъм*), *социал-шовинист* (от *социал-шовинизъм*) и др. Що се отнася до семантиката на имената на *-ист*, можем да допълним, че известна малка част от тях спадат към изследваната лексикално-семантична категория само с едно от значенията си (вж. цитираните по-горе бълг. *инструменталист, механист, икономист* и др. или рус. *економист, nihilist* и др.), докато други влизат както в дадената група, така и в някои от останалите групи в тази категория (напр. бълг. *индивидуалист, реалист, унитарист* и др.).

Представители на тази група са и имената на *-ец, -анец (-ианец, -янец)*, чийто брой в сравнение с имената на *-ист* е по-малък. В български за изходна основа служи собствено име (*милетец* — от името на град Милет, VI в. пр. н. е., *тимирязевец, мичуринец, волтерианец, кантианец, картезианец, малтусианец, младохегелианец, неокантианец, неохегелианец, ницшеанец, хегелианец*). Изключение прави името *несъпротивленец*, възприето от руски и образувано от съществително име на *-ение*. В руски език за изходна основа служи по-често собствено име (както нечуждо, така и чуждо): *ленинец* (по-старо *лениншанец*), *мичуринец, тимирязевец, петрашевец, плехановец, бернштейншанец, вольтерианец, гегелънец, кантианец, картезианец, коперниканец, ласалънец, малтусианец, ницшеанец, фейербахианец, фихтеанец, шеллингшанец* и др., а по-рядко — съществителни на *-ение*: *непротивленец, опрощенец, поразенец, примиренец* и др. Що се отнася до имената на *-анец* в руски език, няма да бъде излишно да отбележим, че те се появяват още през XVIII в., като със суф. *-анец* са се възприемали чужди думи от латински произход, които завършват на *-ан*, като морфемата *-ец* се използва като средство за русифициране на чуждите основи. Извършват се някои морфологични промени на основата така, щото тези думи да се възприемат в съзнанието на говорещите като образувани непосредствено от чужди собствени имена, и се образува смесеният суфикс *-анец*¹, напр. *коперниканец*. Впоследствие продуктивността на суф. *-анец (-ианец, -янец)* постепенно намалява. Причинна за това се явява намаляването на имената на *-(i)ан*, образувани от собствени имена, в някои европейски езици, от една страна, а от друга — нараствалата способност на суф. *-ец (-овец)* да се свързва със същите основи, с които и *-анец* (той се запазва само в думи, образувани с него по традиция, и словообразователните му възможности се проявяват само в някои стилове на книжната реч, напр. *блумфилдшанец*)². По строеж цитираните по-горе имена на *-ец, -анец (-ианец, -янец)* в руски и български език са прости (с изключение напр. на *неокантианец, неохегелианец, младохегелианец* и др.).

Представители на тази група са и имената на *-ик*, които в сравнение с имената на *-ец* и особено на *-ист* са много по-малобройни. Както в български, така и в руски те са от чужд произход (гръцки): бълг. *агностик, гностик, диалектик, догматик, еклектик, емпирик, емпириокритик, енергетик* (в I. значение — 'привърженик на енергетизма'), *метафизик, неоплатоник, платоник, прагматик, скептик, стоик* (в I. зна-

¹ Вж. В. С. Гимпелевич, цит. съч., стр. 147.

² Пак там, стр. 149.

чение — 'привърженик на стоицизма'), *схоластик*; рус. *диалектик, емпирик, емпириокритик, логик, перипатетик, пирроник, платоник, прагматик, сократик*. Необходимо е да подчертаем, че суф. *-ик* не взема участие в образуването на нови думи на българска и руска почва (същото се отнася и до суф. *-ин*, който ще разгледаме в една от следващите групи). По-голяма част от изследваните имена са прости по строеж, а други са образувани с помощта на отрицателната частица гр. *α 'не'* (*агностик*), гр. *meta 'след'* (*метафизик*), гр. *neos 'нов'* (*неоплатоник*) и др.

Освен гореизброените имена се срещат и малък брой на *-(а)тор* (бълг. *реформатор*, рус. *емансипатор, реформатор* и др.), които са от латински произход, образувани от съществителни на *-ация* (*реформация, еманципация* и др.).

Към тази група спадат също и малкото имена на *-тел (-тель)* (*просветител, просветитель*), образувани от основи на отглаголни съществителни на *-ение* (подобно на разглежданите по-горе имена на *-ец* — *непротивленец, пораженец* и др.), които са прости по строеж. За разлика от останалите имена от тази група, при тях не се срещат съществителни, образувани от чужда основа. Както ще видим по-нататък, в останалите групи от изследваната категория не се срещат имена на *-тел* в български език, докато в руски те фигурират с малък брой представители в третата група, в която влизат имена, които означават принадлежност към обществена, политическа или друга организация или групировка и последователи на обществено-политическо движение.

Втората група обхваща имена на лица, които означават принадлежност към направление в изкуството и литературата. По-голямата част от тях и в двата езика са имена на *-ист*: бълг. *абстракционист, акмеист, атицист* (късногръцки писател, който подражава на класическите атически писатели), *байронист, верист* (привърженик на близко до натурализма течение в литературата и музиката през XIX в.), *дадаист, егзотурист, екзистенциалист, експресионист, иماجинист, импресионист, кватрочентист, конструктивист, кубист, лекист, неореалист, реалист, сантименталист* (в 1. знач. — 'писател, който е привърженик на сантиментализма'), *символист, сюрреалист, урбанист* и др.; рус. *абстракционист, авангардист, байронист, гетист, дантист, карамзинист, кубист, символист, футурист, шиллерист, шишковист* и др. Това важи не само за дадената група, но и за почти всички групи, които влизат в изследваната лексикално-семантична категория.

По-малко са имената на *-ик* (в бълг. език) и на *-овец, -анец (-анец, -янец)* (в руски език): бълг. *романтик* и др.; рус. *горьковец, лефовец, пушкинцанец* и др.

По-голяма част от представителите на тази група се образуват от основите на съществителни нарицателни на *-изъм*, а други — от собствени имена (срв. *абстракционист* от *абстракционизъм, кубист* от *кубизъм, сюрреалист* от *сюрреализъм, романтик* от *романтизъм, дадаист* от *дадаизъм* и *байронист* от собств., *гетист* от собств., *дантист* от собств., *карамзинист* от собств., *шиллерист* от собств., *шишковист* от собств. и др.). В руски език някои от тях са възникнали на руска почва, напр.: *карамзинист, шишковист, шиллерист* (по образа на *байронист*) и др. В български език такива случаи не се срещат.

По произход част от имената са латински (*модернист, натуралист, позитивист, формалист, футурист*), френски (*романтик*), руски (*гестист, карамзинист, горьковец*) и др. С малки изключения (срв. напр. *неореалист* и др.), всички имена от тази група са прости по строеж.

В сравнение с предходните две групи, при имената от третата група, която обхваща съществителни, които означават принадлежност към някаква обществена, политическа или друга организация или групировка и последователи на обществено-политическо движение, е налице по-голямо разнообразие от суфикси: *-ист, -ец (-овец), -анец (-янец)* (само в руски език), *-ар* (само в български език), *-ик, -тель* (само в руски език), *-(а)тор, -ак, -як* и *-ер* (последните три се срещат само в български език). Характерно за тази група е, че имената, които я представят, имат исторически преходен характер. Те съществуват сравнително недълго в езика и преминават бързо в групата на историцизмите. Тъй като при тази група в български език се срещат по-често имена на *-ист*, казаното по-горе свидетелства за продуктивността на този суфикс. От разгледаните дотук имена за пръв път сега се явява разлика между български и руски език в употребата на еднакви най-често употребими суфикси. В български най-продуктивен е *-ист* (*аболюционист, бонапартист, бонссист, ботевист* (за разлика от *ботевец*), *врангелист, декабрист, десенемист, ебертист, жирондист, земсисст, комунист, лейбърист, мусаватист, националсоциалист, нацист, посибилист, радикалсоциалист, радославист, ремсисст, сговорист, стамболовист, фалангист, цанковист, ционист, чекист* и др.), макар че и броят на имената на *-ец (-овец)* не е малък: *бакуниец, будьоновец, гоминдановец, деголовец, деникинец, земеделец, куизлинговец, лисинмановец, лумумбовец, младогвардеец, общоделец, отечественофронтовец, петрашевец, републиканец, съглашенец, яковинец* и др. В руски език на първо място по продуктивност стои *-ец* и неговият вариант *-овец* (*буденновец, бухаринец, врангелевец, гитлеровец, голдуотеровец, гоминдановец, деголловец, деникинец, керенец, колчаковец, комсомолец, мобутовец, натовец, оасовец, сеатовец, тимуровец, чалаевец, чеченец* и др. В края на XIX в. и началото на XX в. той се активизира извънредно много, като първоначално се свързва само с руски и украински фамилни имена, а в последствие започва да се присъединява и към основи от чужди фамилни имена: *врангелевец, гитлеровец, мобутовец, чомбовец* и др. В български език суфикс *-ец (-овец)* не се свързва с основи от български фамилни имена.

Имената на *-ист* в български и руски език са образувани от основите както на названия на политически движения, партии и други групировки (чужди или нечужди), така и от чужди или нечужди фамилни имена: бълг. *аболюционист, декабрист, посибилист, чартист, бонссист, десенемист, лейбърист, ремсисст, ебертист, жирондист, ботевист, радославист, стамболовист, цанковист* и рус. *декабрист, баасист, мусаватист, бакунист, бонапартист, лумумбист, франкист* и др. Срещаните се доста голям брой имена на *-ист* в български език, производни от български названия на политически партии, групировки или от фамилни имена, са доказателство за голямата продуктивност на *-ист* при образуването на имена от тази група. В съвременния руски език суфикс *-ист* се използва твърде рядко за образуване на имена от тази група и то само при някои „структурно-фонетични трудности при свързването на

суф. *-овец* с основата (срв. *маккартист, чанкайшист*) или при необходимост от съответствие със съществителните на *-изъм* (*марризм — маррист*)¹, които разгледахме в първата група.

И в двата езика се срещат малък брой имена на *-ик*, напр. *болшевик, меншевик, большевик, меньшевик*, които са възникнали в руски и оттам са преминали и в български. Малък е броят на имената на *-(а)тор*, които са от чужд произход (латински, френски и др.): бълг. *ликвидатор, консерватор*; рус. *ликвидатор* и др. Подобно на имената на *-(а)тор* малко по брой са и имената на *-анец*: бълг. и рус. *республиканец* (от латински), рус. *термидорианец* (от френски), *фабианец* (от собствено име) и др.

Освен изброените по-горе общи и за двата езика суфикси се срещат и такива, като напр. *-ар, -ер, -ак, -як* и *-тель*, които не са общи за двата езика. Последният от изброените суфикси образува имена само в руски език (*обруситель, соглашатель* — образувани от руска основа), а всички останали — само в български (*звонар* — от българска основа, *карбонар* — от фр., *опозиционер* — от лат., *фритредер* — от англ., *дашник* — от названието на партията „Дашнакцутюн“, *народняк* — от бълг., *тесняк* — от бълг. и др.).

Последната група от изследваната категория е представена от имена, образувани с общи и за двата езика суфикси: *-ист* (много по-добре представен в български), *-ит, -анец (-ианец, -анец), -ин (-анин, -ианин, -янин)*, и малкото на брой имена, които се срещат само в български и са образувани с помощта на суф. *-ик* (*гностик, католик, римокатолик* — всички от гръцки произход). В български език, за разлика от руски, най-голям е броят на имената на *-ист* (*адвентист, анабаптист, баптист, будист, даосист, деист, дитеист, евангелист, кальвинист, квиетист, лазарист, монотеист, ниетист, талмудист, теосист, теист, янсенист* и др.). В руски език първенство държи суф. *-ит*: *адамит, ваххабит, гусит, иезуит, израелит, иоаннит, ламаит, луддит, суннит, шиит* и др. Той е добре представен и в български: *адамит, диофизит, евхит, езуит, кармелит, ламаит, минолит, монотелит, монофизит* и др. В тази група в руски език се срещат по-рядко имена със суфикс *-ист*, отколкото в останалите групи: *буддист, донатист, исламист, кальвинист, мартинист, янсенист*. Тук най-често срещаните суфикси са посоченият вече *-ит* и *-анин (-ианин, -янин)*: *ариянин, израилтянин, лютеранин, магометанин, мусулманин, никонианин, пресвитерианин, соборянин, христианин* и др. Суфикс *-анин (-янин)* се среща и в български език, но по-рядко в сравнение с *-ист* и *-ит*: *израилтянин, лютеранин (и лютеранец), мохамеданин, мюсюлманин, гуританин, съботянин, християнин*. Последният, общ и за двата езика суфикс е *-(ан)ец (-ианец, -янец)*: бълг. *августинец, англиканец, берклианец, доминиканец, лютеранец, презвитерианец, францисканец* и рус. *доминиканец, конфуцианец, пресвитерианец, францисканец*. Към тази група спадат и *реформатор* и *протестант* (в български по-рядко и *протестантин*).

¹ Вж. В. С. Гимпелевич, цит. съч., стр. 150.

Като сравним последната група имена с останалите групи от изследваната лексикално-семантична категория, виждаме, че единствено само при тях се явяват суфикс *-ит* и *-анин*.

Произходът на основата на имената от тази група и в двата езика е от латински, гръцки, френски, китайски, индийски и др. (*адвентист*, *баптист*, *калвинист*, *даосист*, *талмудист* и др.). Известна част от тях са образувани от съществителни нарицателни на *-изъм*, а друга — от собствени имена.

По строеж, с изключение на някои имена като *монофизит*, *монотеист* — с първа съставна част гр. *μόνος* 'сам', и др., всички са прости.

И така, от направеното проучване на имената, които са представители на изследваната лексикално-семантична категория, личи:

1. Голямо разнообразие от суфикси както в категорията като цяло, така и във всяка отделна група. В това отношение най-добре откъм разнообразие на суфикси и в двата езика са представени първата и третата група. В по-голямата си част изследваните суфикси са от чужд произход и са общи и за двата езика (изключение напр. прави наличието на суфикс *-ик* при имената от втората група само в български език и др.). Като най-често срещан се изпъква суфикс *-ист* и в двата езика [с изключение на третата група в руски език, в която по-често се среща *-ец* (*-овец*)]. Имената на *-ин* (*-анин*, *-янин*) и *-ит* и в двата езика изразяват само един семантичен оттенък — 'принадлежност към църковно-религиозно учение, секта или движение'. Именно затова суфикс *-ит* и *-ин* (*-анин*, *-янин*) не се срещат в първите три групи. Прави впечатление голямата продуктивност на суфикс *-ец* (*-овец*) в руски език в третата група, с помощта на който са образувани имена както от чужди, така и от нечужди фамилни имена. Той постепенно измества суфикс *-ист*. Суфикс *-ик* и *-ит* не вземат участие при образуване на нови думи от тази категория в руски език (изключение — *большевик*, *меньшевик*), а *-ист* в български език проявява своята продуктивност при образуване на имена от основи на български фамилни имена или от съкращения на названия на партии преди всичко в третата група (*цанковист*, *стамболовист*, *трайчоковист*, *десенемист*, *режист* и др.).

2. По строеж почти всички имена са прости. Известен брой сложни имена срещаме и в двата езика напр. в третата, четвъртата и др. групи (*монотеист*, *социалист-утопист* и др.). В повечето случаи за изходна основа служат основите на съществителните на *-изъм* (*дарвинист* от *дарвинизъм*), *-ация* (*демократ* от *демокрация*), *-ение* (сравнително по-рядко и то само в руски: *примиренец* от *примирение*), а също така фамилни имена (*волтерианец*, *стамболовист*), названия на партии (*лейбърист*), съкращения (*десенемист*, *оасовец*) и др.

3. Произходът на основата е най-разнообразен и в повечето случаи общ и в двата езика. Някои от изследваните имена, както видяхме по-подробно при прегледа на отделните групи, са преминали или направо от латински, гръцки, френски, немски и други езици, или с посредничеството на някой друг културен език. Прави впечатление наличието на еднакви по произход имена и в двата езика. Не можем да отминем също така и факта, че доста чужди имена са преминали у нас с посредничеството на руски език. В български език се срещат немалко имена, възникнали на руска почва и преминали направо оттам. За влиянието на

руски език върху българския говори и фактът, че „редица философски термини от рода на *антагонизъм, аристокрация, вайсманизъм, демокрация, диктатура, еволюция, емпиризъм, идеализъм, комунизъм, социализъм, реализъм* и мн. др. са разработени под влияние на съветските лексикографски образци и това е напълно понятно“¹.

4. Сред изследваните имена срещаме много малък брой такива, които влизат в дадената лексикално-семантична категория само с едно от значенията си.

¹ Вж. Ив. Лекков, Отражението на новата материална и обществена действителност в българския речник, Български език, IX, 1959, кн. 4—5, стр. 351.

ЕДНА БАЛТО-СЛАВЯНСКА ИЗОСЕМА

Момчил Чалъков

Откриването и научната разработка на всички съответствия на праславянския лексикален фонд в днешните славянски езици е задача от първостепенна важност не само за славянското, но и за индоевропейското езиковедие.

Може да се каже, че в общи линии тази задача е решена и че в граматното си мнозинство лексемите от изконнославянски произход са трайно установени, по все пак остават доста думи, които и до днес не са намерили правилното си обяснение. Това положение може да се обясни с факта, че все още в недостатъчна степен се привличат диалектни материали и че много често етимологизирането се ограничава в кръга на праславянски, а това не позволява винаги да се установи първоначалното значение на дадената основа. Не може да има никакво съмнение, че едва на индоевропейски фон със задължително привличане и на съответен материал от балтийските езици ще може най-задълбочено и все-странно да се обясни всяка праславянска реконструкция и нейните съвременни съответствия в славянските езици. Това е особено плодотворно при обяснението на форми, които в отделни славянски езици са претърпели по-дълъг семантичен развой и днес трудно се открива връзката със съответните им генетичнородствени форми в другите славянски езици, понеже не винаги се запазват междинните звена на развитието.

В тази статия ще разгледаме праславянската основа **pŕtj-*, рефлексите ѝ в славянските езици и нейните балтийски и индоевропейски съответствия. Обикновено в работите, посветени на този въпрос, за производни от тази основа се приемат следните форми: пол. *pestka* (по-старо *peska*) 'семка, костилка', чеш. *peska* 'семка, костилка', словен. *pešek* 'грозова семка, костилка', укр. *почка* (по-често в мн. ч. *почки*) 'тиквена семка', рус. *почка* 'пъпка на дърво'¹.

А. Брюкнер привежда рус. *почва* и *почка* 'пъпка на дърво' (втората форма с въпросителен знак) и извежда от пол. **pŕt-ja* (по-точно би било **pŕtjka*), което сравнява с лит. *paĩtas* 'яйце'. Й. Холуб също из-

¹ Вж. А. I. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 1927, стр. 401; J. Holub, *Stručný slovník etymologický jazyka československého*, II изд., V Praze, 1937, стр. 194; J. Holub, Fr. Корещиу, *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha, 1952, стр. 268; V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957, стр. 359; О. Н. Трубачев, *Славянские этимологии* 41—47, Укр. *брунька*, сб. *Этимология*, Москва, 1964, стр. 3.

вежда *pecka* от **pŕtjьka*, което според него означава 'яйчице' и сравнява с *pták*. В етимологичния речник от 1952 г. Й. Ходуб и Фр. Копечни привеждат за сравнение и рус. *почка* 'бъбрек'. И в двата етимологични речника на чешки език съответствия от балтийските езици не се споменават. В. Махек в своя речник правилно обяснява фонетичната промяна *c > st* в полската форма *pestka* < *pecka* и също след А. Брюкнер привежда лит. *paūtas* 'яйце'. Обясненията на споменатите автори страдат от противоречивост, а илюстративният материал е непълен. Към тези форми ще добавим следните семантични и фонетични успоредници от другите славянски езици: кашуб. *pestka* 'семка, костилка на плод'¹, словнн. *pěstka* (умалителни форми *pěstčica*, *pěstčička*) 'семка, костилка на плод'², глуж. *počka*, *bočka*, *bačka*, длуж. *paccka*, *pecka* 'семка, костилка на плод'³, сърбохърв. *pačac* с подобно значение, срв. 'и zgnj je sami jedan pačac'⁴, бълг. *пъшка* < *пъшка* 'семка, костилка, чепка'⁵ и укр. *почки* (ед. ч. *почка*) 'вътрешности на тялото'⁶.

Изследвачите са оставили без внимание многобройните съответствия от лужишки, словенски и сърбохърватски, които е привел С. Линде в своя речник на полския език към полската дума *pestka*⁷.

Всички приведени форми от днешните славянски езици подат към една праславянска основа, която е в несъмнена връзка с балтийските езици, срв. лит. *paūtas* 'яйце, testiculus', латв. *pāuts* 'яйце, testiculus', стлрус. *paūtē*, мн. ч. 'яйца'. Тези форми се извеждат от индоевропейския корен **pŕ-* 'надувам, духам, набъбвам, подувам се', усложнен с формант *-t*, т. е. **pŕt-*. Тази основа е широко застъпена в индоевропейските езици, срв. стинд. *purruṭa* 'подутина на небцето и венците'; грц. *πύπος* < **pŕt-snos* 'трътка'; лат. *praeputium* 'Vorhaut', лит. *pūsti* 'духам, вея, подувам се', *pušlė* 'мехур, пикочен мехур', лит. и латв. *putrā* 'буца' и мн. др.⁸ Мнението на А. Брюкнер и В. Махек за връзката на балтийските и славянските думи става особено убедително, ако към славянския сравнителен материал прибавим и рус. *почка* I. 'неразвита пъпка на растение, зачатък на лист, стъбло или цвят', 'зачатък на ювния организъм във вид на издутинна върху тялото на някои низши животни или растителни ор-

¹ Вж. St. Ramuīt, Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego, W Krakowie, 1893, стр. 133.

² Вж. Fr. Lorentz, Slovinsches Wörterbuch, II Teil, St. Petersburg, 1912, стр. 766.

³ Вж. Dr. Rězak, Něnsko-serbski wšowědny słownik hornjolužiskeje rěče, Bautzen, 1920, стр. 550; E. Mucke, Wörterbuch der nieder-wendischen Sprache, II Band, Prag, 1928, стр. 2, 31; B. Šwjeta, Dolnoserbsko-němski słownik, Budyšin, 1961, стр. 221.

⁴ Вж. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, obraduje T. Maretić, sv. 41, U Zagrebu, 1926, стр. 551.

⁵ Вж. Н. Геров, Ръчникъ на българский языкъ, т. IV, Пловдивъ, 1901, стр. 415.

⁶ Вж. Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, т. III, Киевъ, 1909, стр. 393.

⁷ Вж. S. B. Linde, Słownik języka polskiego, т. IV, Lwów, 1858, II изд., стр. 81; *Pestka*, *Pecka*; Boh. *pecka*, *pečyčka*, *kamynek*; Sorab. 2. *pazka*; Sorab. 1. *boččka*; Carn. *peška*, *pizke*; Vind. *pizhik koshica*; Croat. *pěchka*, *koschicza*; Dal. *kosticza*; Bosu. *pičca* (*pačca*, *pičca*; Rag. *pizza* 'jaderko winne').

⁸ Вж. A. Walde — J. Pokorny, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, II Band, Berlin und Leipzig, 1927, стр. 79—80; J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I Band, Bern und München, 1959, стр. 847—848; E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch, I Band, Heidelberg — Göttingen, стр. 554.

ганизми, които се размножават по безполов път', 2. 'бъбрек'¹. Фр. Миклошич, смята, че рус. *почка* 'пъпка на дърво' произлиза от *прокнуться* 'разпуквам се'². А. Потебня приема, че е заемка от пол. *paczek*³. Н. Горяев след като привежда в скоби пол. *paczek* я извежда от *пжкжжтн*, което в същност приема и А. Преображенски, който привежда *пукать, пукнуть, пущить*⁴. А. Брюкнер не е напълно убеден в съпоставянето на тази дума с останалите славянски форми⁵, а О. Трубачов ги сравнява, но не разработва въпроса⁶. М. Фасмер приема съпоставката с останалите форми от другите славянски езици, но привежда лит. *pūsti* 'набъбвам, подувам се, разширявам се', а не *paūtas* 'яйце'⁷. Нашето мнение е, че не само *почка* 'пъпка на дърво', но и *почка* 'бъбрек' представят руските съответствия на другите славянски форми.

За пръв път Фр. Миклошич обяснява произхода на *почка* 'бъбрек' и го свързва с *pekti*⁸. Всички по-късни автори на етимологични речници на руски език приемат тази етимология и я доразработват, като виждат семантични успоредици в *печень* 'черен дроб' и кашуб. *rowarka* 'бъбрек'⁹. Кашубската форма произлиза от *vařec* 'варя, готвя'¹⁰, но не защото болката на болния бъбрек наподобява тази при 'варене' (според Миклошич при 'печене'), а защото преработва едни вещества в други¹¹.

Материалът от индоевропейските езици показва, че единствено в балтийските и славянските езици ис. **pūt-* дава значение 'заоблен орган, скрит в тялото на човек, животно или птица'. Трябва да се изтъкне, че значенията в славянските езици са се развили от значенията на тази основа, които наблюдаваме в днешните балтийски езици. Несъмнено по време на балто-славянската епоха тези значения не са били диференцирани, а диференцията е настъпила в праславянски. Това ни дава право да говорим за една балто-славянска изосема. За по-голяма прегледност семантичният развой на ис. **pūt-* може да бъде представен по следния начин:

¹ Вж. Словарь современного русского литературного языка, т. 10, Москва—Ленинград, 1960, стълбец 1727.

² Вж. Fr. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, II Band, Wien, 1875, стр. 427.

³ Вж. А. А. Потебня, К истории звуков русского языка, т. III, Варшава, 1881, стр. 96.

⁴ Н. В. Горяевъ, Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлисъ, 1896, стр. 278; А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, т. II, Москва, 1910—1914, стр. 118.

⁵ Вж. А. Вейсскнег, лит. съч., стр. 401.

⁶ Вж. О. Н. Трубачев, лит. съч., стр. 3.

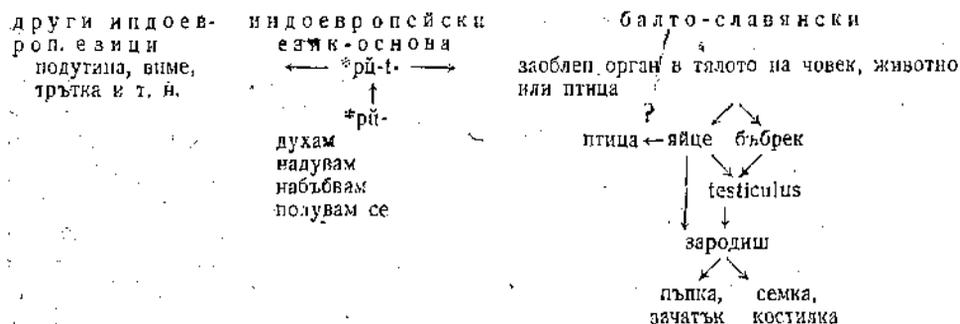
⁷ Вж. M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, II Band, Heidelberg, 1955, стр. 421.

⁸ Вж. Fr. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886, стр. 253.

⁹ Вж. Н. В. Горяевъ, лит. съч., стр. 278; А. Преображенский, лит. съч., стр. 118; M. Vasmer, лит. съч., стр. 420; Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка, Москва, 1961, стр. 264.

¹⁰ Вж. St. Ramułt, лит. съч., стр. 241.

¹¹ Вж. Словарь современного русского языка, т. II, Москва—Ленинград, 1951, стр. 54: *варить* 'переваривать пищу (о желудке)'.

Обяснението на този семантичен развой не среща никакви трудности. В най-различни езици много лексеми чрез полисемия развиват подобни значения, срв. пол. *jadro* 1. семка, костилка, зърно на плод, 2. вътрешност, среда на нещо, 3. (прен.) същност, сърцевина, 4. *testiculus*, 5. ядро (във всички значения), 6. техн. сърце¹. Друг пример, който потвърждава горния семантичен развой, представят тагалските форми *butó* 'костилка' и *butó* 'бъбрек'², които имат еднакъв произход. Очевидно е, че при наименоването на бъбрека основен семантичен белег е формата и положението на този орган в тялото. Това твърдение се подкрепя и от съответните примери от словашки и горнолужишки, където в названието е легнал признакът 'заобленост', срв. словаш. *oblička* и глуж. *wobliščo*, *wobwiščo*³. При все че М. Арцт в своя старополски речник привежда само формата *pecka*⁴, трябва да се приеме, че вариантната форма *pestka* също е архаична, защото фонетичната промяна *c > ts > st* (срв. обратния процес в българските лични имена *Коста(дин) > Коце*, *Станко > Цанко* и др.) наблюдаваме и при кашубските и словянските форми. Тя свидетелствува за стара лехитска изофона. Полската диалектна форма *pecka*⁵ е получена от *pecka* с вторична, неetimологична назалност. Както се отбеляза по-горе, българската дума *пъшка* има и значение 'чепка, грозд'. Значението е развито чрез контаминацията на *пъшка* 'семка, костилка' и *опашка* 'дръжка, чепка'. Втората дума се среща и без начално *о*, т. е. *пашка*⁶.

В съвременните балтийски езици разглежданите думи *paūtas* и *pāuts* днес имат само значение 'testiculus'. Първичното значение 'яйце' е загубено и се смята за архаично. Това понятие се предава в литовски с *kaūšis*, а в латвийски с *ola*⁷. Някои автори приемат⁸, че на лит. *paūtas* и латв. *pāuts* са родствени славянските думи стб. *пѣтница*, *пѣтншть*, новобълг. *птица*, рус. *птица*, укр. *птиця*, пол. *ptak*, чеш. *pták*, словаш. *oták*, лужиц. *ptak*, словен. *ptica*, *ptič*, сърбохърв. (п)тѣца, тѣч. Това съ-

¹ Вж. Słownik języka polskiego, т. III, Warszawa, 1961, стр. 357—358.

² Вж. М. Крус, С. Игнашев, Русско-тагалский словарь, Москва, 1965, стр. 279, 510.

³ Вж. Slovník slovenského jazyka, т. II, Bratislava, 1960, стр. 428; D. R. Žiak, цит. съч., стр. 704.

⁴ Вж. М. Арцт, Słownik staropolski, т. I, Warszawa, 1914, стр. 309.

⁵ Вж. J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, т. IV, Kraków, 1906, стр. 67.

⁶ Вж. Н. Геров, цит. съч., т. III, 1899, стр. 368; т. IV, 1901, стр. 19.

⁷ Вж. Fr. Kutschát, Litäuisch-deutsches Wörterbuch, Halle, 1883, стр. 300; K. Ulman, Lettisch-deutsches Wörterbuch, Riga, 1872, стр. 192.

⁸ Вж. М. Vasmer, цит. съч., стр. 458; A. Brückner, цит. съч., стр. 446.

поставяне е твърде вероятно, срв. латин. *avis* 'птица' от *ovum* 'яйце', и грц. *οἰωνός* 'птица' от *ωόν* 'яйце'. Повечето автори обаче смятат, че горепосочените славянски и балтийските форми произлизат от не. **pr̥-, reu-, rou-* 'мальк, дребен, незначителен', като много индоевропейски езици развиват значенията 'млад, младо животно, малко на животно', срв. (с формант *-t-*) стинд. *putrá* 'син, дете', авест. *puθra-* 'син, дете', лат. *putus, putillus* 'момче', оск. *puκlo-* 'дете', лит. *putýtis* 'младо животно, млада птица', латв. *putns* 'птица' и мн. др.¹ Втората етимология е по-убедителна и в такъв случай 'птица' < 'млада, малка птица'. Не трябва да се пренебрегва все пак и възможността в балто-славянски да са се контаминирали значенията 'яйце' и 'младо животно, млада птица', от което се е развило днешното значение 'птица' в балтийските и славянските езици.

В заключение ще изтъкнем, че детайлното разработване на общо-славянския лексикален фонд позволява да се открият редица нови моменти и да се възстановят по-старите етапи от разволя на славянските езици.

¹ Вж. А. Walde — J. Pokorny, цит. съч., стр. 75—76; J. Pokorny, цит. съч., стр. 852; M. Vasmer, цит. съч., стр. 458; R. Trautmann, *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*, Göttingen, 1923, стр. 233; за други мнения вж. Al. Brückner, цит. съч., стр. 448.

КЪМ ВЪПРОСА ЗА ИЗЧЕЗНАНЕТО НА КРАЙНИТЕ ЕРОВЕ В ИСТОРИЯТА НА СЛАВЯНСКИТЕ ЕЗИЦИ

Йордан Занмов

Както е известно, крайните ерове изчезват твърде рано в разво­я на славянските езици. Като последица от това в думите са настанали ре­дица промени; на една от които, незабелязана при досегашните проуч­вания, искам да обърна внимание в тия редове.

Има една категория животни, чиито имена в новобългарски и в ня­кои славянски езици се срещат с наст. *-ка*, а в старобългарски и в други славянски езици са без *-ка*. Имената са от женски род и в двата случая. Въпросът е за следните четири думи: *въшь* > *въш-ка*, *гъсь* > *гъс-ка*, *кокошь* > *кокош-ка*, и *мишь* > *миш-ка*. Поставя се въпросът защо в но­вобългарски тези думи са доразвити с *-ка*.

В повечето славянски езици, главно северните, тези думи са запазили началната си форма и отчасти своя женски род: нбълг. диал. *миш* 'плъх' (Трънско); срхр. *въш*, *къкош*, *миш* м. р.; словен. *uš*, *gds*, *kokoš*, *miš*; рус. *вошь*, *гусь* м. р., *кокош* диал., *мышь* и укр. *вош* = *воша*, *гусь*, *кокош* 'пе­тел', *миш* = *миша*; чеш. *veš*, *husa*, *kokoš*, *myš*; словаш. *voš*, *hus*, *kokoš* 'петел', *myš*; пол. *wesz*, *gęś*, *kokosz* = *kokosza*, *mysz*; горлуж. *woš*, *hus*, *kokoš*, *myš*; доллуж. *weš*, *woš*, *gus*, *kokoš*, *myš*; полаб. *vas*.

От сравнителния преглед на сегашното състояние на славянски­те езици относно застъпването на въпросните думи в речника им се вижда, че в историческия им развой са настанали следните проме­ни: а) в новобългарски са изчезнали всички стари форми, като *миш* е запазено като рядък диалектизъм с променен род и с променено значение, а *кокош* е запазено само в израза *слез*, *кокош*, *да те изям* (от приказка, Геров), като също е променило рода си; в срхр. не се среща застъпникът на стб. *гъсь*; б) срхр. *миш*, рус. *гусь* и укр. *кокош* са променили рода си и са станали от мъжки род. Интересен е случаят с рус. *гусь*, при което крайното *ь* не е помогнало да се запази началният род; в) в някои славянски езици думите са станали от женски род чрез допълнителна характеристика *-а*: укр. *воша* (покрай *вош*), *миша* (покрай *миш*), чеш. *husa*, пол. *kokosza* покрай *kokosz*. Към този тип спадат бълг. *педя* срещу стб. *падъ* и по всяка вероятност диал. *предя* 'предна, лицева страна': не *зъпай*, ами си *гледай предята!* (Разград) срещу стб. *пѣдъ* същ. ж. р., рус. *передь* също, още МИ *Пляша* в Пирдонския дял на

Стара планина, от стб. *пъшь* 'голгота' (освен ако думата не е променила рода си и тук да е членувана).

Не ще съмнение, че доразвиването на горните думи с *-а* е резултат от стремежа да се запази старият женски род, който отговаря на природния род на съответните животни. Същото явление виждаме и при неутралните форми на съответните думи, доразвити с *-ка* (вж. по-долу).

Важно е да се подчертае особено, че някои от думите са станали от мъжки род и означават вече мъжките индивиди на съответните животни. Тук спадат бълг. диал. *миш* 'плъх', укр. *косош* 'петел' и словаш. *kokoš* 'петел'. Така граматичният род на думата отговаря на естествения род на индивида. Това явление показва ясно защо някои славянски езици са потърсили женска наставка, за да доразвият старите форми, така че да има съгласуване на родовете. Поменатата склонност на славянските езици намира пълна успоредност в българската антропонимия, когато мъжки ЛИ стават женски чрез *-а* или *-ка*: *Драган* > *Драгана*, *Драганка*; *Иван* > *Ивана*, *Иванка*; *Петър* > *Петра*. Трябва да се отбележи при това, че ЛИ на *-а* са напълно неутрални (без отсянка на умалителност или гальовност), докато женски ЛИ на *-ка* по начало имат емоционална отсянка спрямо простите форми. Съдейки по доразвитите с *-ка* въпросни думи, които в новобългарски и в някои славянски езици (вж. по-долу) са напълно неутрални стилио спрямо старинните прости форми, може да се допусне, че тъкмо тук се крие един важен момент между службите на *-ка* при нарицателни и собствени имена: при една категория думи, главно на животни и растения *-ка* е неутрална (срв. раст. *латинка*, *трънка*, *тревка*, *млечка* и др., където наставката по всяка вероятност придава едничност), а при други служи просто да феминизира мъжката основа. Това положение се вижда от доразвитите с *-ка* думи в славянските езици: бълг. *вѣшка*, *гѣска* (най-старо за сега е гъска от XVI в. в сборник със смесено съдържание, сръбска редакция, Mikl., LexPSI 151), *косошка* (Миклошич, пос. съч., дава *косошъска*, но без извор), *мишка* (най-старо за сега *мышъска* от XIII в. в Номоканон, Mikl., пос. съч., s. v.); рус. *гуска*, укр. *косошка*, чеш. *huska*, словаш. *húška*, пол. *weszka*, *gąska*, *kokoška*, *myszka*. В някои славянски езици съответните думи с *-ка* имат само умалително значение: сръхр. *косошка*, словен. *kokoška*, *miška*, рус. *мышка*, укр. *мишка*, чеш. *veška*, *kokoška*, *myszka*, пол. *weszka*, кашубски *koekoeska*, пол. *myszka*, горлуж. *weska*, *woška*, *kokoška*, *myszka*, доллуж. *kokoška*, полабски *maška*. В случая не се вземат пред вид нови образувания с други, вторични значения като имена на уреди (доста чести в славянските езици), имена на игри, фигуративни значения и др., образувани с *-ка* и срещани почти във всички славянски езици.

Има редица думи в старобългарски с консонантни женски основи, които както в новобългарски, така и в останалите славянски езици, палят своя начален род: *вранъ*, *гъсть* 'шепа', *гъбѣль*, *данъ*, *жалъ*, *зълъ*, *зълъ* 'злост', *нощъ*, *печаль*, *пешть*, *ръчь*, *съчь*, *теаръ*, и др. Запазването на техния род е закономерно явление. Случаите обаче с *въшь*, *гъсь*, *косошь* и *мышъ* правят изключение, понеже промяната е свързана с промените в крайсловиято, именно с изчезването на еровата полугласна, поради което въпросните прости форми стават от мъжки род. Че това е

наистина така, ни убеждават ония значения на думите, които в отделни славянски езици (вж. по-горе) означават съответните мъжки индивиди. Така след изпадането на *-ъ* в крайсловистото имаме следната картина: *вѣшь* > *вѣш(ъ)*, *гѣшь* > *гѣс(ъ)*, *кокошь* > *кокош(ъ)*, *мѣшь* > *мѣш(ъ)*, евент. *миш(ъ)*. Това явление застава в противоречие с естествения род на съответните индивиди и е наложило да се потърсят елементи, за да се възстанови началният женски род на думите (в едни случаи с *-а*, а в други с *-ка*).

Резултат от подобен стремеж да се избегне омонимията поради изчезването на крайните ерове виждаме и в пбълг. *ѣмам* I л., ед. ч. срещу *ѣмаме* I л. мн. ч. в сравнение със стб. *нмамъ* 'имам' и *нмамъ* 'имаме'. Същото се наблюдава и при западнобългарските глаголи на *-м*: *бѣем*, *бѣям*, *бѣим*, *бѣам*, *чѣем*, *чѣям* в ед. ч. и *бѣеме*, *бѣиме*, *чѣеме* в мн. ч.

*

Редица местни имена, които по начало са по-консервативни от много архаични черти в говора, не са претърпели промени поради изчезването на крайните ерове. В българската топонимия има една немалка категория притежателски имена, образувани с оглавна непродуктивната наставка *-ѣв*, чийто завършек е затвърдил след изпадането на крайният *-ъ* и при липса на възможна палатализация и нейна последица, прилагателното в същност се е изравнило с основата на съществителното, от което е произлязло. В тия случаи няма причина за феминизация, понеже втората част (съществителното) пази своя начален мъжки род. Тук имам пред вид случаи като следните: *Бѣгдан град*, Кюстендилско, *Бѣгдан дол*, Севлиево, *Бѣян дол*, Новоагарско, *Варадѣн дол*, Ихтиманско, *Витѣн дол*, *Войн град*, Софийско, *Драгѣн кладенец*, Габровско, *Йовѣн чучур*, Котленско, *Радѣн дол*, Панагюрско, *Бѣвол камик*, Михайловградско, *Гѣрван дол*, Кюстендилско, Луковитско, *Елѣн град*, Годечко, *Свин дол*, Ботевградско, *Челѣн дол*, Кюстендилско, *Явор дял*, Тетевенско, и др.

Успоредността на двете явления почива на една и съща закономерност в развоя на славянските езици, именно изпадането на крайните ерови полугласни. Хронологията на горния тип местни имена се затруднява от липсата на писмени български (славянски) датирани извори, още повече че в случая имената означават местности и води, които много рядко намират място в писмени документи. Успоредниците обаче от останалите славянски езици и тяхната топонимия, където благодарение на исторически извори явлението е хронологизирано сравнително добре и въз основа на това се приема, че въпросната наставка (*-ѣв*) е престанала да бъде продуктивна към XII в., могат да хвърлят относително известна светлина и върху хронологията на нашите местни имена. Затвърдяването на основите и двата случая ще трябва да се свърже с еднаква хронология. За сега това са може би единствените данни за датирането на явлението както при думите, разгледани по-горе (с наст. *-ка*), така и на посочените местни имена.

Бъдещите проучвания върху изчерпателно събран материал за български исторически речник ще ни изнесат най-ранните засвидетелствувания на съвременните форми на разгледаните думи и така ще ни хронологизират по-точно времето, когато изчезват слабите крайни ерове в развоя

на български език и на останалите славянски езици, в които явлението има същата съдба. Това обаче не се отнася до прилагателните от простите стари форми, понеже те се срещат в старобългарски, където продължават една традиция, твърде характерна за общославянския начин и средство на словообразуване. Горните примери показват само една от последиците, предизвикани от изпадането на крайните ерове в славянските езици. От тях се вижда, как фонетичните промени оказват влияние върху морфологията и в тази насока те имат и методологично значение за славянското езикознание.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ГЕНЕТИЧЕСКИ РОДСТВЕННЫХ СЛОВ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Ирина Червенкова

Сравнение лексики близкородственных языков, какими являются болгарский и русский, дает картину лексико-семантического соотношения в области сравниваемых языков. Сопоставительное исследование лексики болгарского и русского языков находится в ряду актуальных задач славянского языкознания. Сопоставительное изучение лексики, генетически родственной в болгарском и русском, составляет часть этой общей задачи. Анализ генетически родственной лексики важен с точки зрения изучения семантического развития болгарского и русского языков.

Ниже проводится сопоставление в лексико-семантическом плане на материале двух генетически родственных слов болгарского и русского языков — *още* и *еще*¹. Сопоставление ограничивается рамками современного состояния болгарского и русского литературных языков.

Болгарско-русские и русско-болгарские словари отмечают полное² или почти полное³ семантическое совпадение этих слов. И действительно, они сходны в своих основных значениях. Болгарскому *още* соответствует русское *еще*, что и отражено в словарях. Такое лексико-семантическое соответствие, однако, не охватывает всего семантического объема и всех случаев употребления *още* и *еще*, что обнаруживается при сравнении этих слов.

Обратимся к результатам этого сравнения. Предварительно следует оговорить, что не будем останавливаться на всех значениях слов *още* и *еще*, как они даны в толковых словарях⁴. Отмечается ряд значений этих

¹ Ср. статью Н. Е. Маркарьян и Л. К. Байрамовой «Некоторые причины семантического расхождения генетически родственных слов в славянских языках» (Уч. записки Казанского ун-та, т. 122, № 5, 1962), предметом которой являются «слова, имеющие общее происхождение и общий (с точки зрения исторической) фонетический облик, но различные по семантике», свойственные русскому, чешскому и польскому языкам (стр. 117). Причем при сравнении их семантики «выясняются только существенные их характеристики, без учета ряда оттенков значений» (стр. 118).

² См. С. Чукалов, Болгарско-русски речник, С., 1957, и Русско-болгарский словарь, М., 1962; С. Б. Бернштейн, Болгарско-русский словарь, М., 1966.

³ См. Руско-български речник, С., 1960, т. II.

⁴ Значения *още* см. в Речник на съвременния български книжовен език, т. II, С., 1957; значения *еще* см. в Словаре русского языка, изд. АН СССР, т. I, М., 1957, в Словаре современного русского литературного языка, изд. АН СССР, т. 3, М.-Л., 1954, и в Словаре русского языка С. И. Ожегова, М., 1963.

слов, иллюстрирующий совпадение и расхождение в их семантике. Так, в следующих случаях *още* и *еще* семантически совпадают.

1) В значении дополнительности, повторности:

Изминана <i>още</i> пет години.	Прошло <i>еще</i> пять лет.
Той <i>още</i> веднъж прочете писмото.	Он <i>еще</i> раз прочел письмо.

2) В значении длительности, продолжения, сохранения события (действия, предмета, признака) в определенных временных рамках, которые определяются лексически и грамматически:

Детето <i>още</i> спи.	Ребенок <i>еще</i> спит.
Цветята са <i>още</i> свежи.	Цветы <i>еще</i> свежи.

3) При сравнительной степени, выражая увеличение степени признака:

Стана <i>още</i> по-студено.	Стало <i>еще</i> холоднее.
------------------------------	----------------------------

4) В функции уступительного союза:

През лятото там е <i>още</i> приятно, но през зимата е съвсем скучно.	Летом там <i>еще</i> хорошо, но зимой совсем скучно.
--	---

Факта возможности субституции *още*—*еще* при переводе, однако, недостаточно для утверждения функционального тождества *още* и *еще* в значениях, в которых они употреблены в приведенных примерах. Для подобных выводов были бы необходимы данные изучения функционирования *още* и *еще* в указанных значениях на обильном речевом материале. Предварительно можно отметить, что возможность замены *още*—*еще* при переводе, обусловленная совпадением семантики слов *още* и *еще* в указанных случаях, не всегда осуществляется в речи, что также подтверждается данными перевода (например, *още* и *еще* опускается или появляется там, где его нет в оригинале). Следовательно, нормы употребления *още* и *еще* в этих значениях окажутся не тождественными. Существенным по своим результатам может оказаться также анализ употребления *още* и *еще* с точки зрения их места по отношению к слову, к которому они примыкают, и их „подвижности“ в этом смысле. Ср., например

Преди три-четири години той *още* знаеше какво иска от живота (Е. Манов) и — Нещо стана с моста — каза стриганото момче, което държеше *още* ръката си в каменното гнездо (И. Радичков); Родители мои умерли, когато я бях *еще* ребенком (А. Чехов) и Женяся я на ней, когда *еще* был мальчишкой (А. Чехов).

До сих пор речь шла о случаях семантической нейтрализации *още* и *еще* в условиях нейтрализации или возможной дифференциации их позиции. Однако при сопоставлении слов *още* и *еще* обнаруживается и отсутствие семантической нейтрализации. Семантическая дифференциация *още* и *еще* обнаруживается, например, в случае, когда *още* и *еще* употребляются при обстоятельственных словах с временным значением¹. В таком употреблении, в отличие от отмеченных выше случаев, проявляется отсутствие семантического тождества слов *още* и *еще*. Остановимся подробнее на этом случае отсутствия семантического совпадения рассматриваемых слов.

¹ Для краткости словом с временным значением здесь обозначается не только слово, в лексическом значении которого выражено время совершения события, но и такое слово, которое называет место или какое-нибудь другое событие, связанное с представлением о сроке, моменте наступления данного события.

Болгарское *още* может примыкать к слову с временным значением, подчеркивая, что событие представляется как давно совершившееся (глагольное сказуемое — в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения), или как такое, которое наступит очень скоро или наступило вскоре после чего-нибудь (глагольное сказуемое — в форме будущего или прошедшего времени или в повелительном или сослагательном наклонении), или как такое, которое к настоящему моменту уже наступило и продолжает совершаться (глагольное сказуемое — в форме настоящего времени).

(1) Тя замина на село *още* миналата година.

Здесь *още* не выражает ни одного из тех значений, которые были отмечены в начале и в которых *още* семантически совпадает с *еще*. *Още* в этом случае подчеркивает значение давности, которое должно выразить сочетание миналата година: этот срок представляется говорящему достаточно отдаленным по времени, что и призвано подчеркнуть слово *еще* ('давно'). Ср.:

— Ще вали, дядо *още* вчера казнаше (Е. Манов). Но за каква случайност може да става дума, когато той знаеше предварително, в София *още*, че някъде около Триград трябва да има явка (А. Гуляшки). Мостът бе разместил камешните блокове и железобетонните пояси в ословата си, разместване, предвидено от неговия конструктор *още* при построяването (Й. Радичков).

(2) Тя *още* днес ще заmine на село.

Още подчеркивает временное значение слова, к которому оно относится, обращая внимание на то, что событие наступит в срок, ограниченный рамками, определяемыми словом с временным значением (*днес*), причём с точки зрения говорящего это событие наступит очень скоро. Ср.

Рядко сполучливите гастроли му осигуряват *още* през същия сезон нови участия в „Скала“... (О. Дейкова, Борис Христов). И чуите един приятелски съвет: върнете се при мъжа си. *Още* утре се върнете... (Е. Манов).

Частным случаем такого употребления является употребление *още* для подчеркивания значения быстроты наступления события, идущего на смену (вскоре после) данного:

(2а) Тя получи писмо от майка си и *още* на другата сутрин замина. Ср.: „Поиска да отпътува *още* на следващия ден за София, за да ускорят разръзката на всичко онова, което *още* ги разделяше“ (Е. Манов).

Сюда непосредственно примыкает такое употребление *още*, когда оно относится к слову (словосочетанию), выражающему условия, основания, достаточные для совершения, наступления какого-нибудь события, причём *още* усиливает это значение достаточности. Напр.: „Намерихме оригинала на писмото от четвърти март и *още* от пръв поглед разбрахме, че то хем е същото, хем не е същото“ (А. Гуляшки), т. е. достаточно было одного взгляда, чтобы понять нечто очень важное, выводы были сделаны очень быстро.

(3) Той *още* сега рисува много хубаво.

Още подчеркивает слово с временным значением, привлекая внимание к тому, что событие осуществляется уже в этих временных рамках, причём сроки эти представляются более ранними, чем можно было бы ожидать. При этом представляется вероятным дальнейшее развитие этого события с достижением определенного результата („*още* сега рисува

много хубаво" — можно предположить, что ожидается развитие этой способности в будущем).

Если сравнить эти три случая употребления *още*, становится ясно, что значения 'давно' (1), 'очень скоро, вскоре, сразу же после' (2) и 'уже в данное время' (3) являются значениями сочетания *още* с определенными словами, причем эти значения зависят от семантики слов, к которым относится *още*, и от временной отнесенности сказуемого. Само *още* в этих случаях самостоятельного вещественного значения не имеет¹. Функция *още* как лексической единицы чисто усилительная: *още* подчеркивает значение срока.

Още в таком употреблении семантически ближе всего к значению длительности, продолжения события, выражаемому словом *още*. *Още* указывает на то, что событие как бы „умещается“ в рамках, определенных словом с временным значением. Однако такая семантика в данном случае уступает место усилительной функции.

Усилительное *още* безударно. Оно имеет фиксированную позицию: перед словом с временным значением (обычно) или после него, оказываясь проклитикой или энклитикой.

Още в усилительной функции может быть синонимически соотносительно со словом *дори*. Ср.: *още* от пръв поглед — *дори* от пръв поглед. Кроме того, оно синонимически соотносительно с наречием *вече*, употребленном при сказуемом. *Вече* при этом имеет результативное значение. Ср.:

- (1) Замина *още* миналата година.
Миналата година *вече* беше заминал (или: беше *вече* заминал).
- (2) *Още* днес ще заmine.
Днес *вече* ще заmine.
- (2а) Получи писмо и *още* на другата сутрин замина.
Получи писмо и на другата сутрин *вече* беше заминал.
- (3) *Още* сега рисува хубаво.
Сега *вече* рисува хубаво.

Семантическая соотносительность конструкций с *още* и *вече* не означает их тождества. В случаях (1) и (2а) различие между фразами в том, что при *още* подчеркивается срок, а при *вече* достижение, наличие результата к определенному сроку. В примерах (2) и (3) при *още* то же усиление временного значения, что в (1) и (2а), а при *вече* — значение результата, который, может быть, был достигнут не сразу. *Още* и *вече*, таким образом, противопоставлены и семантически, и позиционно.

Усилительное *още* при словах с временным значением в отношении антонимического характера не вступает.

Еще в русском языке также употребляется в функции усилительного слова при обстоятельствах с временным значением².

- (1) Она уехала в деревню *еще* в прошлом году.

Еще подчеркивает, что момент совершения действия представляется отдаленным во времени ('давно'). Событие отнесено в план прошлого целиком или, начатое давно в прошлом, продолжается в настоящем. Ср.:

¹ Ср. А. А. Остроумова, Наречие „еще“ и его безударный двойник. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, т. 6, 1954, стр. 47; Н. М. Мешковская, Усилительная частица „еще“, Рус. яз. в школе, 1951, № 5, стр. 34.

² См. указ. статьи Н. М. Мешковской и А. А. Остроумовой.

Вот и решили мы показать вам несколько хороших картинок, напечатанных в журнале давно-давно, *еще* тогда, когда мы были учениками первого класса (Веселые картинки, 1966, № 9). Резерфорду хотелось это узнать *еще* в Монреале, когда летом 1906 года он впервые заметил самый факт рассеяния (Д. Данин, Резерфорд). Я знаю товарища Серго давно, *еще* со времен подполья, как преданного, активного, бесстрашного революционера (Лит. газета, 1966, 1 окт.).

(2) В таком же сочетании, но в ином более широком контексте — при наличии противопоставления — *еще* может иметь совершенно другое значение. Напр.: „Подбор исполнителей был наиболее трудной задачей. Съёмки продолжались уже почти полгода, а буквально *еще* месяц назад не все актеры были утверждены“ (Сов. кино, 1966, № 47). *Еще* здесь подчеркивает не давность события, а, как раз наоборот, временную приближенность события к какому-то определенному моменту ('совсем недавно'). Ср. еще:

Богатство его чувств, которое *еще* вчера не имело в ее глазах особой цены, исчезнув, стало жизненно необходимым (Н. Адамян). Не за столь уж долгое время „экзотические парадоксальные острова“, как *еще* недавно изображала Японию иностранная литература, стали страной самой совершенной промышленности (Новый мир, 1966, № 7).

Итак, *еще* в сочетании со словами, указывающими на время, срок совершения события в прошлом, подчеркивая значение этого срока, может „определять“ его как очень отдаленный или, наоборот, совсем недавний. Сочетание *еще* + слово с временным значением характеризуется двумя противоположными значениями¹.

Напр., фраза „*Еще* вчера он был у нас“ может означать, что событие представляется уже достаточно отдаленным во времени: „Мой друг только на днях вернулся из длительной командировки, но мы с ним уже виделись. Он *еще* вчера был у нас.“ Та же фраза может иметь совсем иной смысл в другом контексте — при противопоставлении резко различных событий, которые разделяет относительно небольшой интервал времени. Напр.: „Невероятно. *Еще* вчера он был у нас, и вдруг — лежит в больнице.“ В данном случае *еще* подчеркивает, что событие кажется происходившим совсем недавно. Ср. еще:

Ты ему скажи, слышишь, пусть катится, если бы не он, я бы *еще* утром был в Одессе! (В. Панова) — т. е. давно; На вокзале дети уже радовались, что едут в горы. *Еще* утром им уезжать не хотелось (Н. Адамян) — т. е. совсем недавно.

(3) *Еще* в рассматриваемых сочетаниях может иметь значение 'очень скоро', 'в короткий срок', когда событие дается в плане настоящего или будущего. Напр.:

Жан Габен собирается также *еще* в нынешнем году сниматься в новой картине „Неустанный“ (Лит. газета, 1966, № 133). Это одна из страничек цикла, который появится в журнале „Молодая гвардия“ *еще* в этом году (Лит. газета, 1966, № 137).

Еще в таком употреблении безударно, являясь проклитикой (чаще) или энклитикой.

Усилительное *еще* в случаях (1) и (3) семантически соотносительно с *уже*, выступающим в той же позиции и выполняющим тоже усилительную функцию.

¹ Сл., эпантосемии в слове *еще*, в сущности, нет, т. к. противоположными являются значения не усилительного *еще*, а сочетания *еще* + слово с временным значением.

Видимо, в тех толковых словарях, в которых отмечается, что *еще* имеет значение 'уже', имеется в виду именно такой случай употребления *еще*¹.

Еще подчеркивает, что событие дается как имевшее место в пределах указанного времени, относящегося к прошлому, причем подчеркивается отдаленность этого события.

Уже подчеркивает значение наступления, совершения события к определенному моменту в прошлом и предполагает дальнейшее развитие, результат этого события. *Уже* в таком случае может подчеркивать, что событие наступило, имело место раньше, чем можно было бы ожидать. Ср.:

Репортеры, верно, думают, что я *уже* тогда все знал, — сказал мне Максим (А. Литвинова). *Уже* в глубокой древности культ оракулов, астрологов был широко, буквально повсеместно распространен в Японии (Новый мир, 1966, № 7). *Уже* через три года после освобождения Смоленска 20 предприятий, разрушенных до основания в дни оккупации, выдали первую продукцию (Лит. газета, 1966, № 144).

В приведенных фразах субституция *еще*—*уже* возможна, но она не проходит бесследно с точки зрения семантической. При такой замене проявляется семантическая дифференциация, существующая между *еще* и *уже*. *Еще* и *уже* в таком употреблении оказываются семантическими синонимами.

Семантическими синонимами оказываются также *еще* (3) и *уже*. Ср.:

Он *еще* завтра закончит подготовительную работу.

Он *уже* завтра закончит подготовительную работу.

Оба случая возможны, но они семантически не тождественны. В первом случае *еще* подчеркивает, что событие наступит скоро, очень скоро и не выйдет за рамки указанного срока. Во втором случае — то же значение 'очень скоро', которое сопровождается результативным значением *уже* и значением 'раньше, чем можно было бы ожидать'. Усилительная функция у *уже* в этом случае выражена ярче, чем у *еще*. Ср.:

Скоро Вильнюс, о котором так много слыхала. А за Вильнюсом, *уже* послезавтра, будет море (А. Кленов). Рассказ о строительстве этого дома Нине еще предстояло выслушать много-много раз. *Уже* сейчас Алена начинала и бросала говорить о том, как трудно дался им этот хорошенький домик... (Н. Адамин).

Еще и *уже* в таком употреблении семантически соотносительны с усилительной частицей *же*. Ср.: „Он завтра *же* закончит подготовительную работу“.

Наиболее ярко значение 'очень скоро' выражает усилительное *уже*, затем следует *же*, которое, может быть, наиболее обычно в таком употреблении. *Еще* в таком случае кажется наименее удачным.

В силу того, что *еще* в усилительной функции может подчеркивать временную отдаленность или, наоборот, близость во времени какого-нибудь события и что такая усилительная функция характеризует и *уже* (подчеркивает значения 'давно', 'рано', 'недавно', 'поздно', 'скоро', 'в короткий срок'), эти слова оказываются не только в отношениях синонимических, но и антоимических.

Так, *еще* (1) и *уже*, подчеркивающее значение 'недавно', 'нескоро', 'поздно', могут быть семантически противопоставлены. Например, у Пушкина:

¹ См. Словарь русского языка, АН СССР, М., 1957, т. 1; Словарь современного русского литературного языка, АН СССР, М., 1954, т. 3.

кина: „Они вышли замук *уже* при Екатерине, одна за Панина, другая за Чернышева“¹. *Уже* выражает мысль, что событие наступило относительно поздно. Замена *уже*—*еще* приводит к изменению оценки времени наступления события: во втором случае (с *еще*) событие воспринимается как совершившееся давно. Усилительные *еще* и *уже* оказываются противопоставленными как антонимы.

Сходное противопоставление у *еще* (2) и *уже* в результативном значении: „*Еще* вчера он был здоров“ (‘совсем недавно’) и — „*Уже* вчера он был здоров“ (событие дается как наступившее давно).

Еще (3) и *уже*: „*Еще* завтра все выяснится“ (‘скоро’) и „Все выяснится *уже* (только) завтра“ (‘нескоро’).

Таким образом, усилительное *еще* синонимически и антонимически соотносительно с *уже*.

При сравнении усилительного *още* и усилительного *еще* при словах с временным значением с точки зрения их семантики и их семантических связей с другими словами в болгарском и русском языках обнаруживается сходство и различие в их значениях и употреблении.

Так, *още* (1) и *еще* (1), *още* (2) и *еще* (3) семантически эквивалентны. Ср.:

Тя замина на село *още* миналата година.

и

Она уехала в деревню *еще* в прошлом году.

Тя *още* тази година ще заmine на село.

и

Она *еще* в этом году уедет в деревню.

Още (2а) и *още* (3) не находят себе соответствия в семантике *еще*, а *еще* (2), в свою очередь, не находит себе соответствия в семантике *още*.

Още (2а) семантически соответствует *уже* или *же*. Напр.: „Неудача со сверлами уладилась легче, чем мы полагали. *Уже* на завтра“ (А. Кленов). Вместо *уже* на завтра возможно на завтра *же*, на следующий *же* день. В болгарском языке этому соответствовало бы *още* на другия (на следващия) ден. „Кудрявцев не сомневался, что *уже* из первых слов Комарова поймет, зачем его сюда звали“ (А. Чаковский). Возможный вариант: ... не сомневался, что из первых *же* слов поймет... По-болгарски было бы: „... че *още* от първите думи...“ Ср.: „*Още* в първите дни към мене се установиха отношения, които не се промениха чак докато постъпих в гимназията...“ (О. Василев) и тот же отрывок в переводе В. Арсениева: „С первых *же* дней ко мне установилось отношение...“

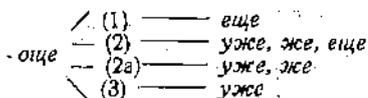
Болгарскому *още* (3) в русском семантически соответствует тоже *уже*. Напр.: „Он наша гордость, староста дружины, лучший математик школы. Он *уже* сейчас занимается по программе первого курса математического вуза“ (Лит. газета, 1966, № 137). По-болгарски было бы „*още* сега“.

Еще (2) не находит соответствия в усилительном *още*. Усилительному *еще* (2) в болгарском языке соответствует *още* при сказуемом, причем *още* имеет значение длительности. Напр.: „*Еще* вчера он был совершенно здоров и вдруг сегодня его отвезли в больницу“ и „Вчера

¹ Пример взят из Словаря языка Пушкина, М., 1961, т. IV, стр. 670.

той беше *още* съвсем здрав и изведнѣж днес го откарари в болницата". Ср.: „До вчера *още* непознат, днес признат за велик певец“ (О. Дейкова, Борис Христов). По-руски было бы: „Еще вчера неизвестный...“.

Таким образом, с точки зрения семантической усилительному *още* в русском языке соответствует не только *еще*, но и *уже* и *же*.

Усилительное *още* семантически шире, чем усилительное *еще*. Но, с другой стороны, у *еще* есть значение, которого нет у *още*: *еще* (2).

У *еще* более тесные и более сложные связи с семантически соотносительными словами, чем у *още*. Примером могут служить отношения *еще*—*уже* (стр. 486—488).

В болгарском языке нет подобного семантического соотношения между *още* и *вече* в указанном употреблении. То семантическое содержание, которое в русском языке выражается в сочетании с усилительным *еще* и с усилительным *уже*, в болгарском выражается в сочетании с *още*; *вече* в такой функции не выступает.

„Той *още* през зимата замина“ — *още* подчеркивает давность события. Ср.: „Он *еще* зимой уехал“.

„Той *още* през зимата *вече* беше заминал“ — *още* подчеркивает значение 'давно', а *вече* — значение совершения действия. Ср. в русском: „Он *еще* зимой уже уехал“ и „Он *уже* зимой уехал“.

Но не употребляется „Той *вече* през зимата беше заминал“, где *вече* относилось бы к обстоятельству през зимата и имело бы значение 'давно, раньше, чем можно было ожидать'. В болгарском языке в этом случае выступает *още*, которое, в отличие от русского языка, не дифференцирует значения давно наступившего события и события, наступившего в прошлом раньше, чем можно было ожидать, и имеющего результат в дальнейшем. *Вече* может оказаться в позиции перед обстоятельством, но это скорее результат инверсии, и *вече* не выполняет усилительной функции по отношению к слову с временным значением; оно относится к сказуемому.

Ср.: Той *еще* през зимата беше заминал.

и

Той *вече* през зимата беше заминал.

Аналогичным представляется употребление *вече* в следующем предложении: „После те стояха дълго пред нейната врата и се усмихваха мъдчавиво и Филип смътно си мислеше, че в живота никога нишо не се повтаря и че навярно *вече* утре няма да бъде така“ (Е. Манов).

Наличие определенного семантического распределения между *еще*, *уже* и *же* и отсутствие такого же распределения между *още* и *вече*, т. е. распределение известной семантической нагрузки между тремя лексическими единицами в русском языке и концентрация такой же семантической нагрузки в одной лексической единице в болгарском языке, приводит к явлению интерференции при переводе с болгарского на русский.

Вследствие того, что *еще* в своих основных значениях совпадает с *още*, эти слова воспринимаются как полные семантические эквиваленты. В результате в речи болгарина, недостаточно владеющего русским языком,

в усилительной функции при обстоятельствах с временным значением выступает только *еще* — под влиянием болгарского *още*. Например¹:

Еще в первых рассказах Шолохов отражает классовую борьбу...; *Еще* в его ранних произведениях чувствуется сила будущего большого писателя; Шолохов... *еще* с самого начала принимает революцию.

Употребление усилительного *еще* в этих случаях возможно. Оно подчеркивает отдаленность, давность события. Но когда речь идет о событии продолжающемся или имеющем последствие в дальнейшем и к тому же подчеркивается не столько то, что оно происходило давно, сколько то, что это событие началось рано, следует употребить *уже*, которое подчеркнет, что в то время, давно, в самом начале событие уже наступило, уже дало результат, который сохранился впоследствии, в настоящем. Ср.: „*Уже* в первых рассказах Шолохов отражает классовую борьбу“ — т. е. *еще* тогда, в самом начале своего творчества, Шолохов уже отражал классовую борьбу, он начал отражать ее очень рано и в дальнейшем своем творчестве оставался писателем своего класса.

В болгарском языке эти семантические оттенки лексически не дифференцированы. В обоих случаях при переводе с русского на болгарский было бы „*още* в първите си разкази“.

Можно отметить явление интерференции и при переводе с русского на болгарский, когда болгарскому усилительному *още* приписывается не свойственное ему, но характерное русскому *еще* значение 'совсем недавно, 'только что'. Напр.: „*Еще* утром он был здесь. Куда он мог деться?“ переводится „*Още* сутринта той беше тук“ вместо „Сутринта той *еще* беше тук“².

Усилительные *още* и *еще* возможны не только при словах, так или иначе определяющих срок наступления события, но и в других случаях, которые, однако, здесь не рассматриваются. Отметим только, что отсутствие полного семантического совпадения между *още* и *еще*, когда они употребляются со словами с временным значением, не является единственным случаем семантической дифференциации слов *още* и *еще*.

Так, например, в следующих фразах русскому *еще* не соответствует болгарское *още*:

А помните, ваше превосходительство, того итальянского трагика... как его? *еще* такой брюнет, высокий... Дай бог память... (А. Чехов); Мутет ужасно, а тут *еще* развозчик плетется еле-еле, точно помирать едет (А. Чехов); Живой старикашка! — сказал губернатор. — Удивительно, как это он *еще* на коньках не натается (А. Чехов).

Следовательно, при изучении лексики болгарского и русского языков в сопоставительном плане слова *още* и *еще* следует отнести к разряду генетически родственных слов, семантический объем и функционирование которых не тождественны³.

Что представляют собой слова *още* и *еще* с точки зрения грамматической? К каким лексико-грамматическим разрядам принадлежит каждое из них?

¹ Примеры взяты из письменных работ студентов русской филологии Софийского университета.

² Из устной речи людей, для которых родным языком является русский.

³ См. А. Л. Карлин, Явление интерференции при изучении лексики, Ин. языки в школе, 1965, № 4.

Речник на съвременния български книжовен език определят *още* в рассмотренной здесь усилительной функции как наречие. Русские толковые словари характеризуют *еще* в указанной функции тоже как наречие. В отдельных работах, однако, усилительное *еще* при обстоятельствах (а также в некоторых других случаях) причисляется к усилительным частицам¹. Это представляется правильным. Думается, что есть основания считать и болгарское *още* в усилительной функции при обстоятельствах частицей, а не наречием².

¹ См. указ. статьи Н. М. Мешковской и А. А. Остроумовой.

² См. Кр. Чолакова, Частиците в българския книжовен език, София, 1958. В книге среди частиц болгарского языка *още* не называется. Однако кажется, что на основании учета главной характерной особенности частиц, как она определена автором монографии, *още* в усилительной функции следует рассматривать как частицу: «Общепризнан факт е, че частиците, като служебни думи, нямат предметно-реално значение, затова техният смисъл се определя обикновено от средата, в която се намират. Следователно, най-главна характерна особеност на частиците е, че тяхното смислово съдържание е в тясна зависимост от смисъла на думите, с които те се свързват, или от общия смисъл на изречениата, в които са употребени» (стр. 13).

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Русск. *ни гугу*; днал. *гунявий*

А. К. Кошелев

Во всех словарях современного русского языка *гугу* толкуется как „междометие“, выступающее лишь с отрицанием: *ни гугу*. Впервые оно отмечено в Словаре церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук (1847) со значением „ни слова; молчать“. Последующие словари выделяют два значения: 1) „приказание или просьба молчать“; 2) „молчать, не подавать голоса“ (в значении сказуемого)¹.

Первая этимология русск. *ни гугу* была дана А. Преображенским в его „Этимологическом словаре русского языка“ (1910—1914). Он считает *гугу* связанным с русск. *гук* „глухой звук; крик совы“, *гукать*, укр. *гукати*, болг. *гукам*, чешск. *houkati*, польск. *hukać* и т. д. как звукоподражательное слово из первичного *гу!*, распространенного посредством *-к*. Таким образом, *гугу* появилось в результате ассимиляции *к > г*. М. Фасмер, касаясь *гугу*, отсылает читателя к этимологии Преображенского². Вместе с тем некоторые славянские параллели, приведенные самим Преображенским, а именно, болгарские материалы, ставят под сомнение эту этимологию. Мы имеем в виду болг. *гък*, *гъкам*, последнее со ссылкой на словарь Г. А. Дювернуа в значении „стопать“. В новом Болгарском этимологическом словаре³ *гък* определяется как звукоподражательное. Болгарские материалы интересны тем, что в них наблюдается параллельный оборот с отрицанием аналогично русск. *ни гугу*, срвн. *ни гък* „ни слова, ни звука“, *не рече ни гък*; *мълчи, ни гък да не си казал*, срвн. примеры из художественной литературы: „Като каже он ваш Любен ще излезе на свобода и нема никой да смее да му рече гък“ (Ст. Ц. Даскалов, Път, II); „Но Рахат Колю се съобразява с всичко, знае, че няма твърди пени, и гък не можеш да му кажеш“ („Стършел“); „... въпросът е само да го спипат без да каже гък“ (Г. Караславов, Нови пътища); „Дайте им ва-

¹ Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935; Словарь русского языка, т. I, М., 1957; Словарь современного русского литературного языка, т. III, М.-Л., 1957.

² М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, перев. с немецк., т. I, М., 1964, стр. 470.

³ Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, Български етимологичен речник, св. I—V, С., БАН, 1962—1966 гг.

гони!“ — викам на началника на станцията, Шнайдера. Думам му на турски, защото не знае гък български (Ив. Вазов, Един влак).

Предполагается, что глаголы *гъкам, гъкна, гъккувам, гъквам* образованы от *гък*, срвн. [Неждеб:] — Бурята ще дойде изведнъж, няма да гъкнем... (= „и ахнуть не усеем“) — (П. Вежинов, Далече от бреговете).

В каком же отношении находятся русск. *ни гугу* и болг. *ни гък*? Случайно ли функциональное и фонетическое совпадение этих „междометий“, или же мы имеем здесь дело с генетическим родством? Какова праформа этих „междометий“? На эти вопросы ни этимология Преображенского, ни параллели С. Младенова¹ не дают ответа. Вместе с тем, как совершенно справедливо замечает В. А. Никонов², слова, обыкновенно зачисляемые в категорию „звукоподражательных“, нуждаются в более глубоком изучении, свободном от поверхностной лексикографической инерции. Одной из таких серьезных попыток исследования „звукообразительных“ слов семитских языков является работа А. М. Газова-Гинзберга³. Он сочувственно цитирует высказывание ученого-семитолога Вильгельма Гезениуса по поводу „звукообразительных“ слов: „Звукоподражательные слова (опоматopoётика), которыми изобилуют семитские языки, также не могут не быть в известной степени сходными с таковыми же в других, и даже в самых отдаленных от них языках, и наконец... есть слова, которых тождественное, или сходное, значение с соответствующими им словами других языков объясняется общим характером некоторых звуков человеческого голоса, везде одинаково, или только с некоторыми видоизменениями, выражающих то или иное понятие...“⁴

Для таких близкородственных языков, как русский и болгарский, звуковое подобие слов опоматopoётического характера тем более объяснимо. В этом случае (русск. *ни гугу* и болг. *ни гък*) сущность проблемы сводится к восстановлению первоначальной основы. Болг. показывает на два варианта основы *гък- / гъг-*, срвн. *гъклив* „неясный, глухой“ (о произношении), *гъглив* „косноязычный“, *гъгнив* „гнусавый; косноязычный“ при глаголах *гъгна, гъгнувам* 1) „гнусавить“; 2) „говорить неясно, низким тоном“. Как известно, они связаны со стслав. гжгнати, дррусск. *гугнати* „шептать; роптать“, *гугнивий* 1) „косноязычный“; 2) „ропщущий“; *гугнявий* „говорящий в нос, гнусающий“; *гугнание* „ропот“, срвн. укр. *гугнати, гугнявити* „гнусить, говорить в нос“, *гугнити* 1) „неясно звучать“; 2) „гнусить“; *гугнявий, гугнявий, гугнивий* „гнусавый, говорящий в нос“, при вторичных *гуняти* „гнусить“, *гунявий* „гнусавый“, *гунюти* „крикнуть, издать звук“, срвн. *гунюти рогом* „разразиться смехом“ (Гринченко). В результате процессов диссимиляции в укр. появились формы *вугнати, вугнотати* „гнусить“, *вугнявець* „гнусавый“. Белорусск. сохраняет также почти все образования этого гнезда *гугнявы, гугнявиць, гугняць, гугнюць* „заворчать сквозь зубы или в нос, выражая недовольство“ (Носович). Сербохорв. сохранил *гунџав* „ворчливый“, *гунџало* „вор-

¹ Ст. Младенов, *Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*, София, 1941.

² В. А. Никонов, *Происхождение русского гм*, „Этимология“, М., 1965.

³ А. М. Газов-Гинзберг, *Был ли язык изобразителен в своих истоках? Свидетельство прасматского запаса корней*, М., Наука, 1965.

⁴ Там же, стр. 8.

чун, брызга", *gúnġati* „брызгать, ворчать, бормотать (себе под нос)“; словенск. *gognjati* „гнусавить“, *gognjav* „гнусавый“; македонск. интересен сохранением рефлексов старого носового вокала: *gagne*, *ганголи* „говорить в нос, гнусавить“, *gagniv*, *ганголив* „гнусавый“, *gagnivost*, *ганголивост* „гнусавость“. Западнославянские языки показывают ряд новообразований, срвн. чеш. при *huhňati* „гнусавить“, *huhňavý* „гнусавый“, *huhňa* „гнусавый человек“, также *huhlati* „ворчать; бормотать“, *huhlavý* „ворчливый; бормочущий“ при древнечеш. *huhlati* „выть, скулить“ (Gebauer, 1, 516), словацк. *huhňat* „говорить неясно, в нос, гундосить“, *huhňavý*, *chuhňavý*, *huhlat'* 1) „гудеть; греметь; ворчать“; 2) „говорить неясно; гундосить“. В польск. произошло сужение значения: *gęgać*, *gęgnać*, *gęgać*, *gęglić* „гоготать“ (о гусях), при кашубск. *gangotac*, *gęgotac* „гнусавить“.

Таким образом, эти глаголы сводятся к праслав. **gǫ-gǫn-ati* с редупликацией¹. В этимологической литературе уже указывалось, что ближе всего к нему стоят др.-греч. *γογγύω* „выражать недовольство, роптать“ и дринд. *gūñjati* „гудить, жужжить“. Из новых языков срвн. исп. *ganguear* „гнусавить“, *gangoso* „гнусавый“. А. Преображенский выделяет индоевроп. корень **gung-* „бормотать; жужжать“, звукоподражательного характера, как результат назализации другого индоевроп. корня **gouk-/geuk-*, см. Г. Ильинский, *AfsPh*, XXIX, 497, срвн. русск. *гук* „гул, стук, говор“, чеш. *hukot*, сербохорв. *хук* „шум, грохот, вой ветра“. Исходя из этого, можно задать вопрос: к каким корням восходят русск. *гугу* и болг. *гъг* и каково семантическое развитие этих образований, каковы словообразовательные связи этих „междометий“. Нам представляется, что здесь следует видеть не „междометия“, а существительные отглагольного происхождения, образованные бессуффиксным способом от глагола **gǫgǫnati* после переразложения **gǫ-gǫn-ati* русск. *гуг-нать*, болг. *гъг-на*. Эти существительные, видимо, рано вошли в состав устойчивой фразеологической единицы с отрицанием и значением „ни звука“, причем русск. *ни гугу* показывало бы в таком случае на старую флексию род. пад. основ на **-ǫ*. Замечательно, что в белорусск. сохранилось *гугу* (от *гуга*) в значении „шум, гул“, срвн. *во гугу справив!* „вот шуму наделал!“, *а на гугу никого нема в хаце*. (Носович, 124). Кроме того, Носович указывает, что *гугу* и *гугу* находились в отношении вариантности, срвн. *мы себе гугу да гугу з ім, а нічого не видзем* (там же). Носович называет это *гугу* „отглагольной частицей, подражающей говору и означающей разговор“. Не совсем ясно, почему Носович отделяет *гугу* от *гуга*, толкуя последнее как „междометие, означающее разгар пиршества“. Отсутствие примеров на употребление этого слова не позволяет раскрыть его природу, но представляется естественным положение его в ряду других образований от глагола *гугнати*.

На древность *ни гугу* (болг. *ниго гъг*) показывает наличие своеобразных по форме, но единных по семантической структуре выражений в ряде славянских языков, срвн. чеш. *ani tik* „ни гугу“ при глаголе *tikati* „говорить невнятно“, словацк. *ani tik* при *tikniť* „пикнуть“, болг. *хък-мък* (*хъката-мъката*) „при выражении неясного оправдания или объяснения“, польск. *ani tru-tru* „ни гугу“, белорусск. *ні мур-мур!*, укр.

¹ J. Zubatý, *Výklady etymologické a lexikální, Část první, Studie a články, Svazek I, v Praze, 1945, стр. 81.*

ni (ani) мур-мур! В болг. возможны усложненные формы *ни гък, ни мък*, срвн. [Рали:] „Да мълчиш, чу ли? Да не си продумала никому, че езика ти отрязвам. Като няма да си, ни гък, ни мък...“ (И. Йовков, Боряна), срвн. также *не каза ни вък* (П. Р. Славейков, Български притчи).

Интересно, что в современном русском языке (разговорный стиль) употребляется своеобразная „обновленная“ форма *без звука*, срвн. „Нет, но какая совесть у человека! „Мое, говорит, дело требовать с вас, что в чертеже парисовано, а ваше дело *без звука* выполнять, что я требую“. *Без звука* (И. Зверев, Все дни, включая воскресенье...); Машка мигом собрала барахлишко и ушла. *Без звука* (И. Зверев, Дни народовластия).

Следовательно, русск. *ни гугу* „молчок, ни звука“ представляется генетически связанным с праслав. **gagъnati* в его исходном значении „издавать нечленораздельные звуки“, от которого идут две семантические линии:

1) „говорить в нос, гнусавить“ и дальнейшие специализации по языкам: „гоготать“ (о гусях), „каркать“ (о воронах), срвн. укр. *гугнитъ ворона*, при *гугнити* „гнусить, говорить в нос“, „говорить неясно“ или „звучать неясно“, срв. укр. *десь далеко гугнив охотничий риг* (Гринченко), белорусск. *гугнавиць* „говорить невыразительно, заикаться“; повидимому, как следствие дальнейших словообразовательных и фонетических процессов в русских диалектах наблюдаем *гундбсый, гундбсливый* „гнусавый, говорящий в нос“, *гундбситъ* „гнусавить“, *гундос* „гнусавый человек“ (терск.) В этой связи представляется неверным утверждение М. Фасмера, что олонекск. *гунгач*, петрозаводск. *юнгач* „филин“ заимствованы из велск. *hüngei* „сова“ с русским суффиксом *-ач*¹. Видимо больше оснований говорить об обратном процессе, о заимствовании из севернорусских диалектов;

↗ „шептать“, „ворковать“.

2) „бурчать под нос, тихо, невнятно говорить“ → „роптать“, „ворчать“.

↘ „говорить“, „кричать“.

Причем, по диалектам восточнославянских языков происходят дальнейшие семантические, словообразовательные и фонетические процессы; срвн. среднеуральск. *гунуть* 1) „хныкать“; 2) „сказать, промолвить“; напр. *и гунуть ребёнку не даст* (Верхотурск. р-н)², арханг. *гунить, гунуть, сгунуть* „толковать, рассказывать, болтать“, *загунуть* „замолчать“³, петрозав. *гуньба* „разговор“⁴, укр. *гунути* „крикнуть“, южнорусск. *гундерить, гундорить* „болтать“; среднеуральск. *гундобрить* „ныть, кланчить“ (срвн. сербохорв. *гундорити* „ворчать, брюзжать, бормотать“), южнорусск. *гундора* „болтун“, *гунтор* „беседа, болтовня“, *гунорить, гунтарить, гунбра, гунтарка*, укр. *гунтір* „разговор, беседа“, *гунбрити* „болтать“ (см. иначе Бернекер, Преображенский, Фасмер). Из императива с отрицанием *не гунь* „замолчи“, извлеченного Куликовским из „Причитаний“ Барсова, следует, что такое употребление было характерно для глагола *гунить* < *гугнить*.

В свете вышеизложенного оказывается возможным выснить также происхождение русск. *гунявый* „облысевший“ (от болезни), тульск., ряз.

¹ М. Фасмер, указ. соч., стр. 475.

² Словарь русских говоров среднего Урала, т. I, Свердловск, 1964, стр. 129–130.

³ А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия, СПб., стр. 36.

⁴ Г. Куликовский, Словарь областного олонекского наречия, СПб., стр. 18.

гунявсть „терять волосы“, *гуньба* „мелкая сыпь во рту грудных младенцев“ (см. М. Фасмер, указ. соч., стр. 476). М. Фасмер высказывает сомнение по поводу связи *гунявый* с *гуня* „волосатая, ворсистая ткань“, как предполагал Бернекер, срвн. ярославск. *гуня* „шуба“¹. Сомнения эти основательны, ибо русск. *гуня* несомненно связано с болг. *гуна*, *гуня* „одежда из толстой ворсистой ткани“, сербохорв. *гунь* 1) „крестьянская куртка из грубого сукна“; 2) „шерстяное одяло“, имеющие совсем иное происхождение². Следовательно, в ярославск. нужно различать два омонима: *гуня* I „рохля, глуповатый, беспомощный, мямля“³ и *гуня* II „шуба“. *Гуня* I „мямля“ без труда связывается с древнерусск. *гугнивый* „косноязычный“, *гугнявый* „гнусавый, говорящий в нос“. Для установления же происхождения совр. простор. и обл. *гунявый* „лысый, плешивый, облезший от паршей, сыпи и т. п.; „облезлый“ (о животных), решающим является указание, что облысение наступило в результате болезни. Это значение появилось как указание на результат или побочный признак заболевания „дурной болезнью“, что подтверждается замечанием В. Даля о *гугнаветь*, *гугняветь*, *гугниветь* „делаться гугнявым, напр. от дурной болезни“. (Словарь, I, 405). На такое „промежуточное звено“ показывает ярославск. *гунявый* „сопливый“ (Мельниченко, указ. соч., стр. 56). На более ранние этапы семантического развития этого прилагательного указывает укр. *гунявый* „гнусавый“. Следовательно, замечание В. Даля о том, что в рязанск. и тульск. *гунявый*, *гунявый* „плешивый“ „иногда путается“ со словом *гугнявый* „картавый; гнусавый“, свидетельствует о вариантности основ *гугн- / гун-*, что еще раз подтверждает вышеизложенное.

В ходе исторического развития происходили слияния и контаминации интересующих нас образований с ответвлениями других общеславянских корней, напр. вторая ветвь, с её дериватами а) „шептать“, „ворковать“; б) „роптать“; в) „говорить громко“, „кричать“, переплеталась с разветвлениями образований от корня **guk-*, это затемняло исконные связи между образованиями, в корне которых стоит праслав. *gagъnati*. И если, как указывалось, в ярослав. *гуня* мы видим два омонима, как следствие внешнего совпадения генетически разнородных образований, то петрозаводск. *гуньба* „разговор“ и рязанск. *гуньба* „мелкая сыпь во рту грудных младенцев“ (при саратовск. *гуньба*) является случаем „междидалектной“ омонимии, как результат полисемии (в диахроническом аспекте), как результат семантического разветвления образований из праслав. **gagъnati*.

Сделанные нами наблюдения, думается, позволяют снять несколько вопросов, поставленных в словаре В. Даля самим автором. Он помещает в гнездо *гунить* „говорить, сказывать“ псковск. *гундосить* „выпрашивать, кланяться“ под вопросом. Сравнив его с выше приведенным среднеуральск. *гундорить* „нить, кланяться“ и сербохорватск. *гундорити* „ворчать, брюзжать, бормотать“, мы видим здесь отыменные глаголы от *гундос* „кланча, попрошайка“ (среднеуральск. и псковск.) и от сербохорв. **гундора* „брю-

¹ Г. Г. Мельниченко, Краткий ярославский областной словарь, Ярославль, 1961, стр. 56.

² Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев, Български етимологичен речник, св. IV, стр. 294.

³ Г. Г. Мельниченко, цит. соч., стр. 56.

зга", вытесненное современным *гундало*, в то время как южнорусск. диалекты сохранили *гундбра* (общ. рода) „болтун, говорун; тараторка“, а *гундбс, гундбс, гундбска* (общ. рода) в значении „гнусавый человек“. Тонкое чутьё филолога подсказывало В. И. Далю, что в тамбовск. *гунеть* „замолкнуть, затихнуть, успокоиться“, есть какая-то связь с *ни гугу* (дано под вопросом) и с севернорусск. *гунить* „говорить“. Теперь в этом нет никаких сомнений. Тамбовск. свидетельствует о нередких в глаголах антонимических процессах на базе „обратного“ восприятия негативных конструкций, срвн. в совр. болг. просторечии *той хич не те навихда* („он тебя терпеть не может“).

Восприятие совр. русск. *ни гугу* как междометия объясняется реликтовым характером этого образования и ранним смещением его в сторону „звукоподражательных“ слов, связь которых с бытующими в языке междометиями была очевидной. По аналогии с *ни гугу* было очевидно создано *ни жу-жу*: срвн. „Садитесь все вокруг, да чур... уж ни жу-жу“ (Дмитриев. Сказка)¹.

¹ См. А. И. Германович, Междометия русского языка, Киев, Радянська школа, 1966, стр. 42.

ГЛАГОЛНИ ОБРАЗОВАНИЯ С РЕДУВАНЕ НА ЗВУКОВЕТЕ
ЖД И *Ж* (ОТ ПРАСЛАВЯНСКОТО СЪЧЕТАНИЕ *ДЈ*)
В РУСКИЯ ЛИТЕРАТУРЕН ЕЗИК

Пенка Филкова

Праславянското съчетание *dj* се е развило в диалектите на праславянския език по различен начин и е дало различни резултати в отделните славянски езици. В старобългарски език например съчетанието *dj* (в процеса на смекчаване на *d* и асимилация с *j*) се е развивало в *жд*, а в староруски език — в *ж* (от *vidjon* > в стб. *виждж*, в руски *вижоу*; от *gordjaninъ* > в стб. *гражданинъ*, в руски *горожанин* и т. н.)¹.

Различният развой на праславянското съчетание *dj* (в старобългарски *жд*, а в староруски *ж*) дава възможност да се определи правилно произходът на думи като *одежда*, *надежда*, *побеждать* и пр. в руски език или *гостожя*, *невежа* и др. в български език „въз основа на специфичните звукови форми на тия думи“².

Думи от типа на *одежда*, *надежда*, *вождъ*, *гражданин*, *побеждать*, *рождение*, *прежде* и пр. в руския литературен език се определят като старобългарски по произход и заемки от църковнославянски език въз основа на характерното звуково съчетание *жд* в техния състав и самата им история. Този тип думи са една от сравнително слабо проучените категории старобългарски заемки в руския литературен език. Въпреки правилните и обосновани съображения на Н. И. Толстой за цялостно възприемане на системата на старославянски език от определен период, при което е по-целесъобразно да се говори не просто за заемки и влияния или отделни църковнославянизми, „а за центростремителни и центробежни тенденции, за унификация, създаване и укрепване на нормата или нейното отслабване, за различните центрове на старославянската книжнина, за тяхното преместване и съотношение“³, трябва да се изтъкне, че проучването на отделни категории заемки от църковнославянски език и конкретно в руски си остава твърде необходима задача, защото то разкрива сложната история на тия заемки на руска почва, многовеков-

¹ Вл. Георгиев и Ив. Дуриданов, *Езикознание*, София, 1959, стр. 128.

² Пак там, стр. 131.

³ Н. И. Толстой, *Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв.*, сб. *Вопросы образования восточно-славянских национальных языков*, М., 1962, стр. 6.

ното взаимодействие на много от тях с руски съответствия (фонетични или смислови) и ни дава, макар и частично, представа за сложността на системата и нейното развитие, „за процесите на фонетична, граматична и лексико-семантическа асимилация или аклиматизация на старославянския език у източните славяни“¹.

Твърде характерна в това отношение е съдбата на заемките от църковнославянски език с *жд* в своя звуков състав (напр. *одежда*, *прежде*, *виждь*, *прохлаждать* и т. н.) в историята на руския литературен език. Обект на наблюдение в дадената работа са само глаголни образувания от този тип заемки, напр. *вижду*, *даждь*, *прегражденный*, *убеждать* и др., някои от които са влезли в активния речник на руския литературен език, а други се срещат в отделни паметници на старата руска книжнина. Много от глаголните образувания със звукосъчетанието *жд* са срещали на руска почва фонетични варианти с *ж*, в резултат на което са възниквали сложни взаимоотношения и взаимодействия между заемките от църковнославянски език и техните руски фонетични съответствия.

В зависимост от типа на глаголните форми, при които се наблюдава редуване на старобългарското съчетание *жд* и руското съответствие *ж*, материалът се разпределя в няколко групи. Той се разглежда с оглед на историческия развой на руския литературен език, затова са привлечени литературни примери от различни епохи.

1. Редуване на *жд* и *ж* (от *dj*) във формите за I л. ед. число сегашно (или бъдеще просто) време на определени глаголи.

Подобно редуване се констатира при два вида глаголи.

а. Глаголи, наследени в старобългарски и староруски език от праславянския език, общи за двата езика, напр. *бродить* — *брожду* и *брожу*, *будить* — *бужду* и *бужу*, *видеть* — *вижду* и *вижу*, *водить* — *вожду* и *вожу*, *вследить* — *вслежду* и *вслежу*, *загладить* — *заглажду* и *заглажу*, *нарядить* — *наряжду* (*Mikl.*, 412—*dъspно*, *ѣre*) и *наряжу*, *находить* — *нахожду* и *нахожу*, *обидеть* — *обижду* и *обижу*, *приводить* — *привожду* и *привожу*, *родить* — *рожду* и *рожу*, *судить* — *сужду* и *сужу*, *ходить* — *хожду* и *хожу* и др.

Разгледаното редуване на *жд* и *ж* във форми като *брожду* и *брожу* не е свойство за съвременния руски език, но в паметниците на старата руска литература (XI—XVIII в.) то е намерило ярко отражение.

Наблюденията показват, че фонетичните варианти с *жд* и *ж* се употребяват в ранните произведения на руската книжнина диференцирано, в зависимост от използването им „в книжно-славянския или народно-източния тип на руския литературен език“². Вж. примери: „...грѣхѣ же своа вижду“ (ВМЧ)³, „...вижоу ѿбса ѿврѣста“ (Шест., 1263 г.), „...провожаю вы въ Иерсдмѣ“ (Сл. Йо. Богосл., Срезн., II, 1513), „Нс

¹ В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения, образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958, стр. 58.

² Там там, стр. 60.

³ Графиката на думи, употребени в стари паметници, се дава в съвременен вид, когато авторът употребява тези думи извън старите текстове. При цитати се запазва графиката на оригинала — б. а.

обиждъ тебе“ (Остр. ев., Срезн.), „Не приходъ бо, да сждъ мироу“ (Остр. ев., Срезн., II, 505) и „...идѣте съ данью домови а за възвращаю са похожо“ (Лет. по Лавр. сп., 6453 г.); „...а назъ лѣзу нарѣжо“ (Лет. по Лавр. сп., 6605 г.); „...не вижу свѣта твоего“ (Пов. об Акире), „Вижу, господине...“ (Мол. Дан. Заточника), „... тако аз хожю во тмѣ“ (Мол. Дан. Заточника), „...азъ ввожо...“ (Жит. кн. Ал. Певского).

Наред с това паметниците отразяват и взаимодействието на фонетичните варианти. Форми с *жд* проникват в светско-литературния стил, в народно-източнославянския тип на руския литературен език. Тези форми, някои от които се задържат до XVII — XVIII в., са могли да бъдат привлечени под влияние на църковнославянската книжна традиция без специална стилистична мотивировка. Тяхната употреба обаче често пъти разкрива желанието на съответния автор да ги използва като стилистично средство за създаване на приповдигнат, възвишен тон на повествуването, тъй като църковно-славянските елементи се отличават „със специфично книжния си, „висок“, тържествен характер“¹. Вж. примери: „А уже не вижду власти силнаго и богатаго и многовою брата своего Ярослав“ (Сл. о юлку Игор.), „В чемъ ты застану, в томъ ти и сужду“ (Прен. жив.), „Ты мой слава, отче мой предрагий! Вижду аз светло, како нашъ любииши“ (Комедия Сим. Пол.).

От друга страна, в книжно-славянския тип на руския литературен език се срещат редица случаи с използване на руските фонетични съответствия с *ж*, напр. *вижу*, *обижу*, *сужу* и пр. Те именно отразяват процеса на „фонетична асимилация и аклиматизация на старославянския език“, напр. „Остани и да же вижю“ (Пат. Син. XI в., Срезн., I, 257), „...въ томъ же ти сужю“ (Илар. Сл., Срезн., III, 599). Този процес протича твърде интензивно, защото си взаимодействуват общи за двата езика думи, отличаващи се само по формите за I л. ед. ч. сегашно (бъдеще просто) време: *вижду* — *вижу*, *сужду* — *сужу*. Трябва да се подчертае, че руските форми с *ж* (*вижу*, *сужу*) са били общоупотребителни, поради което църковнославянските варианти с *жд* (*вижду*, *сужду*) не са могли да ги конкурират и изместят, а сами са били асимилирани и са отпаднали от употреба.

б. Глаголи, заимствувани от църковнославянски език, напр. *бедить* (вѣдѣти — *убеждатъ*), *возбудить*, *вредить*, *градить*, *досадить* (към *досаждатъ*), *заградить*, *наслаждать*, *ненавидеть*, *нудить*, *оградить*, *охладить*, *победить*, *повредить*, *преградить*, *предвидеть*, *принадить*, *прокудить*, *прохладить*, *сладить*, *убедить*, *удодить*, *учредить* и др.

При тези глаголи от II спрежение с корен на *д*, които са претърпели разнообразни промени в историята на руския език, в I л. ед. ч. сегашно (бъдеще просто) време става редуване на *д* с *жд*, според фонетичните закони на старобългарски език, напр. *возбудить* — *возбужду*, *соградить* — *согражду*, *принадить* — *принажду* и пр. Вж. „...иъ идъ да възбждъ и“ (Остр. ев., Срезн., I, 338), „...принаждоу вамъ ранъ седмъ“ (Изб. 1073 г., Срезн., II, 1436), „На семь камени съграждоу црквъ мою“ (Юр. ев. 1119 г., Срезн., III, 691). Формите *возбужду*, *согражду*, *врежду*, *досажду* и пр. не са могли да имат руски фонетични варианти с *ж*, поради отсъствие на съответни руски глаголи. Въпреки

¹ В. Д. Левин, Краткий очерк русского литературного языка, М., 1964, стр. 19.

това обаче и в този случай паметниците са отразили възникнало редуване на *жд* с *ж*, което се дължи на две причини.

Първо. През периода до XIV в., когато съчетанието *жд* е било все още чуждо за руската фонетика, формите с *жд* са могли да бъдат представени с *ж*, както това е било и в ред други случаи (напр. *вижду* и *вижу* и др.). Русифицираните форми с *ж*, напр. *возбужу*, *огражу*, *побежу* (от *победить*) и пр., и при тези глаголи отразяват процеса на асимилация, аклиматизация на старобългарския език. Вж. примери: „И прокоуж землю ваш“ (Изб. 1073 г., Срезн., II, 1539), „До сирѣти тя, -рече, -Николаю уже побѣжу“ (Александрия).

Второ. По-късно, когато руският език усвоява съчетанието *жд*, разпространението на форми с *ж* като *возбужу*, *огражу*, *врежу* и др. може да бъде обяснено с действието на аналогията. В руски език се е употребявала голяма група глаголи от II спрежение с корен на *д*, което се е редувало с *ж* в I л. ед. ч. сегашно (бъдеще просто) време, напр. *водитъ* — *вожу*, *родитъ* — *рожу*, *садитъ* — *сажу* и т. н. Тези форми са образец за аналогични образувания. Трябна да се добави и това, че много от разглежданите тук заемки са могли да се асоциират със сходни руски форми, напр. *бужу* от *будить* (вж. *возбудить*), *горожу* от *городить* (вж. *градить*), *верезу* от *вередить* (вж. *вредить*), *вижу* от *видеть* (вж. *ненавидеть*), *соложу* от *солодить* (вж. *сладить*), *холожу* от *холодить* (вж. *прохладить*), *сажу* от *садить* (вж. *досадить*, *досада*) и пр. Тези обстоятелства явно са съдействували за установяване в руски език на единно редуване: *д* с *ж* (а не *д* с *жд*) в I л. ед. ч. сегашно (бъдеще просто) време при глаголите от II спрежение с корен на *д*.

Някои глаголи обаче твърде дълго са се възприемали, както наглежда, като книжни църковнославянски елементи и затова формите им за I л. ед. ч. сегашно (бъдеще просто) време са запазили *жд* (от *д*). Особено показателни са бележките на Ломоносов за глаголите от II спрежение, към които той отнася „окончаващите на *жду*: *бежду*, *врежду*, *гражду*, *кажду*, *нужду*, *слажду*, *чрежду*, *тружду*, *хожду*, *прежду*, *чуждусь*, *труждусь*“¹. Литературни примери показват, че *жд* се задържа в XVIII в., и в единични случаи даже през XIX в., във форми като *награжду*, *наслажду*, *наслаждусь*, *побежду*, *предупрежду*, напр. „...и лицеаренья наслаждусь“ (Державин, Фелица), „Сражаясь, побежду, Альзиру защищая“ (Фонвизин, Альзира), „... дай мне знать — и я тотчас предупреду моего управляющего“ (Тургенев, Письмо Полонскому, 1869), срв. „Или хоть мщеньем наслажусь“ (Пушкин, Цыганы)². Несъмнена роля е играла при тези глаголи и църковнославянската езикова традиция. По-голямата част от този тип глаголи са влезли в активния речник на руския литературен език, напр. *возбудить*, *будить*, *победить*, *убедить* и др. Само отделни глаголи са отпаднали от употреба и са останали в пасивния запас на езика, напр. *бедить*, *прокудить*, *принадить* и др.

Условно към тази група глаголи би трябвало да се отнесат и следните два глагола: *страдать* — *стражду* и *страдаю*; *ждать* > *жажду* — *жажду* и *жаждаю*. Глаголът *страдать* е зафиксиран

¹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. VII, Российская грамматика, М.-Л., 1952, стр. 702.

² С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953, стр. 113.

в паметниците на старата руска писменост с формите *стражду*, *страждеш* и фонетичните варианти *стражу*, *стражешь*, напр. „Страждъ въ пламени семь“ (Остр. ев., Срезн., III, 532), „...и зълъ страждеть“ (Остр. ев., Срезн., III, 532) и „...кто стражетъ на готовых конѣхъ...“ (Жал. гр. Ив. Дан. ок. 1329 г., Срезн., III, 531). По-късно, под влияние на глаголи от типа *-ать*, *страдать* присма и „нови лични форми — *страдаю*“¹. Към втората половина на XIX в. формите *стражду*, *страждеш* и пр. „все повече приемат „възвишена“ стилистична окраска“². Вж. „Больше всего страждеть все на Руси от взаимных недоразумений“ (Гоголь, Авторская исповедь). Личните форми *жажду* и *жаждаю* „отразяват, изглежда, контаминацията на глаголите *жадать* и *жаждать*... През XIX в. се утвърждава формата на инфинитива *жаждать*, личните форми *жажду*, *жаждаеш*“³. През XVIII в. формите *жаждаю* от *жаждать* и *жажду* от *жадать* се различават обаче⁴. Подобно разграничение се наблюдава и в паметниците, в които е отбелязано допълнително още и спрежението *жадаю* от *жадать*. Вж. „Жаждаетъ елень на источники водныя“ (Иак. Пам. Влад., Срезн., I, 840), „Аште ли жаждеть, напои“ (Панд. Ант. XI в., Срезн., I, 839), „Жадаеть бо присно спсєния...“ (Панд. Ант. XI в., Срезн., I, 839).

2. Редуване на *жд* и *жс* (от *дј*) във формите на имперфекта на глаголи с инфинитивни основи на *і*, напр. *водитъ*, *родитъ*, *ходитъ* и пр. Това *і* пред *а* (пред окончанието на имперфекта *-аашь*, *-аашь*) се изменя в *і*, а после в *ѣ*. Съгласният звук *д*, който се оказва пред *ј*, се изменя в старобългарски език в *жд*, а в староруски в *жс*, напр. от **chodiaschot* — *хождаахъ* в старобългарски и *хожаахъ* — *хожахъ* в староруски⁶.

В употребата на имперфектните форми от интересувания ни тип глаголи с редуване на старобългарското съчетание *жд* и руското *жс* се очертават два аспекта.

а. Диференцирана употреба на формите с *жд* или *жс* в зависимост от стила и жанра, в който са използвани.

В книжно-славянския тип на староруския литературен език се употребяват предимно форми с *жд*, напр. „Хождааста родителя него по вса лѣта въ Иерсльмъ“ (Остр. ев., Срезн., III, 1380), „Мчѣль Ха отврещися ноуждааше“ (Мин. сент. XII в., Срезн., II, 472). В народно-литературния тип на староруския език, както това е логично да се очаква, се използват форми с *жс*, напр. „...нъ хожаху по городу по воли“ (Новг. I л., 6704 г., Срезн., III, 1381), „...сажаше на ѿбѣдѣ оу себе въ чьрньца“ (Лет. по Ипат. сп., 6676 г.), „...и прехожаше землю ихъ“ (Гал.-Вол. лет.).

¹ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в., М., 1964, стр. 157.

² Пак там, стр. 161.

³ Пак там, стр. 160.

⁴ Словарь Академии Российской, СПб., 1806, ч. I.

⁵ Б. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка, М., 1964, стр. 375; А. И. Горишков, Старославянский язык, М., 1963, стр. 161.

⁶ Трябва да се отчита, че разиространението на *-хъ* вместо *-ахъ* води до изчезване на редуването *дј > жд*. Това новообразуване се появява в края на съществуването на старославянския език: Супр. *прѣхѣдѣхъ* вместо *прѣхѣдаахъ*“ (А. Вайан, Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 271).

б. Взаимодействие между формите с *жд* и с *ж*, което е резултат от взаимовлиянието между двата типа староруски литературен език. Това взаимовлияние намира израз, от една страна, в разпространение на имперфектни форми с *ж* в църковно-книжния стил. Тяхната употреба има двойк характер. В ранните паметници формите с *ж* могат да свидетелствуват за приспособяване на съчетанието *жд* към руската фонологична система, а така също и за влияние на аналогични руски форми с *ж*, напр. „Въ нихъ же хожаше жена юмоу“ (Пат. Син. XI в., Срезн., III, 1382), „... Павъла чрѣжаше нъ“ (Златоустр. XII в., Срезн., III, 1538). В по-късните произведения и преписи, в които е засвидетелствувано усвояването на съчетанието *жд* в руски език, имперфектните форми с *ж* разкриват своеобразието на руската редакция на старобългарския език, а така също и влиянието на аналогични форми, напр. „Преже бо всѣхъ вхожаше в церковь на молитву“ (Жит. Стефана Пермского), „Саръра же не рожаше, понеже бѣ неплоды“ (Илар. Зак. Благ., Срезн., III, 16).

От друга страна, в народно-литературния тип на руския език намират място имперфектни форми с *жд*. Тяхното използване показва, че староруските книжовници не са могли „да избягват влиянието на църковно-славянския език, продукт на развитието на християнската византийска култура в Русия и проводник на тази култура“¹. Формите с *жд*, употребявани не рядко без определени стилистични цели, обикновено „се влитат органически в повествованието като обогатяват неговата изразна сила“². Под влияние на църковнославянската традиция някои от формите с *жд* проникват в езика на произведения от „Московския период“ (XIV—XVII в.). Вж. примери: „... смрадъ велий изхождаше от него“ (Пов. о Новгор. клобуке), „...а погані и съ всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую“ (Сл. о полку Игор.), „...хождахоу съ крты манастиремъ“ (Новг. л., 6850 г., Срезн., III, 1379), „Перед войском твоим хождах и исхождах“ (Переп. кн. Курбского). Срв. също: „учиняше колъ высокъ и него всаждаше“ (Пов. о Дракуле) и „...то на колъ его всажаше“ (Пов. о Дракуле).

Разлагането на системата на миналите времена в руски език е станало причина за изчезване на редуването *жд* и *ж* във формите на имперфекта.

3. Редуване на *жд* и *ж* (от *dj*) във формите на 2 и 3 л. ед. ч. на повелителното наклонение на някои атематични (и производните от тях) глаголи.

В паметниците на старата руска литература, както и на литературата от XVII—XIX в., е намерило отражение редуването *жд* и *ж* във формите за 2 и 3 л. ед. ч.³ на повелителното наклонение на определени атематични глаголи (както и на техните производни), напр. *даждь* и *дажь*⁴ от *дать*, *яждь* (*аждь*) и *ежь* (*ѣжь*) от *ести* (*ѣсти*), *веждь* (*вѣждь*) и

¹ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 321.

² В. И. Левиц, пос. съч., стр. 51.

³ В отделни паметници се срещат и единични случаи на форми за 2 л. мн. число, напр. „Виждьте милость божию...“ (Сказание о житии отпа Антония, КДРС).

⁴ Много рано паралел с формата *даждь*, поддържана от църковнославянската традиция, и формата *дажь*, в употреба влиза и друго образувание — *бай*, напр. „Дан“ (Острев., Послесловие).

вежь (вѣжь)¹ от *ведеть* (вѣдѣти). Под тяхно влияние са възникнали и формите *виждь* и *вижь* от глагола *видеть* (видѣти), а така също и формите на някои производни глаголи, напр. *повеждь* и *повежь*, *ненавиждь* и *ненавижь*, *продаждь* и *продажь*, *въздаждь* и *въздажь* и др.

Църковнославянските от типа *даждь*, *яждь*, *веждь*, *виждь* са характерни за църковно-книжния стил, а фонетичните съответствия *дажь*,

ежь, *вежь* — за светско-литературния, напр. „Марта ѿ сладько аждь и пии“ (Изб. 1073 г., Срезн., III, 1666), „...и даждь оубогымъ по силѣ своен“ (Изб., 1076 г. и „...и дажь мнѣ“ (Лет. по Лавр. сп. 6605 г.), „Яжь и веселся въ великой радости“ (Сл. Дан. Зат., Срезн., III, 1667).

Взаимодействието на разглежданите тук фонетични варианти се изразява, както и в по-преди посочените случаи, в следното.

В църковно-книжния стил се срещат фонетични варианти с *жд*, които представляват русифицирани форми, употребени под влияние на родната езикова стихия на преписвачи и автори, или поради обстоятелството, че през периода до XIV в. *жд* не е било усвоено от руския език. Вж. примери: „Отдажь твой духъ“ (Киево-Печ. пат.), „Еще много медь нажь“ (Жит. Констант. фил., Срезн., III, 1667), „Въздажь ми радость“ (Псалт. Симон.), Срв. „...вижь жити и оустрой чинъ“ (Изб. 1076 г.) и „...виждь бѣдѣ ихъ“ (Изб. 1076 г.).

В светско-литературния стил формите с *жд* проникват под влияние на църковнославянски език. Те се употребяват като традиционни книжни елементи или пък като стилистично средство за достигане на по-голяма изразност и определен тон на повествоването. Като изразно средство, служещо за стилизация, отделни форми се задържат в употреба чак до XIX в. Вж. примери: „...даждь князю своему“ (Пов. о Петре), „Виждь в день сей злаа содѣлются о тебѣ“ (Ложные и отреч. кн.), „Но повеждь ми, что сии искусни творити“ (Комедия Сим. Пол.), „Часть мне достойну отдаждь, мой владыко“ (Комедия Сим. Пол.), „Восстань, пророк, и виждь и внемли“ (Пушкин, Пророк). Формата *даждь* в цитата: „Хлеб наш насущный *даждь* нам днесъ“ се среща дори в съвременни текстове.

4. Редуване на *жд* и *ж* (от *dj*) при глаголи от несвършен вид със суфикс *-а*, образувани от глаголи от свършен вид със суфикс *-и* и корен на *д*.

Образуването на несвършен вид на глаголи със суфикс *-а* от глаголи от свършен вид със суфикс *-и* и корен на *д* се е съпровождало в старобългарски език от редуване на *д* с *жд* (под въздействие на *ј* в наставката *-ја*) и редуване на *д* с *ж* в староруски език, напр. *родити* > *раждати*, *осждати* > *осждати* в старобългарски и *родити* > *ражати*, *осудити* > *осужати* — в староруски език.

Паметниците на староруската книжнина са отразили сложното взаимодействие, възникнало между този вид фонетични варианти. Обобщавайки материалите, ние бихме могли да изтъкнем следните основни положения.

¹ *Вѣжь* може да се разглежда като русифицирана форма, защото глаголет *вѣдѣти* е образувал форми за пов. и склонение по образец на тематичните глаголи, напр. *вѣдаи*.

а. Редуване на *жд* и *ж* се наблюдава при глаголи, наследени в старобългарски и в староруски език от праславянския език. В резултат на проникването на старобългарски език в Русия като език на църковната литература в староруската писменост се появяват фонетични варианти от типа на *раждатъ* и *ражатъ* от *родить*, *насаждатъ* и *насажатъ* — *насаживатъ* от *насадить*, *утверждатъ* и *утвержатъ* — *утверживатъ* от *утвердить*, *провождатъ* и *проважатъ* от *проводить*, *осуждатъ* и *осужатъ* от *осудить*, *обиждатъ* и *обижатъ* от *обидеть* и т. н., напр. „Жена, югда раждаетъ, печаль иматъ“ (Остр. ев., Срезн., III, 17); „Безумныхъ бо ни орютъ, ни съютъ, но сами ся ражаютъ“ (Сл. Дан. Зат.), „Не осждайте, да не осждени бждете“ (Остр. ев., Срезн., III, 750), „Вся укоряетъ и вся осужаетъ“ (Сл. Дан. Зат. Срезн., III, 750).

Двойките глаголи от типа на *раждатъ* — *ражатъ* имат различна история, свършено индивидуална при отделните случаи. Общото е, че тяхната първоначално диференцирана употреба (глаголите с *жд* се употребяват в книжно-славянския тип на руския литературен език, а руските фонетични съответствия с *ж* в народно-източнославянския) постепенно се нарушава, което води до възникване на нови взаимоотношения.

При глаголи като *осуждатъ* — *осужатъ*, например, църковнославянската форма с *жд* (*осуждатъ*) става общоупотребителна, а руското фонетично съответствие с *ж* (*осужатъ*) отпада от употреба. Причините за това ново разграничение на двойката *осуждатъ* — *осужатъ* по мястото им в системата на литературния език, и по-точно в неговия активен речник, са различни. В най-общи черти, от една страна, това е следствие от взаимовлиянието между двата типа на руския литературен език, в резултат на което в него проникват редица църковнославянизми. От друга — ролята на аналогични образувания при сродни думи, напр. *осужатъ*, но *рассуждатъ*, *рассуждающий*, *рассуждение*, *суждение*, *присуждатъ*, *обсуждатъ* и т. н. От трета — действието на тенденцията за отблъскване на омоформите и разграничение на омонимите в езика, напр. *работъ* — тв. п. ед. ч. и *работъ* — дат. п. мн. ч. > *рабамъ*; срв. *осудить* — *осужатъ* и *сужить* — *сужатъ*, *суженный*, *сужение*; срв. още: *победить* — *побеждатъ* и *побежатъ*, *убедить* — *убеждатъ* и *убежатъ*, *породить* — *пораждатъ* и *поражатъ* и т. н. В много случаи наред с вторичните глаголи със суфикс *-а* и корен *жд* (от *dj*) в руския език са съществували или съществуват вторични имперфективни глаголи със суфикс *-ыва*¹, появил се на руска почва, и корен на *ж* (от *dj*), напр. *обсуждатъ* и *обсуживатъ*, *осуждатъ* и *осуживатъ*, *выпровождатъ* и *выпроваживатъ*, *заглаждатъ* и *заглаживатъ*, *надсаждатъ* и *надсаживатъ*, *утверждатъ* и *утверживатъ*, *понуждатъ* и *понуживатъ*² и пр. Това показва, че фонетичните варианти от типа на *осужатъ* са били навярно слабо разпространени, а може би и изкуствени форми, което е съдействувало за утвърждаване на формата с *жд* (*осуждатъ*)

¹ Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в., стр. 22.

² А. Мазон изтъква идентичния характер на имперфективните глаголи със суфикс *-а* и *-ыва* и отбелязва, че те не представляват семантична диференциация (Morphologie des aspects du verbe russe, Paris, 1908, стр. 88).

наред с формата с *-ива(осуживаѣ)*. Възниквали са, разбира се, и смислови различия, които тук не разглеждаме.

При глаголи като *обиждаѣ* — *обижаѣ* общоупотребителна стана руската форма с *ж*, защото фонетичният вариант с *жд* почти не се е употребявал, срв. *расплочаѣ*, *снабжаѣ*, *разряжаѣ* и пр.

При глаголи като *насаждаѣ* — *насажаѣ* и *насаживаѣ* се констатира задържане и на двата фонетични варианта, което е станало в резултат на тяхната семантична диференциация и обособяването им в отделни смислови единици. Вж. примери: „...науки в государствах насаждае мы бивають“ (Приключения Фелистокла, 1781 г. — КДРС) „...насаживаю иви въ питомникѣ“ моеяъ цѣльня градки“ (С. Болотов, Сельской житель, 1778 г. — КДРС).

При двойката *раждаѣ* — *ражаѣ* се отбелязва стилистична диференция, при *проваждаѣ* — *проважаѣ* се констатира тенденция към отпадане на варианта с *жд*, което е свързано със съдбата на линейните и моторно-кратните глаголи за движение в историята на руския език.

б. Редуване на *жд* и *ж* се наблюдава при глаголи, заимствувани от църковнославянски език, и съответни руски фонетични варианти.

Проученият материал дава основание да се разграничават ясно две явления.

Първо. Редуване на *жд* и *ж* при глаголи, заимствувани от църковнославянски език, което е възниквало в резултат на русифицирането на старобългарското *жд*. Формите с *ж* са били изкуствени и не са могли да получат разиространение. Това редуване е намерило отражение в редица староруски текстове, напр. *ограждаѣ* — *огражаѣ*, *наслаждаѣ* — *наслажаѣ*, *повреждаѣ* — *поврежаѣ*, *убеждаѣ* — *убежаѣ*, *угождаѣ* — *угожаѣ*, *побеждаѣ* — *побежаѣ*, *прокуждаѣ* — *прокужаѣ*, *принаждаѣ* — *принажаѣ* и др. Вж. примери: „Медъ наслаждаетъ грѣтанъ твои“ (Панд. Ант. XI в., Срезн., II, 332), „Въ время наслажаеть твой гортанъ“ (Радзив. лст.), „Сѣм гла, заграждаеши оуста“ (Скрижал, КДРС), „...уста загражаются“ (Слово о житии кн. Дм. Ивановича), „...плѣкы побѣждають“ (Сл. о полку Игор.), „...вѣрнии людие побѣжають супротивяъя“ (Новг. I л. 6676 г., Срезн., II, 992).

Второ. Редуване на *жд* и *ж*, което е възниквало тогава, когато заимствувани от църковнославянски език глаголи са срещали в руски език фонетични съответствия, напр. *заграждаѣ* и *загораживаѣ*, *ограждаѣ* и *огорожаѣ* — *огораживаѣ*, *преграждаѣ* и *перегораживаѣ*, *охлаждаѣ* и *охлаживаѣ*, *прохлаждаѣ* и *прохлаживаѣ* и др. В повечето случаи разпространение получават и двата глагола, поддържани от традицията на писмената и устната реч.

Глаголите *заграждаѣ* и *загораживаѣ* останат в съвременния руски език като фонетични варианти за изразяване на едно и също понятие, напр. „...стена загораживала небо“ (М. Горький, Трое, ССРЛЯ, т. 4, 362), „Рамы были заграждены сеткой“ (М. Горький, Двадц. шесть и одна, ССРЛЯ, т. 4, 373).

При двойката *переграждаѣ* — *перегораживаѣ* е възникнала допълнителна смислова диференциация въз основа на развитието на преносно значение при варианта с *жд*. За вариантите *прохлаждаѣ* — *прохлаживаѣ* е характерна стилистична диференциация и пр.

5. Редуване на *жд* и *ж* във формите на минало страдателно причастие.

Редуването на *жд* и *ж* във формите на минало страдателно причастие е характерно както за староруски, така и за съвременния руски език, но съотношението между фонетичните варианти е претърпяло промени.

а. В староруския език отношенията между формите с *жд* и *ж* се очертават в следния вид.

Формите с *жд* се употребяват в книжно-славянския тип на староруския литературен език. Там се срещат и фонетични съответствия с *ж*, които представляват русифицирани, изкуствени варианти на *жд*, напр. „Не осуждайте да не осуждени боудете“ (Изб. 1076 г.), и „Не осуждайте да не осуждени будеть“ (Изб. 1076 г.), „Вами оубѣжденъ“ (Панд. Ант. XI в., Срезн., III, 1120), „Оуничъженне мое оубѣжеио бывше“ (Конст. Болг., Срезн., III, 1120).

В народно-литературния тип на староруския език се употребяват преимуществено форми с *ж*. Както формите с *ж* обаче, така и съответствията с *жд*, които постепенно са прониквали в тоя тип на езика, се отличават с книжния си оттенък. Това се дължи на самия характер на причастията, които представляват „морфологична категория, привнесена в руски език отвън“¹. Вж. примери: „...и побѣжени быша отъ нихъ“ (Пов. о битвѣ), „...и побѣждени быша людие“ (Лет. книга), „...ни стен крелко огражденных“ (Новая пов.), „ограженъ есмь страхомъ“ (Сл. Дан. Заг. Срезн., II, 609).

б. В съвременния руски литературен език съотношението *жд* и *ж* във формите на минало страдателно причастие се запазило само в групата глаголи, заемки от църковнославянски език, които имат руски фонетични съответствия, напр. *загражденный* и *загороженный*, *огражденный* и *огороженный*, *охлажденный* и *охоложенный*, *прохлажденный* и *прохоложенный* и др.

В останалите случаи формите с *жд* и *ж* са разграничени в зависимост от характера на глагола, от който са образувани, и неговата видова корелация. В граматиките на съвременния руски език и отделни изследвания нормата за образуване на минали страдателни причастия с редуване на *д* и *жд*, от една страна, *д* и *ж*, от друга, е твърде общо формулирана. Така например в Академичната граматика на руски език се изтъква: „Редуването *д* > *жд* се наблюдава само в книжните форми на миналите страдателни причастия, *поврежденный*, *пробужденный*, *утвержденный*“². По-конкретна, но непълна по отношение на формите с *жд*, е формулировката, даденв от А. Н. Гвоздев: „Глаголите, които имат в причастиято *ж*, образуват несвършен вид също с *ж*...: *остужен* — *остужать*“³. Проученият материал показва следната закономерност. Глаголите от IV продуктивен клас с инфинитив на *-ить* и корен на *д*, което се редува с *жд* във формата на несвършения вид на тия глаголи, образуват минало страдателно причастие с редуване на *д* с *жд*, напр.

¹ А. А. Булаховский, Курс русского языка. Исторический комментарий, Киев, 1953, стр. 220.

² Грамматика русского языка. т. I, М., 1953, стр. 549.

³ А. Н. Гвоздев, Роль исторических чередований в современном русском языке, Русский язык в школе, 1954, № I, стр. 19.

заградить — заграждать — загражденный, присудить — присуждать — присужденный, родить — раждать — рожденный, прохладить — прохлаждать — прохлажденный, победить — побеждать — побежденный и пр. Остапалите глаголи с инфинитив на *-ить* и корен на *д*, което се редува с *ж* във формата на несвършения им вид, образуват минало страдателно причастие с редуване на *д* с *ж*, например: *нарядить* — *наряжать* — *наряженный*, *запрудить* — *запружать* — *запруженный* и т. н.

Такава е най-общата схема на съотношението на глаголите образувания с *жд* в своя звуков състав и фонетичните варианти с *ж* в историята на руския литературен език. Взаимовлиянието на този вид глаголни образувания разкрива частица от сложните процеси, които са действували в квижно-славянския и народно-литературния тип на староруския литературен език и са оставили следи в съвременния руски език.

ЛИТЕРАТУРНИ ИЗТОЧНИЦИ И СЪКРАЩЕНИЯ

- Александрия. Вж. Гудзий.
 ВМЧ — Великие Минеи. СПб., 1874.
 Гал.-Вол. лет. — Галицко-Волынская летопись. Вж. Гудзий.
 Гудзий — Н. К. Гудзий, Хрестоматия по древней русской литературе, М., 1952.
 Девг. деяние — Девгениево деяние. Вж. Гудзий.
 Жит. кн. Ал. Невского — Житие князя Александра Невского. Вж. Гудзий.
 Жит. Стефана Пермского — Житие Стефана Пермского. Вж. Гудзий.
 Изб. 1076 г. — Изборник 1076 г., М., 1965.
 Киево-Печ. пат. — Киево-Печерский патерик. Вж. Гудзий.
 Комедия Сим. Полоцкого — Комедия Симеона Полоцкого о блудном сыне. Вж. Гудзий.
 КДРС — Картоотека древнерусского словаря Института русского языка АН СССР в Москве.
 Лет. кн. — Летописная книга. Вж. Гудзий.
 Лет. по Лавр. сп. — Летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г. Полное собрание русских летописей, т. I, М., 1962.
 Ложные и отреч. кн. — Ложные и отреченные книги русской старины, СПб., 1862, вып. 3.
 F. g. Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinitum, Vindobonae, 1862—1865.
 Мол. Дан. Заточника — Слово Даниила Заточника, Л., 1932.
 Новая пов. — Новая повесть о Российском царстве. Вж. Гудзий.
 Остр. ев. — Остромирово евангелие, СПб., 1889.
 Пов. о Дракуле — Повесть о Дракуле. Вж. Гудзий.
 Пов. о Новг. клобуке — Повесть о Новгородском белом клобуке. Вж. Гудзий.
 Пов. о Петре — Повесть о Петре и Февронии. Вж. Гудзий.
 Пов. Нестора — Повесть Нестора-Искандера о взятии Царьграда. Вж. Гудзий.
 Пов. о битве — Повесть о битве на реке Калке. Вж. Гудзий.
 Пов. об Акире — Повесть об Акире премудром, М., 1913.
 Перел. кн. Курбского — Переписка князя А. Курбского с Иваном Грозным. Вж. Гудзий.
 Преи. жив. — Препие живота и смерти. Вж. Гудзий.
 Псалт. Симон. — Древне-Славянская псалтирь Симеоновская до 1280 г., М., 1880/81.
 Пушкин — А. С. Пушкин, Сочинения, М., 1949.
 Радзив. лет. — Радзивилловская летопись Переяславля-Залесского, РПб., 1902.
 Слово о житии кн. Дм. Ивановича — Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича. Вж. Гудзий.
 Сл. о полку Игор. — Слово о полку Игореве, М.-Л., 1962.
 Слово о законе и благ. — Слово „О законе и благодати“. Вж. Гудзий.
 Сказ. Бор. Гл. — Сказание о святых Борисе и Глебе, СПб., 1860.
 Софийская — Софийская первая летопись, ПСРЛ, т. 5, СПб., 1951.
 ССРЛЯ — Словарь современного русского лит. языка, т. 1—17, М.-Л., 1848—1965.
 Срезн. — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—III, СПб., 1895—1903.

О МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ В ИЗЪЯВИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ
И НЕКОТОРЫХ ЕГО СТРУКТУРНЫХ ПРИЗНАКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Г. Тагамлицкая

1. Категория наклонения — бесспорная область значений модальных. Модальные значения желательности и необходимости, а также возможности совершения действия находят свое естественное выражение в формах повелительного наклонения (с его семантически богатым арсеналом интонационных вариантов) и наклонения сослагательного. Возможности передачи этих модальных значений умножаются и явлениями переносного употребления глагольных наклонений¹. В частности, неоднократно обращало на себя внимание напр. употребление форм изъявительного наклонения² со значением побуждения (ср. *пошли домой! пойдут-ка я домой! пойдешь домой!*).

Существенные особенности характеризуют повелительное и сослагательное наклонения, а также формы функционально к ним приравняемые, при передаче упомянутых модальных значений. Так, желательность и необходимость совершения действия выражаются в плане волеизъявления. Возможность совершения действия дается как нечто обусловленное. Кроме того, указанные значения выражаются с позиции говорящего (что особенно заметно при передаче оттенков волеизъявления). Отношение действия к действительности вскрывается в оценке говорящего, делая его в большей или меньшей степени участником того, что происходит и что отражено в его собственной речи.

2. И. в. может стать средством выражения также и некоторых других модальных значений (напр. достоверности-недостоверности, мнимости совершения действия и др.), прежде всего, включаясь в аналитические формы, образованные присоединением „модальных слов и частиц, которые обращаются в побочных грамматических выразителей модальности предложений“³. В такой функции отмечается присоединение слов *бывало, как будто, яко бы, дай (дайте), давай (давайте)*⁴.

¹ В. Виноградов, Русский язык. Учение о слове, Москва, 1947, стр. 598. Ср. также Грамматика русского языка, Москва, 1960, т. I, стр. 500.

² В. дальнейшем будет обозначаться только инициалами (и. н.).

³ В. Виноградов, Русский язык, стр. 604.

⁴ Там же, стр. 587—590.

Без этих модальных слов и в обычном своем употреблении и. н. обозначает действие как в реальности: оно устанавливает наличие действия[...] или же отрицает его наличие¹. Сфера модальности, ограничивающаяся констатацией действия (оповещением его наличия или отсутствия), иногда кажется сферой довольно нейтральной. Поэтому и. н. иногда представляется лишь грамматическим фоном, на котором и оцениваются модальные значения форм русского глагола². Именно эта сфера „констатирующей модальности“ при определенных условиях способна включить в свои формы времени, лица и числа добавочные значения желательности-нежелательности действия, его возможности или невозможности, как и доступности или недоступности его совершения и т. п., а также распоряжения — точнее, разрешения или запрета, присоединяемых к обозначению данного действия. Именно на эти значения, на их оттенки и формальные условия их выражения предполагается обратить внимание в предлагаемой работе.

II. 1. Несмотря на общепринятое мнение о принципиальной „нейтральности“ и. н., это наклонение (как о том свидетельствует речевая практика на базе любого из европейских языков) по самой сути своей потенциально содержит способность выражать ряд добавочных значений (не случайно напр. значения условное и желательное некоторыми авторами выводятся из форм и. н.³). То обстоятельство, что деятель совершает (совершал или совершил или же будет совершать-совершит) данное действие, уже само по себе дает основание понимать в соответствующей форме и. н. не только констатацию факта, но и указание на способность-неспособность, желание-нежелание, умение-неумение, обеспечившие наличие или отсутствие обозначенного действия. Срв. *Он не ест грибов* = он не любит есть грибы, не хочет или не может их есть. Срв. возможность так же понять и. н. и в формах прошедшего или будущего времени: *Покорный Иванов не ел грибов* или *Петров не будет (не станет) есть грибы*. В подобных примерах можно употребить формы любого лица и числа. Но в русском языке наличие указанных добавочных модальных значений в формах и. н. не является каким-то исключением, явлением специфично русским, встречается оно и в других языках, т. е. и в современном болгарском языке и в принципе не зависит ни от вида глагола (совершенного или несовершенного), ни от плана временного значения, ни от форм лица и числа.

2. Естественно, однако, предполагать, что некоторые из грамматических глагольных категорий могут ограничивать возможность появления того или другого модального значения или же их появлению способствуют. Примеры из речевой практики свидетельствуют о том, что, действительно, не будучи решающим и обязательным условием прояв-

¹ Грамматика русского языка, т. I, стр. 471.

² В. Виноградов, Русский язык, стр. 587. Срв. там же: „Изъявительное наклонение служит для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем. В нем сообщение о действии представляется прямым отражением действительности. В формах изъявительного наклонения выражается отношение субъекта к действию. Формы изъявительного наклонения объективны. Но эта „объективность“ бывает окружена разнообразными оттенками субъективного представления, которые присущи формам времени“.

³ А. А. Потехина, Из записок по русской грамматике, Москва, 1958, т. I — II, стр. 267 и сл. Специально см. стр. 268.

ления модальных значений, категории вида, времени, лица и числа, как и некоторые другие средства языка, в конкретных условиях практически оказываются формой выражения модальных значений, и даже значений именно определенного типа. Так же можно охарактеризовать и роль лексических и грамматических средств языка, включаемых в структуру предложений с глагольным сказуемым, и. н. которого обладает добавочными модальными значениями. И, наконец, наблюдения показывают, что грамматические категории, типичные для и. н., а также грамматические и лексические средства в предложении, за пределами формы и. н., активизируются на фоне лексического значения глагола.

Таким образом, как в русском, так и в болгарском языке (хотя и с некоторыми специфическими различиями) для возникновения модальных значений в и. н. очень существенны: а) лексическое значение глагола; б) содержание контекста, позволяющее уточнить понимание модального значения; в) конструктивные признаки в форме глагола и г) конструктивные элементы в предложении, которые лексическим или грамматическим путем приводят к пониманию модального значения.

Ш. 1. Для того, чтобы выяснить, как лексическое значение глагола может способствовать или препятствовать наслоениям модальных значений, можно остановиться напр. на предложении: *Человек дышит легкими, а рыба — жабрами*. Лексическое значение глагола, освещенное жизненным опытом говорящего и слушающего, как и всё содержание предложения, заставляют принять высказывание как простое утверждение факта. Обозначенное действие не может совершаться или не совершаться в зависимости от некоего желания или нежелания, умения или неумения и т. п. Поэтому и соответствующие модальные наслоения в данном глаголе невозможны. Равным образом невозможны они как в приведенном выше примере с глаголом в обобщенном значении, употребленном вне соотносительности с моментом речи, так и в случае соотносительности с моментом речи, срв. *Смотрите, как большой дышит*. И. н. глагола с подобным лексическим значением может приобрести некоторые модальные значения лишь в более специальных грамматических и иных условиях.

Иные свойства демонстрируют глаголы, обозначающие такие действия, которые могут возникнуть в результате желания и умения субъекта, его склонности, способности и т. д. Поэтому значение обобщенной констатации при участии таких глаголов обычно осложняется подходящими модальными наслоениями: *ребенок ходит* = умеет ходить, *птицы летают* = могут, способны летать.

2. Всё же, в последних примерах понимание глагола и всего предложения с добавочными модальными значениями — не единственно возможное (это результат многозначности глагольной формы). Уточнение значения обычно происходит на основании контекста. Напр., если предложение дано на фоне событий, совпадающих с моментом речи, то и данное сказуемое обычно вовлекается в комплекс обозначения событий, совпадающих с моментом речи. И, наоборот, если в контексте сообщается о явлениях вне их соотносительности с моментом речи, то и данное предложение приобретает характер информации о действии вообще, без отношения к моменту речи.

Несомненно, однако, что значение и. н. воспринимается более точно в тех случаях, когда в предложении используются и специальные сред-

ства языка, выступающие на фоне общего содержания и оформления контекста.

3. Участие в предложении слов и оборотов из определенной сферы лексических значений нередко становится важным, иногда решающим средством ограничения многозначности и. н., сводя его в конкретном предложении к какому-то определенному значению. Уже установлено в этом смысле влияние модальных слов¹. К этому, однако, присоединяется воздействие слов и оборотов, по существу модальными значениями не обладающих. Так, пониманию в и. н. некоторых добавочных модальных значений могут способствовать сочетания слов или отдельные слова а) обозначающие время или др. обстоятельства и условия, в которых совершается действие, так как тем самым как бы устанавливаются обстоятельства и условия, в которых манифестируется способность (неспособность), умение (неумение), склонность (или отсутствие склонности) совершать данное действие и б) дающие качественную характеристику действия, в равной мере осозаемую в роли качественной характеристики умения, способности и т. п. совершать данное действие. Напр.:

а) предложение *Она говорила по-французски* можно понять, как 1) сообщение о действии, совпадающем с моментом речи; 2) как информацию о способности совершать данное действие (вне представлений о моменте речи).

Срв., однако, *Она тогда уже говорила по-французски* (тогда уже умела, могла, т. е. вкладывается значение умения, способности, и уточняются обстоятельства, когда эта способность была приобретена или проявлялась).

Срв. также *Дома она решала задачи, а на экзамене не смогла решить* (с противопоставлением *решала—не смогла решить*, которое мы понимаем как противопоставление со смыслом *могла решать—не смогла решить*, так как по существу противопоставляются не действия, а потенция — ее наличие дома ее отсутствию на экзамене);

б) предложение *Соль растворяется* можно понять, как сообщение 1) о явлении, происходящем в момент речи; 2) о явлении, происходящем в любое время, вне соотносительности с моментом речи и 3) как сообщение о способности, свойстве, обычном признаке предмета (хотя характера научной информации в последних двух значениях данный конкретный пример не имеет).

Срв., однако, с включением слова *легко*, содержащего качественную характеристику явления: *Соль легко растворяется* (устанавливается только значение с оттенком способности, возможности).

Срв. также *Она говорила по-французски* (см. выше) и *Она хорошо, правильно* (или *плохо, никак не*) *говорила по-французски* (с сильным модальным значением способности, умения и характеристикой этого умения, возможности).

4. Лексические средства, дополнительно включающиеся в предложение и обуславливающие понимание определенных модальных значений в и. н., обычно являются также и добавочными средствами граммати-

¹ Грамматика русского языка, т. I, стр. 641—647. Срв. также В. Виноградов, *Русский язык*, стр. 587 и сл. 673, 675, 725—743; А. А. Шахматов (*Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку*), Москва, 1952, стр. 101—105.

ческими, так как оказываются второстепенными членами предложения. На многочисленных примерах можно убедиться в том, насколько существенно иногда наличие второстепенных членов предложения, напр. с обстоятельственным значением, для выявления модальных значений (невозможности (невозможности), способности (неспособности), умения (неумения). Так, нераспространенное предложение *Пальмы растут* можно понять двояко: как сообщение о явлении, совпадающем с моментом речи и как сообщение с добавочным значением возможности (= пальмы могут расти). Однако в предложении *Пальмы растут только в жарких странах* нет соотносительности с моментом речи, зато явно осязается добавочное модальное значение (могут расти только...).

Такое воздействие временных и пространственных обстоятельственных оборотов на смысл и. н. примечательно и интересно: на первый взгляд, наоборот, включение каждого нового второстепенного члена в предложение должно препятствовать пониманию глагольного действия как совершаемого „вообще“, т. е. и только как могущего совершаться. Ведь каждый второстепенный член предложения всё больше и больше сужает возможности различных толкований, уточняя содержание подробностями и сводя его к чему-то единичному и дифференцированному, т. е. к представлению об определенном факте действительности; при этом естественно предполагать, что столь осязаемая реальность акта при его обозначении не оставляет места для иных модальных значений, кроме типичного для и. н. значения констатации. Однако наблюдения над предложениями с и. н. свидетельствуют о другом. В действительности, в предложении, в котором наряду со значением констатации может быть заложено добавочное модальное значение, оно выступает более четко при наличии таких обстоятельственных пояснений, которые могут быть приняты как указание на обстоятельства, типичные для данного действия, а следовательно, и обуславливающие возможность его наличия или отсутствия. Обычно в том же смысле на и. н. влияют и косвенные дополнения, если для обозначаемого действия они могут стать типичной деталью его нормального, постоянного или нередкого осуществления. Срв. предложение *Соль растворяется*, которое может быть понято трояко (см. выше), но *Соль растворяется в воде* исключает понимание акта, совпадающего с моментом речи (так как = соль способна, может растворяться в воде).

Особо следует отметить роль прямого дополнения. Дело в том, что прямое дополнение в ед. ч. (обозначающее единичный предмет) обычно способствует и более ограниченному пониманию действия, как действия также единичного, конкретно совершаемого над данным предметом. Для обобщенного понимания действия (как вообще совершаемого или как способности его совершения) объект не должен указываться или же должен быть обозначен также „вообще“ (в последнем случае используется дополнение в форме мн. ч.) срв:

Катя вяжет (одно из возможных значений = умеет вязать, срв. *Катя хорошо вяжет*);

Катя вяжет блузку (явно речь идет только об определенном единичном акте, соотносящемся с моментом речи);

Катя вяжет блузки (одно из возможных и наиболее приемлемых значений — значение обычного занятия или умения вязать).

Признавая и в болгарском языке такие же влияния включаемых в предложение добавочных лексико-грамматических средств, следует указать, что, несомненно, имеются в нем и некоторые специфические языковые особенности. Так, с целью придать значение способности, умения (параллельно со значением обычно совершаемого действия), требование наиболее „общей“, наиболее неопределенной формы прямого дополнения во мн. ч. распространяется и на категорию определенности (неопределенности), осуществляемую членной и нечленной формами имен, т. е. в данном случае используется нечленная форма мн. числа:

Катя плете блузки со значением обычного занятия или умения (срв. *Катя плете* с значениями 1) *сега плете*, 2) *занимава се с плетене*, 3) *умее да плете*, срв. *Катя плете хубаво*).

Нет добавочных модальных значений в предложениях: *Катя плете блузка*. *Катя плете блузката*. *Катя плете блузките*.

IV. 1. Итак, и. н. представляет благоприятную почву для возникновения добавочных модальных значений, однако значения эти возникают не всегда. Попытка выяснить условия, способствующие наслоению модальных значений, позволила установить, что какой-то импульс к развитию этих значений дает лексическое значение самого глагола, какую-то роль аналитических форм выражения играют модальные слова, или же в роли катализаторов оказываются некоторые второстепенные члены предложения, если отвечают перечисленным выше условиям. Однако для большей полноты и точности выводов необходимо уделить внимание и грамматическим категориям самого глагола, так как при определенных условиях они могут отклониться от свойственного им значения констатации и стать инструментом передачи иных модальных значений, для которых в принципе не предназначены.

2. Категория вида сама по себе не подвержена развитию добавочных модальных значений. В этом можно убедиться, напр. на формах прошедшего времени, не очень типичных и употребительных для выражения этих значений, но позволяющих сопоставление на базе одной и той же временной категории. Срв. *Эти соли растворялись в воде* (одно из возможных значений — могли, способны были растворяться) и *Эти соли растворились* (= смогли, оказались способны раствориться). В данном случае имеется наслоение значения возможности. Также независимо от глагольного вида могут быть заложены и значения желания (нежелания), умения (неумения) и др. Видовые различия в таком случае имеют другие последствия: не сов. в. (без значения предельности действия) представлением о действии длительном или совершаемом часто, обычно или всегда придает и добавочному модальному значению оттенок признака постоянного¹: деятель всегда или обычно или хотя бы иногда хочет, любит, умеет, может (или не хочет) вообще (или в таких-то обстоятельствах, в какой-то данный период времени и т. д.) совершать действие: *Она танцует, но не пост. В те времена она уже тан-*

¹ Срв. в русском языке обозначение такого признака с таким же модальным оттенком: *Петров — человек мыслящий* (т. е. он умеет, может, любит, способен мыслить); *Иван пьющий*, а *Николай непьющий*. Срв. также термины *водолавающие* (умеющие плавать), *пресмыкающиеся* и т. п. Несомненно, при адъективации и субстантивации таких причастий модальное наслоение не обязательно, как и в спрягаемых формах (см. выше о лексическом значении глагола). Срв. *трудящиеся*, *учащиеся*, *млекопитающие* и др.

цевала, но еще не пела. Скоро она будет и танцевать и петь. Срв. то же и в болгарском языке.

В приведенных примерах имеется примечательная и очень типичная особенность: действие дается как желаемое, возможное и т. п., но с позиций субъекта. Это действие может, хочет, любит, способен, умеет, способен и т. д., а говорящий лишь сообщает об этом, не выражая своего эмоционального или волевого отношения к сообщаемому. Этот основной фон констатации не допускает нарушения общего семантического и функционального облика и. н., лишь осложняя его содержание добавочными наслоениями. Именно этим рассматриваемые формы и. н. и отличаются от случаев переноса наклонений или от аналитических форм с модальным значением, в которых и. н. перестает быть средством констатации и становится средством побуждения (*пойду-ка я! идем! пошли!*) или оценки говорящим достоверности сообщаемого и т. д.

Формами сов. вида модальные значения даются как характеристика, обуславливающая наличие или отсутствие единичного акта. Срв. *Они вдвоем больше трактора сработают, говорили в Гремячем* (Шолохов, Поднятая целина) = умсют (сумсют). *Он не прикоснулся к еде* = не захотел прикоснуться. *Его не поймут* = не смогут понять. Срв. также и в болгарском: *Той не кусна от храната* = не поиска, не пожелал да кусне... *Не ще го разберат* = не ще могат да го разберат.

В русском языке постоянный признак с обобщенно-модальным значением может быть выражен и глаголом сов. вида со значением результата: *Этого человека не поймешь* (см. ниже в категориях времени и лица) = этого человека нельзя понять, это человек непонятный.

V. 1. Существенную роль в выражении добавочных модальных значений категория вида способна играть только в теснейшем взаимодействии с категорией времени. Приведенные выше примеры, свидетельствуя о наличии добавочных значений в любом временном плане, не исключают преимущественной склонности некоторых форм времени к таким значениям. Наиболее яркими модальными значениями обладают формы с наиболее слабым, расплывчатым, неопределенным временным значением. Поэтому наиболее естественной средой для этих значений в глаголах несов. вида является настоящее время, а в глаголах сов. вида будущее простое.

2. Общеизвестно, что настоящее время может обозначать действие или состояние как постоянное свойство подлежащего (значение, не выявляющее соотносительности с моментом речи или же с другим каким-н. действием)¹. Такая темпоральная неориентированность способствует пониманию добавочных модальных значений (срв. *Птицы летают*), как способствует она и в формах, в которых временное значение уступает какому-н. другому грамматическому значению, напр. значению условному: *Погода несносная, дорога скверная, ящик упрямый, лошади не везут, а виноват смотритель* (Пушкин, Станционный смотритель) = не хотят везти.

3. Будущее простое в способности вмещать разнообразные модальные значения не уступает настоящему, и это не случайно. Рядом

¹ Грамматика русского языка, т. I, стр. 483. В. В. Виноградов считает, что это и есть основное грамматическое значение формы наст. времени несов. вида (Русский язык, стр. 570—571).

свойств будущее простое вр. соприкасается с настоящим, срв. его способность обозначать действия, совершаемые в настоящем или прошедшем или вообще вне отношения к моменту речи и др., срв. напр. обозначение действия в плане настоящего: *Вот привыкнешь к людям и не замечаешь их сущности* (Добровольский, Трое в серых шинелях)¹. Следовательно, и будущее простое может быть употреблено с ослабленным, измененным или вообще отсутствующим темпоральным значением, выражая „временные оттенки“, в которых содержатся не временные, а скорее модальные и видовые значения². А это позволяет переносить действие в любой временной план без противоречия с формой его выражения: *Бывало, я ставила пирожки на стол, а он и не посмотрит на них. Каждый день кладу пирожки на стол, а он и не посмотрит на них. Вот, положу пирожки на стол, а он и не посмотрит на них* и т. п.

Русские формы будущего простого, в которых при наличии добавочного модального значения не отсутствует и значение временное, обычно находят соответствие и в болгарских формах буд. времени сов. вида. Срв. *Да кто же такого коротышку в гвардию возьмет?* (Саянов, Небо и земля) = кто захочет его взять? Никто не захочет взять; и болгарское: *Кой ще го вземе в гвардията?* Или *Его здесь не поймаут — Тук не ще го разберат* (= не ще могат). В русском языке, однако, нередко и особенно типично отсутствие значения буд. времени. Срв. *Не пойму* = не могу понять, *Не скажу, что* = не хочу, не могу сказать, что... (срв. характеризусмые как разговорные³ в толк не возьму, не сумею объяснить). В болгарском языке эта форма относительно разложенному обороту или же обороту страдательному или (иногда) безличному. Срв.: *Такого сердечного смеха И песни, и пляски такой. За деньги не купишь* (Некрасов, Мороз Красный нос, I, VI) = болг. 1) не можеш да купиш; 2) не могат да се купят и 3) не се купуват. Оттенки модальных значений в этих формах довольно полно перечислены В. В. Виноградовым⁴. Срв. их сжатое изложение в академической Грамматике русского языка: 1) значение возможности или невозможности осуществления действия и 2) решительное выражение неизбежности, обычности результата⁵.

VI. 1. Интенсивность добавочного модального значения, выражаемого видо-временными формами, в значительной мере зависит от их глагольного лица (и числа). На фоне возможного использования формы любого лица ед. ч. и мн. ч. (см. примеры выше) частотностью и интенсивностью модальных значений выделяются те глагольные формы, в которых категория лица не функционирует в ее прямом предназначении⁶ и поэтому исключает возможность их замены другими формами. Это на первом месте самые типичные формы с обобщенно-личным значением — II л. ед. числа, в которых значение лица очень ослабленно и расплывчато (срв. не-

¹ Грамматика русского языка, т. I, стр. 482 и 486. О том, что иногда вообще „стираются грани между будущим простым и настоящим“ срв. В. Виноградов, Русский язык, стр. 574. Срв. также А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, изд. II, Москва, 1951 г., т. I, стр. 344.

² Грамматика русского языка, т. I, стр. 485.

³ Русский язык, стр. 574.

⁴ Там же, стр. 574.

⁵ Грамматика русского языка, т. I, стр. 485.

⁶ Там же, стр. 467.

редкое их употребление в поговихах: *На чужой роток не накинешь платок*). На втором месте это III лицо мн. числа в значении обобщенно- или неопределенно-личном (в последнем случае, однако, различна степень неопределенности, так как чем яснее намек на определенного деятеля, тем ограниченнее возможность модальных наслоений)¹. Естественно, что синтаксической средой этих русских оборотов с интенсивным модальным значением являются именно обобщенно-личные и отчасти неопределенно-личные предложения. В болгарском языке, однако, несмотря на существование неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений², соответствий упомянутым русским оборотам нет, а соответствующие модальные значения передаются другими средствами языка.

2. Поскольку в таких глагольных формах, т. е. в предложениях обобщенно-личных и неопределенно-личных, действие приписывается любому субъекту вообще или же деятелю неопределенному, то и модальные значения выражаются как обобщенное и с позиций деятеля не уточненное указание, что данное действие желательно (нежелательно), можно (нельзя), полагается, следует, требуется или же не полагается, запрещено совершать. Срв. *Разве так разряжают гранату?...* (Саянов, Небо и земля) = разве так следует (полагается, нужно) разряжать гранату?... *А ведь ворон ни жарят, ни варят...* (Крылов, Ворона и курица) = ворон не полагается, нельзя ни жарить, ни варить. — *Я не лекарство, которое принимают,* — ответил Володя (Добровольский, Трое в серых шинелях) = которое можно принимать. *Тебя не поймешь, Степан Степанович* (Чехов, Отец семейства) = тебя нельзя (невозможно) понять и др.

VII. 1. Исползованный иллюстративный материал свидетельствует о том, что проявление добавочных модальных значений не ограничивается рамками отрицательных и вопросительных предложений. Однако несомненно и то, что отрицательное и вопросительное употребление глагола для таких значений оказывается особенно благоприятным. Возможно, что это происходит потому, что в таких предложениях и. н. со всеми своими категориями используется лишь условно, так как не может быть и речи о наличии и утверждении акта. Отсутствие реальности действия позволяет, однако, обсуждать его потенциальность (в формах отрицательных), что и благоприятствует соответствующим модальным значениям. Срв. интересный оборот (употребительный и в русском, и в болгарском, и в некоторых других языках), в котором двойное отрицание не только приводит к утверждению, но и обуславливает модальное значение, не соотносящееся с лексическим значением употребленного в нем модального глагола: *В тресте не могут не знать, что мы механизировали полностью лесной склад* (Волошин, Земля Кузнецкая) = должны знать.

2. Особенно характерно для этих модальных значений использование II л. ед. числа будущего простого со значением обобщенно-личного отрицания или вопроса: *Но никакими разговорами не заменишь горячую*

¹ На уровне морфологии модальные значения этих форм не рассматриваются. В сфере синтаксиса все же иногда это интересное свойство обобщенно-личных форм отмечается. Формы неопределенно-личных, однако, обходятся молчанием. Срв. напр. Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 8 или А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. II, стр. 88 или Современный русский язык (Морфология. Синтаксис), под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. Москва, 1964, ч. II, стр. 398.

² Срв. К. Попов, Современен български език. Синтаксис, 1962, стр. 81—85.

работу (Ажаев, Далеко от Москвы) или *Что с ним поделаешь, вот с таким?* (Федин, Необыкновенное лето). Интенсивность модального значения в этих формах особенно велика. Преобладая над значениями видо-временными (см. I, 3), содержание модальности обобщенно-личной становится основным в плане настоящего времени несов. вида. При этом, наряду с употребительностью отрицательных и вопросительных предложений, нередко наблюдается отсутствие повествовательно-утвердительных¹, а отрицательные и вопросительные сводятся к общему значению невозможности, так как и форма вопросительная имеет „отенок отрицательной модальности“: *Известное дело — пьяный человек! Что от него узнаешь?* (С. Шедрин, Губернские очерки)² = от него ничего нельзя узнать. Однако утвердительные предложения, хотя и редко, но всё же существуют³. Срв.: *Близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься* (Тургенев, Дворянское гнездо, XVI) = можешь (сможешь) понять. Поэтому, не абсолютизируя данные, внушаемые высокой частотностью, следует говорить лишь об ограничении употребительности форм выражения, которое сопутствуется некоей концентрацией значения: вообще буд. простое „способно передать разнообразные оттенки предположительности, неопределенности“, а также с отпечатком субъективной экспрессии, „решительной, категорической готовности субъекта к действию для выражения привычности действия, или, напротив, отказа от действия, сознания неспособности к действию или невозможности действия“⁴; формы того же времени, но в обобщенно-личном употреблении сосредоточены преимущественно на выражении невозможности и лишь иногда (без отрицания или вопроса) придают значение возможности.

VIII. 1. Возвратные глаголы как в русском, так и в болгарском языке нередко имеют интенсивное значение обобщенного должествования, возможности или желания. Обильные примеры с этими значениями предлагают страдательные обороты, которым такие значения очень свойственны (срв. и страдательные причастия наст. времени: *легко уязвимый, видимый простым глазом* и др.).

В русском языке с его склонностью к глаголам на *-ся* страдательного значения⁵ эти формы очень употребительны. Существует мнение, что в них указанные модальные оттенки даже более явственны, чем напр. в оборотах неопределенно-личных⁶. Отмечаются и условия, этим значениям благоприятствующие — отсутствие обозначения деятеля (т. е. объекта в творительном падеже)⁷ и наличие „наречных качественных определений образа действия“⁸. Однако красноречив сам факт, что в русском языке используются с той же целью и другие типы оборотов: обобщенно-личные

¹ Иногда отрицательная и вопросительная формы вообще считаются единственно возможными. Срв. А. А. Гвоздев, цит. соч., т. II, стр. 88.

² В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 575.

³ Академическая Грамматика русского языка, т. II, ч. I, стр. 8 дает оба значения — возможности или невозможности действия.

⁴ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 575.

⁵ Нетипична она напр. для литовского языка. Срв. В. К. Поржезницкий, Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, Москва, 1903, стр. 56; для польского и др.

⁶ Н. А. Янко-Триницкая, Возвратные глаголы в современном русском языке, Москва, 1962, стр. 113.

⁷ Н. А. Янко-Триницкая, цит. соч., стр. 113.

⁸ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 635.

и неопределенно-личные (напр. *Так ключи не вставляют*) и инфинитив с лексически выраженным модальным значением¹ (*Так ключи нельзя или не следует, не полагается вставлять*) наряду со страдательным оборотом (*Так ключи не вставляются*). Это не может не отразиться неблагоприятно на частотности глаголов на *-ся* со страдательным значением. Кроме того, несмотря на заявление о высокой продуктивности образования² этих глаголов, отмечается целый ряд ограничений³. Поэтому, если интересующие нас страдательные обороты и „могли бы быть перестроены по типу неопределенно-личных предложений“⁴, то обратная трансформация далеко не всегда возможна (срв. *Этот салат едят со сметаной*).

В болгарском языке страдательные обороты (особенно при наличии тех же благоприятствующих условий) значительно чаще и легче выражают значения долженствования и возможности, тем более, что и образование их менее ограничено. Срв. *Салатата се яде със сметана* (= пужко есть и т. п.), *Чужди вещи не се пипат* (чужие вещи нельзя, не следует, не полагается трогать). Упомянутые модальные значения нередко находят в этих формах несов. вида единственную форму выражения: обобщенно-личные и неопределенно-личные предложения в болгарском языке не обладают значениями возможности и долженствования. А лексическим выделением лишь усиливается содержащееся в страдательном обороте модальное значение, не влияя на форму глагола. Напр. *Чужди вещи не бива (не трябва) да се пипат*. Страдательные возвратные глаголы в болгарском языке, однако, в отличие от русского языка, способны выражать и значение желания (нежелания). Эти обороты включают обязательный структурный элемент — т. н. краткую форму личных местоимений. Срв. *Много ми се ядат плодове* = очень хочется есть...; *Не ми се пипат чужди вещи* = не хочется трогать чужие вещи.

2. Безличные возвратные глаголы в русском языке включают совокупность обозначающих непроизвольные состояния⁵, среди которых многие обладают и значением желания: *Не спится, няня, здесь так душно...* (Пушкин, Евгений Онегин) = не хочется спать⁶. В болгарском языке такие безличные глаголы значительно более многочисленны⁷, поэтому они нередко соответствуют не русскому глаголу, а целому обороту с модальным значением: *Яде ми се* = хочется есть, хочу есть; *не ми се дава* = не хочется давать. В болгарском языке, однако, безличные возвратные глаголы обладают и значением возможности и, особенно, долженство-

¹ По свидетельству Н. А. Янко-Триницкой, цит. соч., стр. 114 и 117, синонимические действительные обороты бывают не всегда, но упомянутыми конструкциями эти значения передаются легко.

² Срв. там же, стр. 81, 130 и др.

³ В Грамматике русского языка, т. I, стр. 34 и 504, даются ограничения видовые. Янко-Триницкая (цит. соч., стр. 134—136) считает, что системы в ограничениях нет.

⁴ Н. А. Янко-Триницкая, цит. соч., стр. 110.

⁵ Срв. уже у Ф. И. Буслаева, Историческая грамматика русского языка, Москва, 1959, стр. 381.

⁶ Разнообразные примеры даны также у Н. А. Янко-Триницкой, цит. соч. с. 212—213, 215, 216, 217.

⁷ М. Г. Рожновская, Безличные предложения в современном болгарском литературном языке. Вопросы грамматики болгарского литературного языка. АН СССР, М., 1959, с. 410.

вания (без кратких местоимений)¹: *Оттук се минава за канцеларията* = Здесь можно пройти...; *тук не се пуши* = здесь нельзя курить; *Няма какво, ще се черпи* (Г. Караславов) = ... придется угощать.

IX. И так, и. н. может (с позиций деятеля или обобщенно) выражать значения желания, возможности, долженствования формами определенной морфологической структуры и элементами синтаксической структуры предложения на фоне содержания и лексического состава высказывания. При наличии сходства в принципе проявления этих фактов русского и болгарского языков, наблюдаются расхождения в частных функциях грамматических категорий, которые и выделяются как структурные признаки различных модальных значений.

¹ Там же, стр. 418. Срв. также К. Попов, цит. соч., стр. 75.